Р.О.Б.Е.Р.Т

ШЕКЛИ

КРЫСА

КОРПОРАЦИЯ «БЕССМЕРТИЕ»

Корпорация «Бессмертие»
Роберт Шекли

Аннотация
Роберт Шекли. КОРПОРАЦИЯ «БЕССМЕРТИЕ»
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Аннотация

Люди будущего. Кем они станут? Куда занесут их столь обычные для человеческой породы пороки, предрассудки и илхая жажда наживы? Многие писатели (причем не самые плохие) уже размышляли на эту тему, перебирая огромное количество повторяющихся вариантов и набивая оскомину у несчастных читателей. Но только не Роберт Шекли! Его сюжеты и образы всегда ярки, оригниальны и остроумны, а фантазия поистине безгранична.

Роберт Шекли
КОРПОРАЦИЯ «БЕССМЕРТИЕ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Уже после того Томас Блейн иногда раздумывал над тем, как ему пришлось умереть, и чувствовал, что это могло бы произойти более интересным образом. Почему не могла к нему прийти смерть в момент сражения с тайфуном, или в схватке с тигром, или при покорении отшлифованного всеми ветрами горного склона? Отчего смерть его была такой заурядной, обычной, ничем не примечательной?

Но именно такого рода смерть, как он понимал, и была суждена ему в соответствии с его натурой. Несомненно, он должен был окончить существование именно таким, быстрым, обычным, безболезненным и неопрятным способом, каким он и погиб. К тому вела вся его жизнь: неясный намек в детские годы, явное обещание во время учебы в колледже и неумолимая определенность в возрасте тридцати двух лет.

И все же, даже будучи совершенно ординарной, смерть остается самым интересным событием в жизни. И Блейн думал о ней с неослабевающим напряжением. Он должен был знать все о тех

минутах, о тех последних драгоценных секундах, когда его собственная смерть поджидала его, затаившись на ночном шоссе в Нью-Джерси. Не было ли какого-то предупреждающего знака, намека? Что он успел или не успел сделать? О чем он думал?

Это были решающие секунды. Каким же именно образом он погиб?

Он ехал по пустынному прямому шоссе, фары бросали далеко вперед снопы света, ночная тьма безостановочно отступала перед мчащимся автомобилем. Спидометр показывал семьдесят пять миль в час. Далеко впереди он заметил отсвет фар, навстречу шла машина, первая за многие часы пути.

Блейн возвращался в Нью-Йорк после недельного отпуска, проведенного в домике на берегу залива Чезапик Бей. Он удил рыбу, плавал, дремал на солнце, растянувшись на грубо отструганных досках причала. Как-то он отправился на своем шлюпе в Оксфорд и весь вечер танцевал в яхт-клубе. Он познакомился с какой-то глупой бойкой девицей в голубом платье, и она сказала, что он выглядит совсем как покоритель Южных морей, такой же загорелый и высокий, и в рубашке-хаки. На следующий день он вернулся обратно

в свой домик, лежал на досках причала и, дремля, мечтал, как он загрузит шлюп консервами и отправится на Таити. О, Раиатеа, и горы Муреа, и Свежий попутный ветер…

Но между ним и Таити простирались континент и океан, а также другие препятствия. Мысль была хороша для дремы на солнышке, но явно не для того, чтобы привести ее исполнение в жизнь. Теперь он возвращался в Нью-Йорк, к своей работе младшего конструктора яхт в известной старой фирме «Матисон и Петерс».

Фары встречной машины приближались. Блейн сбросил скорость до шестидесяти миль в час.

Хотя должность и носила громкое название, на самом деле все выглядело куда более прозаично. Старый Том Матисон сам справлялся с типовыми проектами крейсерских яхт. Его брат Ральф, по прозвищу Маг, завоевал международную известность своими гоночными яхтами и необыкновенной скоростью исполнения заказов. Что оставалось для младшего конструктора?

Блейн чертил планы палубного оборудования и занимался деловой перепиской, рекламой и прочим. Это была ответственная работа, и нельзя сказать, что она не приносила удовлетворения.

Но он хотел конструировать яхты.

Он понимал, что должен действовать самостоятельно. Но заказчиков было мало, а конструкторов яхт очень много. Как он говорил Лауре, это все равно что чертить арбалеты и катапульты. Работа интересная, творческая, но кто все это купит?

— Но ты мог бы все-таки найти сбыт для своих яхт, — сказала она с неприятной прямотой. — Почему же ты не пытаешься?

Он улыбнулся, немного по-детски, очаровательно улыбнулся: — Действовать — это не мой удел. Я специализируюсь на раздумье и легком сожалении.

— То есть, ты — лентяй?

— Вовсе нет. Это все равно, что сказать, будто ястреб плохой скакун, а у лошади слабая способность летать. Нельзя сравнивать разные виды. Я просто не принадлежу к типу «деловых» людей. Я планирую, мечтаю, воображаю только ради мысли самой, а не ее воплощения в вещь.

— Я просто ненавижу такие разговоры, — сказала она со вздохом.

Конечно, он несколько преувеличивал. Но во многом был прав. У него имелась приятная работа, достаточно высокое жалованье, солидное положение. У него была квартира в Гринвич Вил-

лидж, стереопроигрыватель, машина, маленький домик на берегу Чезапик Бей, отличный шлюп и благосклонность Лауры и нескольких других девушек. Возможно, как заметила Лаура, используя избитое выражение, он попал в водоворот в течении жизни… Ну и что же? Мягко вращающийся водоворот позволяет еще лучше рассмотреть, что лежит вокруг.

Встречная машина была уже совсем близко. Блейн заметил, с некоторым изумлением, что он увеличил скорость до восьмидесяти миль.

Он опустил акселератор. Его автомобиль резко дернулся, завилял, его начало заносить в сторону приближающихся фар.

Покрышка? Неисправность в управлении? Он изо всех сил повернул руль. Тот не поворачивался. Колеса автомобиля ударились о низенький разделительный бортик между северной и южной полосами, и машина подпрыгнула. Руль начал поворачиваться свободно, а мотор завыл, как потерянная душа.

Встречная машина попыталась свернуть, но было уже поздно. Сейчас они столкнутся почти лоб в лоб.

Да, подумал Блейн. Я один из них. Из тех глупых баранов, о которых пишут в газетах, что их

автомобиль потерял управление, и в аварии при этом погибло много невинных людей. О, Боже! Современные механизмы, со временные шоссе и высокие скорости, а рефлексы все те же, человеческие…

Внезапно, совершенно необъяснимым образом, руль снова заработал, давая Блейну отсрочку в долю секунды. Блейн не тронул руля. Когда фары встречной машины ударили в ветровое стекло, сожаление в нем вдруг сменилось возбуждением. На мгновение он возблагодарил надвигающийся удар, он желал его, он хотел этой боли, хруста костей и смерти.

Потом машины встретились. Возбуждение исчезло столь же быстро, как и появилось. Блейн почувствовал глубочайшую тоску по всему, что он не успел сделать. По водам, где он не плавал, по фильмам, которые еще не успел посмотреть, по книгам, еще не прочитанным, по девушкам, им не тронутым. Его бросило вперед. Руль вырвало из рук. Колонка управления прошла сквозь грудную клетку Блейна и сокрушила позвоночник, голова его врезалась в толстое, не дающее осколков, стекло.

В этот момент он понял, что умирает. Мгновение спустя он был мертв — быстро и ординарно,

без боли.

Он проснулся в белой постели, в белой комнате.

— Он уже живой, — сказал кто-то. Блейн открыл глаза. Рядом стояли два человека в белом. Похоже, это были врачи. Один пожилой, бородатый, небольшого роста. Второй был далеко не красавец, с красным лицом, лет пятидесяти на вид.

— Как вас зовут? — приказал пожилой мужчина.

— Томас Блейн.

— Возраст?

— Тридцать два. Но…

— Семейное положение?

— Холост. Что…

— Видите? — сказал пожилой, поворачиваясь к краснолицему коллеге. — В полном сознании, совершенно.

— Никогда бы не поверил, — сказал краснолицый.

— Естественно. Травмирование при смерти преувеличивалось, слишком преувеличивалось, как это будет показано в моей будущей книге…

— Гммм. Но депрессия при перерождении…

— Чепуха, — уверенно заявил пожилой. — Блейн, вы хорошо себя чувствуете?

— Да. Но я хотел бы знать…

— Видите? — с триумфом сказал пожилой врач. — Снова жив и в здравом рассудке. Теперь вы подпишете отчет?

— Думаю, у меня не остается другого выбора, — сказал краснолицый. И оба врача ушли.

Блейн смотрел им вслед, не понимая, о чем это они говорили. К кровати подошла добродушная, полная сестра милосердия.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Отлично, — сказал Блейн — Но я хотел бы знать…

— Простите, — сказала сестра, — пока что вам нельзя задавать вопросы. Так велел доктор. Вот, лучше выпейте, это вас подбодрит… Вот молодец! Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Она вышла. Слова ободрения напугали его. Что она имела в виду, когда говорила это: «Все будет в порядке»? Значит, что-то было не в порядке? Что, что же это было? Что он здесь делает, что произошло?

Вернулся бородатый врач, с ним пришла молодая женщина.

— С ним все в порядке, доктор? — спросила она.

— В полном рассудке, — сказал пожилой

врач. — Отличное соединение, я бы сказал.

— Тогда я могу начинать беседу?

— Конечно. Хотя я не могу отвечать за его поведение. Травма смерти, пусть даже ее значение и преувеличивалось, все еще способна…

— Да, спасибо. — Девушка подошла к Блейну и нагнулась над ним. Очень привлекательная девушка, отметил про себя Блейн. Черты лица тонко вырезанные, кожа свежая, словно слегка светящаяся. Ее блестящие каштановые волосы были туго стянуты назад за миниатюрные уши, и от нее исходил едва уловимый аромат духов. Она могла бы быть даже красивой, если бы ее не портила неподвижность лица и напряженная собранность всего стройного тела. Трудно было представить ее смеющейся или плачущей. Невозможно было представить ее в постели. Что-то фанатичное ощущалось в ней, что-то напоминающее беззаветного борца, но, как догадывался Блейн, посвящена эта борьба была ей самой.

— Здравствуйте, мистер Блейн, — сказала она. — Меня зовут Мэри Тори.

— Привет, — жизнерадостно сказал Блейн.

— Мистер Блейн, — сказала она, — как вы думаете, где вы находитесь?

— По-моему, это больница. Я думаю… Он за-

молчал. Он только сейчас заметил в ее руке маленький микрофон.

— Да-да, так что же вы думаете? Она сделала быстрое движение рукой. Какие-то люди ввезли и установили вокруг кровати некие аппараты.

— Продолжайте — Мэри Тори снова обратилась к Блейну. — Расскажите нам, что вы думаете?

— Ко всем чертям, — сказал Блейн мрачно, наблюдая, как возятся у аппарата вошедшие. — Что это такое? Что здесь происходит?

— Мы пытаемся помочь вам, — сказала Мари Тори. — Разве это не в ваших интересах?

Блейн кивнул. Хотя бы улыбнулась, подумал он. Неужели с ним что-то случилось?

— Вы помните аварию? — спросила она.

— Какую аварию?

— В которую вы попали.

Блейн содрогнулся, когда внезапно к нему вернулась память… о бешеной пляске фар, воющем двигателе, ударе…

— Да. Сломался руль. Мне пробило грудь. Потом я ударился головой.

— Взгляните на вашу грудь, — тихо сказала она. Блейн посмотрел. На груди, под пижамой, не было даже следов шрама.

— Невозможно! — вскрикнул он. Его собствен-

ный голос звучал как-то нереально, словно издалека. Он сознавал присутствие людей рядом с кроватью, склонившихся над своими аппаратами, но они напоминали ему тени, плоские, лишенные материальности. Их тонкие голоса звучали, как жужжание мухи между оконными рамами.

— Прекрасная первая реакция.

— Да, действительно превосходно.

Мэри Тори сказала:

— Вы невредимы.

Блейн посмотрел на свое здоровое тело и вспомнил аварию.

— Я не могу в это поверить! — крикнул он.

— Отлично идет.

— Прекрасная комбинация недоверия и веры. Мэри Тори сказала:

— Тише, пожалуйста. Продолжайте, мистер Блейн.

— Я помню, как меня сплющило, и как я… умер.

— Что там, снял?

— Да. Черт возьми, великолепно получается!

— Совершенно спонтанная сцена.

— Замечательно! Они будут в диком восторге!

Она сказала:

— Немного потише, пожалуйста. Мистер Блейн, вы помните, как умирали?

— Да, да, я умер!

— Лицо, его лицо!

— Это нелепое выражение усиливает достоверность.

— Будем надеяться, что и Рейли так решит.

Она сказала:

— Пожалуйста, мистер Блейн, посмотрите внимательно на себя. Вот зеркало. Посмотрите на свое лицо.

Блейн взглянул и затрясся, как будто в лихорадке. Он тронул стекло зеркала, потом провел дрожащими пальцами по лицу.

— Это не мое лицо! Куда делось мое лицо? Куда вы дели мое тело и мое лицо?

Это был кошмар, и он никак не мог проснуться. Плоские люди-тени окружали его, голоса их жужжали, как мухи в окне, они возились с бутафорскими аппаратами, они были полны смутной угрозы, в то же время странно равнодушные, почти не замечающие его. Мэри Тори еще ниже склонилась над ним, и с красных губ ее маленького рта на красивом пустом лице сорвались нежные слова кошмара:

— Ваше прежнее тело погибло, мистер Блейн,

погибло в автомобильной катастрофе. Вы помните, как оно умирало. Но нам удалось спасти наиболее ценную вашу часть. Мы спасли ваше сознание, мистер Блейн, и дали вам новое тело.

Блейн открыл рот, чтобы закричать, и молча закрыл его.

— Это невозможно, — тихо сказал он. И все гудели, гудели мухи-голоса:

— Успокаивается.

— Конечно, я так и предполагал.

— Я ждал, что он немного дольше побуйствует.

— Напрасно. Он начинает сомневаться, и это подчеркивает его дилемму.

— Возможно, но только в чисто сценических понятиях. Но взгляни на вещи реалистически. Бедняга только что обнаружил, что погиб в автомобильной аварии и возродился в новом теле. И что же он говорит? Он говорит: «Это невозможно». Проклятье, это не реакция!

— Нет, реакция! Ты проецируешь!

— Ну, пожалуйста, же! — сказала Мэри Тори. — Продолжайте, мистер Блейн.

Блейн, глубоко увязший в кошмаре, едва ли обращал внимание на жужжащие голоса. Он спросил:

— Я на самом деле умер?

Она кивнула.

— И я действительно снова родился на свет, в новом теле?

Она снова кивнула, ожидая продолжения. Блейн посмотрел на нее и на людей-тени, занятых своими картонными аппаратами. Зачем они его мучают? Почему они не могли найти какого-нибудь другого мерзавца? Трупы не подлежат допросам. Смерть — вот древнейшая из человеческих привилегий, дарованная как рабу, так и царю. Смерть — это утешение человека и его право. Но, видимо, это право отменили, и теперь даже после смерти вам не уйти от ответственности. Они ждали, пока он заговорит.

Может быть, подумал Блейн, безумие еще сохранило свои наследственные привилегии? Он мог бы с легкостью переступить грань и проверить на опыте.

Но безумие даруется не каждому. Самоконтроль вернулся к Блейну. Он посмотрел на Мэри Тори.

— Трудно, — медленно начал он, — описать, что я испытываю. Я погиб, и в то же время я говорю об этом с вами сейчас. Наверное, ни один человек до конца не верит в свою смерть. Глубоко внутри он считает себя бессмертным. Смерть, кажется, ждет всех остальных, но только не его. Все равно как…

— Давай на этом закруглимся. Он принялся рассуждать.

— Я думаю, ты прав, — сказала Мэри Тори. — Большое спасибо, мистер Блейн.

Техники, теперь вполне материальные и живые, начали сворачивать аппаратуру. Ощущение неясной угрозы исчезло.

— Подождите… — сказал Блейн.

— Не волнуйтесь, — успокаивала она. — Остальные ваши реакции мы снимем позднее. Нам нужна была только спонтанная часть… пока.

— А. неплохо вышло, а?

— Ммм! Мечта коллекционера!

— Подождите! — вскричал Блейн. — Я не понимаю! Где я? Что произошло? Как…

— Я все объясню завтра, — сказала Мэри Тори. — Мне очень жаль, но сейчас я должна спешить, чтобы отредактировать все это для мистера Рейли.

Техники и аппараты исчезли. Мэри Тори ободряюще улыбнулась Блейну и тоже поспешила вслед за ними. Блейн чувствовал, что, как это ни смешно, но он готов заплакать. Он быстро заморгал, когда вошла пожилая добродушная сестра.

— Вот выпейте, — сказала она. — Это поможет вам заснуть. Вот так, до дна, как послушный

мальчик. Теперь ложитесь поудобней, у вас будет трудный день, тут и умерли, и снова народились, и все такое прочее.

Две крупные слезы скатились по щекам Блейна.

— Бог мой, — сказала сестра. — Вот что снимать нужно было. Это самые настоящие непроизвольные слезы, какие я только видела. Много чего мне приходилось повидать в этой палате, поверьте, и я могла бы этим умникам с камерами кое-что порассказать о настоящих чувствах, если бы захотела. Они думают, что знают все о секретах человеческого сердца.

— Где я? — слабо спросил Блейн. — Где это все?

— Скажем так, что вы в будущем, — ответила сестра.

— О-о, — сказал Блейн, и тут он заснул.

Много часов спустя он проснулся, успокоенный и отдохнувший. Он увидел белую кровать и белую комнату и все вспомнил.

Он погиб в автокатастрофе и снова возродился к жизни в будущем. Был тут еще доктор, который считал, будто травму смерти преувеличивают, и другие люди, записывавшие его непроизвольные реакции и назвавшие его мечтой коллекционера, и красивенькая девушка с прискорбным отсут-

ствием живости в чертах.

Блейн зевнул и потянулся. Погиб. Погиб в тридцать два года. Как жалко, подумал он, что его молодая жизнь была прервана в самом расцвете. Хороший был парень, этот Блейн, подавал надежды.

Собственное легкомыслие раздражало Блейна. Нет, не так должен он реагировать. Он попытался вернуть ощущение шока, который, как ему казалось, он должен испытывать.

Вчера, строго сказал он себе, я был обыкновенным конструктором яхт и ехал домой из Мэриленда. Сегодня я — человек, возродившийся в будущем. В будущем! Возродившийся!

Бесполезно, слова не производили впечатления. Он уже успел свыкнуться с идеей. Человек привыкает ко всему, подумал он, даже к факту собственной смерти.

Особенно к своей смерти. Наверное, вы могли бы рубить человеку голову три раза в день на протяжении двадцати лет, и то он привык бы к этому и плакал бы как ребенок, если бы вы перестали… Дальше он мысль развивать не стал. Он вспомнил Лауру. Будет ли она плакать о нем? Может, она напьется с горя? Или она просто почувствует себя подавленной, узнав новость, и примет пилюлю

транквилизатора? А Джейн и Мириам? Наверное, не узнают. Несколько месяцев спустя они мимолетом удивятся, отчего он больше не заходит.

Хватит. Все это в прошлом. Теперь же он в будущем. Но все, что он успел увидеть в этом будущем, так это всего лишь белая кровать, белая палата, врачи и сестра, люди с записывающей аппаратурой и симпатичная девушка. Пока что особого контраста с его родной эпохой не замечалось.

Он вспомнил статьи в журналах и рассказы, которые читал. Сегодня, возможно, уже полностью освоена атомная энергия, и за свет не нужно платить. Возможно, уже имеются подводные фермы, всеобщий мир, международный контроль за рождаемостью, свободная любовь, полная десегрегация, вылечены все болезни, осуществлены межпланетные путешествия, и создано плановое общество, в котором человек глубоко дышит воздухом свободы.

Вот как должно было бы быть, подумал Блейн. Но существовали менее приятные варианты. Возможно, олигарх с железным лицом держит весь мир в стальном кулаке, а небольшое подпольное движение сражается за свободу. Или маленькие, студенистые инопланетяне, существа с неземными именами, могли поработить

человечество. Возможно, новая ужасная болезнь неумолимо шагает с континента на континент, или, может быть, вся цивилизация была сметена с лика Земли термоядерной войной, и теперь люди снова создают технологию, в то время как банды отщепенцев скитаются по радиоактивным территориям. Миллион других в равной степени жутких вещей тоже вполне мог случиться.

Однако, думал Блейн, человечество всегда выказывало историческую способность избегать крайностей — хаос предсказывался всегда, так же, как и утопия, но ни то, ни другое не наступало.

Соответственно, Блейн ожидал, что в этом будущем возможны многие значительные улучшения, по сравнению с прошлым, но он имел в виду, что возможны и обратные процессы: старые проблемы исчезли, но их место заняли какие-то новые.

— В общем, — сказал Блейн сам себе, — это будущее будет подобно всякому другому будущему, по сравнению с его прошлым. Получается неопределенно, но ведь я не предсказатель и не провидец.

Размышления его прервала Мэри Тори, неожиданно вошедшая в палату.

— Доброе утро, — сказала она. — Как вы себя чувствуете?

— Как совершенно новый человек, — сказал Блейн искренне.

— Отлично. Подпишитесь вот здесь, пожалуйста, — она протянула ручку и лист бумаги с машинописным текстом.

— Вы чертовски быстро работаете, — сказал Блейн. — Что это такое?

— Прочитайте, — сказала она. — Этот документ освобождает нас от юридической ответственности за спасение вашей жизни.

— Вы спасли мне жизнь?

— Конечно. Как же еще вы могли сюда попасть?

— Действительно, я об этом не подумал, — признался Блейн.

— Мы спасли вас. Закон запрещает спасение жизни без предварительного письменного согласия потенциальной жертвы. Но у адвокатов корпорации РЕКС не было возможности заранее получить ваше согласие. Поэтому мы должны оправдать себя сейчас.

— Что это за корпорация?

— Неужели вас никто до сих пор не проинструктировал? — раздраженно спросила она. — Вы находитесь внутри штаб-квартиры РЕКСа. Сейчас наша компания так же известна, как «Флаер-Фи-

есс» в ваше время,

— А что это такое?

— Не было? А Форд уже был?

— Ага, ясно, Форд. Значит, компания РЕКС так же известна, как и Форд в мое время. Чем она занимается?

— Она производит энергетические установки РЕКС, — объяснила она, — которые используются в космических кораблях, перевоплощающих машинах и потусторонницах, и тому подобном. Именно с помощью энергетической установки РЕКС вас вытащили из машины в последующую за смертью секунду и перенесли в будущее.

— Путешествие во времени, — сказал Блейн — Но каким же образом?

— Это будет трудно объяснить, — сказала она. — У вас не хватит научной подготовки. Но я попытаюсь. Вы ведь знаете, что время и пространство — это одно и то же, в принципе, стороны, аспекты друг друга.

— Разве?

— Да. Так же, как масса и энергия. В ваше время ученые знали, что масса и энергия взаимосвязаны. Они уже знали о делении и синтезе материи в недрах звезд. Но они не умели непосредственно воспроизводить этот процесс, что приводило

к значительному перерасходу энергии, пока они не получили соответствующие знания и необходимые устройства, чтобы делить атомы и синтезировать их.

— Я это знаю, — сказал Блейн — А как путешествуют во времени?

— Тут произошло примерно то же самое. Долгое время было известно, что пространство и время — аспекты одного явления. Мы знали, что время или пространство могут быть раздроблены до составляющих единиц и при наличии соответствующей энергии трансформированы в иное состояние. Мы могли вычислить искажение времени в окрестностях сверхновой звезды, и мы могли наблюдать исчезновение звезды Вульф-Раис, когда ее режим искривления времени ускорился. Но многое еще предстояло выяснить. И нужен был источник энергии более мощный, чем для инициирования реакции синтеза новых ядер. Когда мы все это получили, мы приобрели возможность взаимозаменять единицы пространства и времени, то есть, так сказать, расстояния в пространстве на расстояния во времени, и наоборот. Мы могли бы, например, путешествовать на расстояние ста лет вместо дистанции в сто парсеков.

— В общем, я начинаю что-то понимать, — сказал Блейн. — Не могли бы вы повторить еще раз, но только помедленнее?

— Потом, потом, — сказала она. — Подпишите вот здесь, пожалуйста.

Документ гласил, что Томас Блейн согласен не предъявлять юридических претензий компании РЕКС за спасение без предварительного согласия его жизни в 1958 году и последующую переноску его жизни в Хранилище в году 2110. Блейн расписался.

— А теперь, — сказал он, — я хотел бы знать… Он замолчал. В палату вошел мальчик-подросток с большим свернутым плакатом.

— Простите, мисс Тори, — сказал он, — художественный отдел просит сообщить, устроит ли это вас?

Он развернул плакат. На нем был изображен автомобиль в момент столкновения. Гигантская стилизованная рука тянулась к нему с неба и выдергивала водителя из пылающей машины. Заголовок возвещал: ЭТО СДЕЛАЛ РЕКС!!!

— Неплохо, — сказала Мэри Тори, задумчиво нахмурившись. — Скажи, пусть усилят красные оттенки.

В палату входили новые люди. Блейна это на-

чало раздражать.

— В чем дело? — спросил он.

— Потом, потом, — сказала Мэри Тори. — О, миссис Ванесс! Как вам нравится плакат?

В палату набилось уже человек двенадцать, и входили новые. Они сгрудились вокруг Мэри Тори и плаката, совершенно игнорируя Блейна. Один мужчина, занятый важным разговором с седоволосой женщиной, даже присел на край его кровати. Терпение Блейна лопнуло.

— Прекратите! — крикнул он. — Вы что, все с ума сошли? Не можете вести себя по-человечески? Убирайтесь ко всем чертям и оставьте меня в покое!

— Боже, — сказала со вздохом Мэри Тори и смежила веки. — Этого следовало ожидать. Эд, объясни ему.

Осанистый, с влажным от испарины лбом мужчина подошел к Блейну.

— Мистер Блейн, — сказал он серьезным тоном, — разве не мы спасли вам жизнь?

— Думаю, что вы, — мрачно ответил Блейн.

— Мы могли бы этого и не делать, как вы понимаете. И это потребовало больших затрат времени, денег и труда. Но мы вас спасли. Взамен нам требуется гласность, реклама.

— Реклама?

— Да, ведь вы были спасены с помощью Энергетической системы РЕКС.

Блейн кивнул, теперь он начал понимать, почему его перенос в будущее был так по-деловому встречен окружающими. На это были затрачены деньги, время и труд, его спасение было уже, несомненно, рассмотрено во всех мыслимых отношениях, и теперь они хотели извлечь из него пользу.

— Я понимаю, — сказал Блейн. — Вы спасли меня для того, чтобы использовать как стержень рекламной кампании.

— Ну почему именно так? — грустно сказал Эд. — Ваша жизнь была в опасности. Наша продукция нуждалась в рекламной кампании, а кампания нуждалась в искре, в первоначальном толчке. Мы удовлетворили нужды обеих сторон, к взаимной выгоде — и вашей, и корпорации РЕКС. Возможно, наши мотивы не отличаются чистым альтруизмом, но разве вы предпочли бы остаться мертвым?

Блейн покачал головой.

— Конечно, нет, — согласился Эд. — Ваша жизнь много для вас значит. Лучше жить сегодня, чем быть мертвым вчера, правильно? Тогда почему

бы не оказать нам небольшую помощь, чисто из благодарности?

— Я готов, — сказал Блейн. — Но я за вами не поспеваю.

— Понимаю, — сказал Эд, — и сочувствую вам. Но вы знаете законы рекламы — время это все, мистер Блейн. Сегодня вы сенсация, завтра вами уже никто не интересуется. Мы должны использовать факт вашего спасения именно сейчас, на горячем, так сказать. Иначе он станет для нас бесполезен.

— Я крайне признателен вам за спасение моей жизни, — сказал Блейн. — Даже если и не из чистого альтруизма. Я буду рад помочь вам.

— Благодарю, мистер Блейн, — сказал Эд. — И пожалуйста, потерпите пока с вопросами. Вы все узнаете по ходу действия. Мисс Тори, начинайте.

— Спасибо, Эд, — сказала Мари Тори. — Внимание, все. Мы получили предварительное добро от мистера Рейли, поэтому продолжим действия по плану. Билли, ты готовишь выпуск для утренних газет. Что-нибудь вроде: «ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОШЛОГО».

— Это уже было.

— Ну и что же? Сойдет еще раз?

— Думаю, что сойдет. Значит, человек из 1988

года, выхваченный…

— Простите, — сказал Блейн — из 1958 года.

— Значит, выхваченный из горящего автомобиля — в 1958 — мгновение спустя после смерти и пересаженный в тело-носитель. Небольшой абзац о тело-носителе. Потом мы сообщаем, это Энергетическая система РЕКС совершила этот перенос… на расстояние в сто пятьдесят два года. Мы расскажем, сколько эргов энергии мы сожгли, или что там мы сожгли? Я сверюсь с инженером относительно терминов. Сойдет?

— Не забудьте отметить, что ни одна другая энергосистема на такое не способна, — сказал Джо. — И не забудьте о новой системе калибрации, которая сделала возможным перенос.

— Все это не поместят.

— На всякий случай, вдруг пойдет, — сказала Мэри Тори. — Теперь вы, миссис Ванесс. Нам нужен очерк — ощущения Блейна в момент, когда его вытащила из прошлого система РЕКС. Больше эмоций. Первые впечатления о поразительном мире будущего. Примерно пять тысяч слов.

Седоволосая миссис Ванесс кивнула.

— Я могу поговорить с ним сейчас?

— Нет времени, — сказала Мэри Тори. — Сочините сами. Ужас, испуг, он поражен, удивлен,

озадачен. Все так переменилось за эти годы. Развитие науки. Он хочет побывать на Марсе. Новые моды ему не нравятся. Ему кажется, что люди в прошлом жили счастливее, меньше техники и больше досуга. Блейн согласится. Ведь вы согласитесь, Блейн?

Блейн молча кивнул.

— Отлично. Вчера мы записали его спонтанную реакцию. Майк, вы с ребятами сделайте пятнадцатиминутную катушку, пусть желающие смогут приобрести запись в любом сенсории. И пусть это на самом деле будет мечта коллекционера. Но в начале — краткое, солидное техническое описание, каким образом РЕКС совершил перенос.

— Вас понял, — сказал Майк.

— Хорошо. Мистер Брайс, вы отвечаете за несколько солило-программ. Блейн будет рассказывать о впечатлениях, как он себя чувствует, сравнит наше время и родной век. Не забудьте упомянуть систему РЕКС.

— Но я ничего еще не знаю о вашем времени! — запротестовал Блейн.

— Потом узнаете, — сказала ему Мэри Тори. — Так, ладно. Для начала, думаю, хватит. Все по местам. Я иду докладывать мистеру Рейли.

Когда все остальные начали покидать комнату,

она повернулась к Блейну.

— Может, вам покажется, что с вами обошлись довольно гнусно, но дело есть дело, в любом веке. Завтра вы станете знаменитостью и, возможно, состоятельным человеком. В таком случае, вам нет причин жаловаться.

Она ушла. Блейн смотрел ей вслед. Стройная и самоуверенная. Интересно, подумал он, какое наказание в этом веке следует за пощечину женщине?

Сестра внесла на подносе завтрак. Пришел бородатый пожилой врач, осмотрел Блейна, нашел его в прекрасной форме. Нет и следа перерождающей депрессии, заявил он, и травма смерти явно была преувеличена. Блейн спокойно может покинуть кровать.

Вернулась сестра, она принесла одежду: голубую рубашку, свободные коричневые брюхи и мягкие серые туфли луковицеобразной формы. Вполне скромный костюм, заверила она его.

Блейн с аппетитом позавтракал. Но прежде чем одеться, он осмотрел свое новое тело в большом зеркале в ванной. Раньше у него не было случая как следует его оценить.

Прежнее тело Блейна отличалось стройностью и ростом выше среднего. У него были прямые

черные волосы и добродушное, чуть мальчишеское лицо. К тридцати двум годам он уже привык к своему быстрому ловкому телу. С благосклонностью принимал он некоторые недостатки его сложения, периодические недомогания и даже перевел их в ранг добродетелей, уникальных особенностей личности, помещавшейся в нем. Ограничение возможностей его тела куда больше, чем его возможности, выражало, как ему казалось, его сущность.

Он любил свое тело. И при знакомстве с новым испытал потрясение.

Ростом оно было ниже среднего, с мощными мышцами, выпуклой грудью, широкими плечами. Ноги были немного коротковаты для геркулесовского торса, от чего все тело казалось немного не сбалансированным. Ладони у него были большие и мозолистые. Блейн сжал кулак и с уважением посмотрел на него. Таким кулаком можно свалить быка, подумал он, если еще можно встретиться здесь с быком.

Лицо у него смелое, угловатое, с выдающейся челюстью, широкими скулами и прямым римским носом. Волосы завивались светлыми локонами. Глаза были голубыми, со стальным оттенком. Это было в чем-то даже красивое, слегка

грубое лицо.

— Не нравится мне, — с чувством сказал Блейн. — Это мне не нравится. И я ненавижу блондинов с вьющимися волосами.

Новое тело обладало значительной физической силой, но он всегда презирал чистую силу. Тело казалось неуклюжим, тяжелым на подъем. Такого рода люди всегда натыкаются на стулья, наступают на носки соседям, слишком сильно сжимают руки при пожатии, говорят слишком громко и обильно потеют. Одежда на них всегда сидит мешком. Придется заниматься постоянными упражнениями и даже сесть на диету — прежний владелец явно любил поесть.

— Сила — это хорошо, — сказал себе Блейн, — если есть к чему ее применить. Иначе это просто крылья у страуса.

Если тело еще куда ни шло, то лицо совсем не нравилось Блейну. Блейн никогда не любил лица такого типа: с грубо вырезанными чертами, сильные, суровые. Такие лица хороши для армейских сержантов и первопроходцев в джунглях. Но не для человека, привыкшего наслаждаться культурным обществом. Им недоступна тонкость выражений. Все нюансы, игра линий и черт будет потеряна. Такое лицо способно лишь хмуриться

или ухмыляться, на нем отражались лишь простые сильные эмоции.

Для пробы он попытался жизнерадостно улыбнуться, как в былые дни. В результате получилась ухмылка сатира.

— Жулики, — с горечью сказал Блейн. Было ясно, что качества его настоящего тела и сознания не соответствуют друг другу. Сотрудничество между ними казалось невозможным. Конечно, его личность могла бы перестроить это тело, но, с другой стороны, это тело тоже могло кое-что потребовать от личности, в него помещенной.

— Посмотрим, — сказал Блейн своему впечатляющему телу, — посмотрим, кто хозяин.

На левом плече имелся длинный рваный шрам. Странно, подумал Блейн, где же оно могло получить такую страшную рану? Потом его обеспокоил вопрос — куда девался старый владелец тела? Вдруг он притаился где-то в уголке мозга и ждет удобного момента, чтобы захватить власть над телом?

Гадать не имело смысла. Со временем, возможно, он найдет ответ на вопрос. Он в последний раз взглянул на себя в зеркало.

То, что он видел, ему не нравилось. И, как он опасался, никогда не понравится.

— Ну что ж, — сказал он наконец. — Придется брать, что дают. Живому — как хочется, а мертвому — как мажется.

В данный момент прибавить ему было нечего. Блейн отвернулся и начал одеваться. Ближе к вечеру в палату вошла Мэри Тори.

— Все, — сказала она без предисловий.

— Все?

— Все кончено, завершено, позади! — Она бросила на Блейна полный горечи взгляд и принялась мерить шагами комнату. — Вся наша рекламная кампания закончилась.

Блейн уставился на нее. Новость была очень интересная, но еще интереснее было видеть следы эмоций на лице мисс Тори. До сих пор она так строго себя контролировала, была так чертовски деловита. И вдруг на щеках ее появился румянец, а маленькие губы были сжаты в горькой улыбке.

— Я два года убила на эту идею, — сказала она ему. — Компания истратила Бог знает сколько миллионов, чтобы доставить вас сюда. Все было уже приведено в действие, и тут проклятый старикашка велит трубить отбой.

Она красивая, подумал Блейн, но собственная красота не приносит ей радости. Это только деловое качество, вроде представительности или

умения пить не пьянея, она им пользуется, когда нужно. Слишком много рук тянулось к Мэри Тори, думал он, и она не приняла ни одной. И когда жадные руки продолжали тянуться, она узнала презрение, потом холодность и, наконец, ненависть к себе самой.

Все это немного фантастично, решил он, но на этом мы остановимся, пока не обнаружится диагноз поточнее.

— Проклятый тупой старикашка, — бормотала Мэри Тори.

— Какой старикашка?

— Рейли, наш блестящий президент.

— Он решил не проводить кампанию?

— Да, он требует полностью ее заглушить. Боже, это уже слишком! Два года!

— Но почему? — спросил Блейн. Мэра Тори устало покачала головой.

— Две причины, обе глупейшие. Во-первых, законы. Я сказала ему, что вы подписали документ, и все теперь в руках наших юристов, но он боится. Уже почти подошло время для пересадки, и он не хочет неприятностей с правительством. Можете себе представить? Напуганный старикашка управляет РЕКСом? Во-вторых, он опять советовался со своим дедушкой-маразматиком,

и дедушке идея не понравилась. И ей пришел конец. После двух лет подготовки)

— Простите, — сказал Блейн, — вы ведь сказали «ПЕРЕСАДКА»?

— Да. Рейли намерен попробовать. Лично я думаю, что на его месте умнее было бы умереть и на том поставить точку.

Такое утверждение могло быть вызвано только горечью, но горечи в голосе Мари Тори не чувствовалось. Она словно отмечала повседневный факт.

— Вы думаете, что ему следует умереть, вместо того чтобы попробовать пересадку?

— Именно так. Да, я забыла, вас не ознакомили… Если бы он принял решение немного раньше. Этот выживший из ума дедушка, со своими «но»…

— А почему Рейли не мог раньше спросить дедушку? — поинтересовался Блейн.

— Он спрашивал, но дедушка не отвечал.

— Понимаю. А сколько ему лет?

— Дедушке Рейли? Когда он умер, ему было восемьдесят один.

— Что?

— Да. Он умер примерно шестьдесят лет назад. Отец Рейли тоже умер, но он не вступает в беседы,

а жаль, у него была деловая хватка. Что вы так на меня смотрите, Блейн? Ах, я опять забыла, вы ведь не знаете… Все очень просто.

Секунду она стояла в раздумье. Потом решительно кивнула, круто повернулась и пошла к двери.

— Куда вы? — спросил Блейн.

— Скажу Рейли все, что я о нем думаю! Он не мог так поступить! Он обещал! Внезапно к ней вернулась прежняя сдержанность.

— Что касается вас, Блейн, то, думаю, нужда в вас отпала. У вас есть жизнь и тело, чтобы жить. Думаю, вы можете уйти в любой момент.

— Спасибо, — сказал Блейн, когда она вышла из комнаты.

Одетый в те же коричневые штаны и голубую рубашку, Блейн покинул лазарет и пошел вдоль длинного коридора, пока не оказался у дверей. Возле дверей стоял охранник в форме.

— Простите, — обратился к нему Блейн, — эта дверь ведет наружу?

— Что?

— Эта дверь ведет наружу из здания корпорации РЕКС?

— Ну да, конечно. Наружу, на улицу.

— Благодарю.

Блейн колебался. Все-таки они могли дать обещанные инструкции. Он хотел расспросить охранника о новом Нью-Йорке и о новых местных обычаях и правилах, что стоит посмотреть и чего стоит опасаться. Но охранник, судя по всему, никогда не слышал о ЧЕЛОВЕКЕ ИЗ ПРОШЛОГО, и смотрел на Блейна выпученными глазами.

Идея нырнуть в жизнь Нью-Йорка 2110 года таким вот образом — без денег, знаний и друзей, без работы и жилья, и в новом непривычном теле — эта идея была Блей — ну не по душе. Но он ничего не мог поделать. Гордость кое-что значит, все же. Лучше рискнуть испробовать собственные силы, чем просить помощи у твердокаменной мисс Тори или кого-либо еще из персонала РЕКСа.

— Нужен ли пропуск, чтобы выйти наружу? — с надеждой спросил он охранника.

— Нет. С пропуском только входят. — Охранник подозрительно нахмурился. — Послушайте, что это с вами?

— Ничего, — сказал Блейн. Он открыл дверь, все еще не веря, что позволят просто так уйти. Но почему бы и нет? Он находился в мире, где люди разговаривали с умершими дедушками, где существовали космические корабли и потусторонницы, где человека выдергивали из прошлого

ради рекламной кампании, а потом легко сбрасывали со счетов.

Дверь затворилась. За спиной его возвышалась громадная серая масса РЕКС БИЛДИНГ. Перед ним простирался Нью-Йорк.

На первый взгляд город напоминал Багдад в воображении сюрреалиста. Он увидел какие-то приземистые дворцы из белой и голубой плитки, и стройные красные минареты, и неправильной формы здания с уступчатыми китайскими крышами, и купола в виде луковиц, увенчанные шпилями. Словно на город обрушилась эпидемия увлечения восточной архитектурой. Блейн едва мог поверить, что находится в Нью-Йорке. Бомбей, возможно, или Москва, или Лос-Анджелес, но только не Нью-Йорк. С облегчением заметил он, наконец, простые и четкие очертания знакомых глазу небоскребов. Они казались одинокими хранителями памяти о Нью-Йорке, каким его знал он.

По улицам двигались миниатюрные экипажи. Мотоциклы и мотороллеры размерами не больше прежнего «парше», грузовики размером с «бьюик» и не больше. Наверное, подумал он, таким образом город борется с перенаселенностью и загрязнением воздуха. Если так, то вряд ли этот

способ помог.

Основное движение происходило в небе. Винтовые и реактивные аппараты, аэробусы, одноместные скоростные авиетки, таксигеликоптеры и летающие автобусы с надписями «Воздухопорт, 11-й уровень» или «Экспресс-Монтаук». Блестящие точки обозначали вертикальные и горизонтальные коридоры, по которым происходило движение, совершались повороты, подъемы, спускай остановки. Вспышки красного, зеленого, желтого и голубого света, казалось, регулировали движение. Здесь наверняка были свои правила, но неопытному глазу Блейна все представлялось сплошной путаницей.

В пятидесяти футах над его головой находился еще один пешеходный уровень с магазинами. Как туда добираются люди? И вообще, как человеку удается сохранить ясность ума в недрах этой шумной, переполненной, пестрой машины? Плотность толп изумляла. Ему казалось, что он утонул в море человеческих тел. Сколько же народу живет в этом суперсити? Пятнадцать миллионов? Двадцать? По сравнению с этим городом Нью-Йорк 1958 года казался сущей деревней.

Ему нужно было остановиться, чтобы привести в порядок свои впечатления. Но тротуар был

заполнен прохожими до предела, и его начали толкать, ругаясь при этом, стоило ему лишь замедлить шаг. Нигде не было видно ни парков, ни скамеек.

Он заметил людей, стоявших в какой-то очереди, и тоже встал за последним человеком. Не спеша, очередь продвигалась вперед. Блейн передвигался вместе с ней, в голове его глухо стучало, он пытался отдышаться.

Через несколько секунд он уже полностью овладел собой и с несколько большим уважением подумал о своем новом сильном теле. Наверное, человеку из прошлого требуется именно такая солидная оболочка, если он хочет сохранять хладнокровие, сталкиваясь с миром будущего. Флегматичная нервная система имеет свои преимущества. Очередь в молчании продвигалась вперед. Блейн обратил внимание, что стоявшие в ней мужчины и женщины были все бедно одеты, неопрятны, у всех вид был угрюмо-отчаянный.

Может быть, это очередь за бесплатной едой? Он тронул плечо стоявшего впереди мужчины.

— Извините, — сказал он, — за чем это очередь?

Человек повернул голову и уставился на Блейна воспаленными красными глазами.

— За местами в кабинах для самоубийц, — сказал он, указывая подбородком в головную часть очереди.

Блейн поблагодарил мужчину и быстро покинул очередь. Что за зловещее начало для его первого самостоятельного дня в мире будущего! Кабины для самоубийц! Нет, по своей воле он ни в одну не войдет, в этом он был уверен. До этого просто не может дойти.

Но что это за мир, где существуют такие кабины? Бесплатные, к тому же… судя по характеру клиентов… Ему следует быть осторожней с бесплатными дарами этого мира.

Блейн продолжал двигаться по тротуару, разглядывая здания, постепенно привыкая к пестрому, лихорадочно возбужденному, грохочущему, переполненному городу. Он подошел к огромному зданию, похожему на готический замок. С верхнего ряда зубцов свешивались вымпелы, на самой высокой башне горел зеленый сигнал, видимый совершенно ясно в свете клонящегося к вечеру дня.

Здание казалось важным сооружением. Блейн некоторое время рассматривал его, потом заметил прислонившегося к стене мужчину, зажигавшего тонкую сигару. Казалось, он был

единственным человеком в Нью-Йорке, который никуда не мчался. Блейн подошел к нему.

— Простите, сэр, — сказал он. — Вы не знаете, что это за здание?

— Это, — сказал мужчина, — здание штаб-квартиры корпорации «МИР ИНОЙ».

Он был высокого роста, с вытянутым, мрачным и обветренным лицом. Глаза прищуренные, взгляд прямой. Одежда сидела на нем мешковато, указывая, что владелец ее больше привык к грубым джинсам, чем к модным брюкам. Он похож, подумал Блейн, на уроженца западных штатов.

— Впечатляет, — сказал Блейн, рассматривая готический замок.

— Безвкусица, — сказал мужчина. — А вы, понимаю, нездешний. Блейн кивнул.

— Я тоже. Но скажу вам честно, я был уверен, что на Земле и на всех планетах всякий знает, что это за здание. Откуда вы приехали, если не секрет?

— Совсем не секрет, — сказал Блейн. Стоит ли, подумал он, объявить себя человеком из прошлого? Нет, вряд ли будет разумно выдавать себя всякому первому встречному. Он может крикнуть полицию. Лучше сказать, что он откуда-то издалека.

— Видите ли, — сказал Блейн — Я из… Бразилии.

— Бразилии?

Да. Верхний бассейн Амазонки. Мои родители переехали туда, когда я был еще ребенком. Каучуковые плантации. Папа недавно умер, и я решил, что нужно посмотреть Нью-Йорк.

— Я слышал, что в тех местах жизнь все еще довольно суровая.

Блейн кивнул, радуясь, что ему не стали задавать дополнительных вопросов. Видимо, его история не была столь уж редкой для этого времени. Во всяком случае, он нашел себе «дом».

— Сам я, — сказал мужчина, — сам я из Мексикан Хэт, в Аризоне. Зовут меня Орк, Карл Орк. Блейн, говорите? Рад познакомиться с вами, Блейн. Знаете ли, я тоже приехал взглянуть на этот Нью-Йорк, поглядеть, чем это они всегда так хвастаются. Тут, конечно, довольно интересно, только народ слишком шумный и суетливый. Не подумайте, что у нас там все сплошь увальни и деревенщина, совсем наоборот. Но здесь человек носится по улицам, как кошка с привязанной к хвосту консервной банкой.

— Я очень хорошо вас понимаю, — сказал Блейн. Несколько минут они обсуждали нервные,

безумные, вредные для здоровья привычки и манеры жителей Нью-Йорка, сравнивая их при этом со спокойной, здоровой сельской жизнью в Мексикан Хэт и верхнем бассейне Амазонки.

— Послушай, Блейн, — сказал Орк. — Хорошо, что я тебя встретил. Как ты насчет того, чтобы промочить горло?

— Отлично — сказал Блейн.

С помощью такого человека, как Орк, он мог бы найти выход из своего нынешнего затруднительного положения. Возможно, удастся найти работу в Мексикан Хэт. Чтобы оправдать слабое знание современности, он может сослаться на дикую Бразилию и частичную амнезию.

Потом он вспомнил, что у него нет денег. Он начал сочинять вслух историю о якобы забытом в гостинице бумажнике. Но Орк прервал его на полуслове.

— Слушай, Блейн — сказал он, концентрируя на Блейне взгляд прищуренных голубых глаз. — Я тебе вот что скажу. С такой историей здесь никого не проведешь. Но я так думаю, что кое-что понимаю в характере людей. Не скажу, что слишком часто ошибался. И хотя я не очень богатый человек, но почему бы нам не выпить за мой счет?

— Ну что вы! — сказал Блейн. — Я не могу…

— Ни слова больше, — решительно сказал Орк. — Завтра платишь ты, если будешь настаивать. Но сейчас отправимся на исследование внутренней ночной жизни этого шумливого городишки.

Блейн решил, что таким образом сможет узнать о будущем не меньше, чем любым другим способом. То, как люди развлекаются, может сказать очень многое об их жизни. Игры и места для потребления крепких напитков — человек здесь выказывает сущность своего отношения к окружению и своего отношения к вопросам жизни и смерти, предназначения и свободы выбора. Можно ли отыскать лучший символ Древнего Рима, чем цирк? Весь американский запад кристаллизуется в игрищах родео. В Испании процветала коррида, в Норвегии — прыжки с трамплина. Какой же вид спорта, какой способ развлечения и приятного времяпрепровождения подобным образом определит дух Нью-Йорка 2110 года? Скоро он это узнает. И конечно же, воспринять все это на собственном опыте — это куда лучше, чем рыться в пыльных томах библиотеки, и в бесконечное число раз более занимательно.

— Наверное, заглянем в Марсианский квартал? — предложил Орк.

— Следую за вами, — сказал Блейн, радуясь, что ему удалось соединить удовольствие и жестокую необходимость.

Орк повел его через лабиринт улиц, уровней, сквозь подземные переходы и надземные виадуки. Они шли пешком, садились в лифт, потом в подземку, потом в коптер-такси. Сложность переплетающихся улиц и уровней не производила впечатления на жилистого фермера.

— В Фениксе все то же самое, — сказал он, — хотя и в значительно меньшем масштабе.

Они зашли в ресторанчик под вывеской «Красный Марс» и рекламой подлинной южно-марсианской кухни. Блейн вынужден был признаться, что никогда еще не пробовал марсианской пищи, Орку уже приходилось отведать ее несколько раз в Фениксе.

— На вкус она приятная, — сказал Орк, — но только сыт от нее не будешь. Мы потом поужинаем как следует.

Меню было напечатано полностью по-марсиански, и перевод на английский отсутствовал. Блейн решил рискнуть и заказал комбинацию «номер один», что сделал и Орк. Им подали странного вида смесь из накрошенных овощей и кусочков мяса. Блейн попробовал и едва не

выронил от удивления вилку.

— Да ведь это же китайская еда!

— Естественно, — сказал Орк — Китайцы первыми высадились на Марсе, кажется, в девяносто седьмом году. И все, что они там на Марсе едят, это будет марсианская еда. Правильно?

— Думаю, что правильно, — сказал Блейн.

— Кроме того, все приготовлено из настоящих, выращенных на Марсе овощей и мутировавших трав и специй. Так в рекламе говорится, во всяком случае.

Блейн не знал, испытывает ли он разочарование или облегчение. С аппетитом съел он «Кио-Архер», вкусом сильно напоминавший салат из креветок, и Тррдксат, он же рулет с яйцами.

— Отчего у них такие непонятные названия? — спросил Блейн, заказывая на десерт один Тггшрт.

— Парень, ты совсем отстал от жизни! — захохотал Орк. — Эти марсианские китайцы, они пошли до конца. Они расшифровали марсианские наскальные надписи и прочее, и начали говорить по-марсиански, но с сильным кантонским акцентом, как я подозреваю. Но указать на ошибку им никто уже не мог. Они говорят теперь по-марсиански и одеваются по-марсиански, думают, как

марсиане. Если ты назовешь теперь одного из них китайцем, он даст тебе в глаз. Потому что он теперь марсианин, понял, парень!

Принесли Тггшрт, оказалось, что это миндальное печенье.

Орк расплатился. Когда они вышли на улицу, Блейн спросил:

— Здесь, наверное, много марсианских прачечных?

— Еще сколько! По всей стране их полным-полно.

— Я так и думал, — сказал Блейн и молча отдал должное марсианским китайцам и их твердости в сохранении традиций.

Они поймали каптер-такси, доставивший их в Зелен-клуб. Приятели Орка из Феникса настойчиво советовали ему не упустить возможности побывать в этом заведении. Этот небольшой, но дорогой и всемирно известный клуб был в числе мест, обязательных для посещения каждым уважающим себя туристом в Нью-Йорке. Потому что в Зелен-клубе, и только в нем, можно было увидеть растительное развлекательное шоу.

Им достались места на маленьком балконе, довольно близко от центра зала, который ограждала стеклянная стена. Три уровня столиков

опоясывали середину зала, залитую лучами слепящих прожекторов. За стеклянной стеной находилось нечто вроде миниатюрных джунглей — несколько квадратных ярдов буйной растительности, выращенной на питательных растворах. Искусственный бриз шевелил листья плотно усаженных растений самых разнообразных размеров, форм и оттенков.

Но таких растений Блейн в жизни не видел, вернее, не видел, чтобы растения вели себя подобным образом. Они росли с фантастической быстротой, возникая из крохотных семян и корешков, превращаясь в буйные кусты и могучие стволы, в приземистые папоротники, чудовищных размеров цветы, влажные зеленые наросты грибка и шипастые лианы, они росли, росли и стремительно завершали свой жизненный цикл, и усыхали, давая жизнь новым растениям. Но ни один вид, казалось, не был в состоянии воспроизвести самого себя. То и дело возникали мутации. Изменившиеся, приспосабливающиеся к жестокой окружающей среде, мутанты возникали из родительских семян и перезревших плодов. Они вели битву за пространство для корней внизу, за свободное пространство вверху, пробиваясь к лучам искусственного солнца. Неудачники

быстро перестраивали себя на паразитическое существование, душили деревья, к которым им удавалось приклеиться, и обнаруживали, что новое поколение паразитов липнет к ним самим. Иногда, во взрыве творческого честолюбия, какому-то растению удавалось добиться своего, победить всех конкурентов, преодолеть все препятствия, покорить все и вся. Но новые виды уже прорастали на его теле, тянули вниз и дрались за право возрасти на поверженном трупе. Время от времени на джунгли нападала эпидемия, вызванная какой-нибудь плесенью, тоже растением по своей сути, и вся зелень исчезала в крещендо борьбы за существование. Но потом одно-два отважных растения снова пускали корни в пленку плесени, и борьба начиналась снова.

Растения изменяли себя, становились то больше, то меньше, превосходили самих себя в этой борьбе. Но каким бы ни было их желание победить, как бы ни были они изворотливы — им ничто не могло помочь. Ни один вид не мог одержать окончательную победу, и все попытки вели к гибели.

Блейна это зрелище обеспокоило. Неужели эта фаталистическая аллегория жизни могла служить характерной особенностью 2110 года? Он

повернулся к Орку.

— Подумать только, — сказал Орк, — что эти нью-йоркские лаборатории способны сотворить с быстро растущими мутантами. Все это просто ярмарочный балаган, конечно. Они повышают скорость роста, усиливают ситуацию на выживание, плюс немного радиации, и победить должно самое сильное растение. Я слышал, что эти растения расходуют потенциал роста за каких-то двадцать часов, и после этого нужно менять команду.

— Значит, вот чем все кончается, — сказал Блейн, глядя на корчащиеся в муках, но не теряющие оптимизма джунгли. — Их заменяют.

— Конечно, — сказал вежливо Орк, уходя от возможности философских осложнений. — С такими ценами они могут себе позволить. Но это всего лишь балаган. Давай я лучше расскажу о пескорастениях, которые мы выращиваем в Аризоне.

Блейн потягивал виски, наблюдал, как растут, умирают, возобновляют себя джунгли.

— В самом пылающем сердце пустыни, — говорил Орк — В самом, точно. Нам удалось, наконец, адаптировать фруктовые деревья и овощи к условиям пустыни без повышения нормы снабжения водой и при таких затратах, что теперь можем

конкурировать с плодородными зонами. Могу сказать тебе, парень, что через пятьдесят лет само понятие плодородности сильно изменится. Вот на Марсе, например…

Они покинули Зелен-клуб и отправились в направлении Таймс-сквера, исследуя на пути бары. Орк уже выказывал некоторую неясность зрения, но голос его не дрожал, когда он рассказывал об утраченном марсианском секрете выращивания на голом песке. Когда-нибудь, заверял он Блейна, мы узнаем, как удавалось марсианам выращивать пескорастения без добавок удобрений и благо-фиксаторов.

Блейн успел столько выпить, что прежнее тело уже дважды оказалось бы в бессознательном состоянии, но мощное новое тело, казалось, обладает неисчерпаемой емкостью в отношении виски. Это была приятная перемена — хорошо, если твое тело умеет пить. Конечно, поспешил добавить про себя Блейн, это не оправдывает многочисленных неудобств нового тела.

Они пересекли пеструю, суматошную Таймс-сквер и вошли в бар на 44-й стрит. Когда им подали заказанные напитки, какой-то человечек маленького роста, с хитроватым взглядом и в плаще подошел к ним.

— Привет, парни, — сказал он с опаской в голосе.

— Чего тебе? — спросил Орк.

— Парни не желают ли немного поразвлечься?

— Может быть, и желают, — сказал Орк добродушно. — Но они сами могут о себе позаботиться, большое спасибо. Маленький человечек нервно улыбнулся.

— Вы не найдете того, что я вам предлагаю.

— Выкладывай, дружок, — сказал Орк. — Что именно ты предлагаешь?

— Понимаете, парни, это… Стоп! Легавые!

Два полисмена в голубой форме вошли в бар, посмотрели по сторонам и вышли.

— Все в порядке, — сказал Блейн. — Так что там у тебя?

— Зовите меня Джо, — сказал маленький человечек с заискивающей улыбкой. — Я ведущий в Трансплант-игре, друзья. Самая лучшая игра и наивысшее удовольствие, какое только вы можете найти в этом городе!

— Какой такой чертов Трансплант? — спросил Блейн. Орк и Джо уставились на него. Джо сказал:

— Эге-ге, друг, скажу тебе без обиды, ты, видно, прямо с фермы, да еще в какой-нибудь дыре. Ты

никогда не слышал о Транспланте? Нет, чтобы мне провалиться на этом месте!

— Ладно, допустим, я именно оттуда, — сказал Блейн, приближая свирепое, грубо очерченное квадратное лицо к лицу Джо. — Что такое Трансплант?

— Не кричите так! — прошептал Джо, отшатнувшись — Успокойтесь, я все объясню. Трансплант — это новая игра с переключениями, понял, друг? Ты устал от жизни? Все уже испытал на своей шкуре? Погоди с выводами, пока не попробуешь Трансплант. Понимаешь, парень, люди знающие говорят, что просто так заниматься сексом уже не модно. Нет, пойми меня правильно, все это еще сойдет для цветочков, пчелок и прочих грубиянов. Это все еще приводит их простые звериные сердца в трепет, и кто скажет, что это не их право? В смысле продолжения рода старая приманка мамы-природы еще работает. Но за настоящим удовольствием утонченные люди идут в Трансплант.

Трансплант — демократическая игра, парень. Она дает тебе возможность совершить наибольшее число переключений в кого-то еще и почувствовать, что этот другой чувствует на девяносто девять процентов. Это поучительно, так

сказать, и ничего подобного обыкновенный секс дать не может. Ты хотел бы побывать в шкуре хитрого латано? Обратись в Трансплант, парень. Тебе интересно узнать, что чувствует настоящий садист? Настраивайся на волну вместе с Трансплантом. И не только это, не только. Например, всю ли жизнь проводить в теле мужчины? Ты уже доказал свое, к чему лишние усилия? Почему бы не побывать некоторое время женщиной? С помощью Трансплана ты сможешь войти в самую гущу потрясающе сочной жизни одной из наших специально отобранных девочек.

— Вояризм, извращение, — сказал Блейн.

— Знаю, знаю я эти ученые слова, — сказал Джо — все это неправда. Тут никакого подглядывания. Пользуясь Трансплантом, ты действительно там, в самом этом теле, двигаешь восхитительными мускулами, испытываешь все ощущения. Тебе никогда не хотелось побыть тигром, а, фермер, и погоняться за тигриной леди в сезон спаривания? У нас имеется тигр, парень, и тигриная леди тоже. Ты никогда не задавал себе вопрос, какое удовольствие находят люди во флягиляции, фетишизме, некрофилии и так далее? Обратитесь за помощью к Трансплану. Наш каталог тел читается как энциклопедия. С Трансплантом вы не прогадаете,

друзья, и цены у нас исключительно…

— Убирайся — сказал Блейн.

— Как ты сказал, друг?

Громадная ручища Блейна ухватила Джо за лацканы плаща. Он поднял маленького толкача в воздух на уровень глаз и мрачно взглянул на него.

— Забирай свои извращения и выметайся отсюда, — сказал ему Блейн. — Типы вроде тебя торговали всяким старьем со времен Вавилона, а парни вроде меня ничего никогда не покупали. Убирайся отсюда, пока я не свернул тебе шею… для того, чтобы испытать садизм.

Он отпустил торговца. Джо поправил плащ и нервно улыбнулся.

— Не нужно обижаться, друг, я ухожу. Сегодня ты не в настроении, ничего. Трансплант всегда к твоим услугам, фермер. К чему махать руками?

Блейн было двинулся к нему, но его удержал Орк. Маленький толкач вылетел в дверь.

— Не стоит связываться, — сказал Орк — Еще наживешь неприятности с полицией. Этот мир — старая сточная канава, друг. Выпей.

Блейн опрокинул свой стакан с виски, внутренне он весь еще кипел. Трансплант! Если это было характерным развлечением для 2110 года,

то он в нем участвовать не будет. Орк был прав, это не мир, а сточная канава. Даже у виски появился странный привкус.

Он схватился за стойку бара, пытаясь сохранить равновесие. У виски был очень странный привкус. Что с ним происходит? Кажется, у него начала кружиться голова. Рука Орка легла ему на плечи.

— Ничего, ничего, мой друг немного перебрал. Я, наверное, отнесу его в отель, — говорил он.

Но Орк ведь не знал, где его отель. Да и вообще он ни в каком отеле не останавливался. Орк, этот чертов говорливый, честноглазый Орк что-то подсыпал ему в стакан, пока он разговаривал с Джо.

Чтобы обчистить его? Но он же знал, что у Блейна нет денег. Зачем же тогда?

Он попытался стряхнуть руку Орка с плеча. Но тот держал Блейна словно клещами.

— Не волнуйся, — приговаривал Орк — Я позабочусь о тебе, кореш.

Комната бара лениво вращалась вокруг Блейна. Он вдруг осознал, что скоро многое узнает о мире 2110 года методом непосредственного восприятия. Слишком много, как подозревал он. Возможно, лучше всего было бы сходить в тихую библиотеку.

Комната бара завращалась быстрее. Блейн потерял сознание.

Он пришел в себя в маленькой, плохо освещенной комнатушке без мебели, без окон и дверей, лишь с одним вентиляционным отверстием в потолке. Пол и стены были обиты мягким материалом, но обивку уже давно не мыли. От нее воняло.

Блейн сел, и словно две раскаленные иглы прошили ему глаза. Он снова упал на пол.

— Расслабься, — сказал чей-то голос. — После этих капелек нужно немного обождать.

Он был не один в комнате с обивкой. В углу сидел мужчина и смотрел на него. На какое-то мгновение ему показалось, что голова его сейчас взорвется. Потом, когда иглы впились еще глубже, он испугался, что голова все-таки не выдержит.

— Что это? — спросил он.

— Конечная остановка, — весело сказал мужчина. — Тебя упаковали так же, как и меня. Упаковали, значит, и доставили в лучшем виде. Теперь им остается только уложить тебя в коробочку и повесить этикетку.

Блейн не понимал, что говорит мужчина. Он был в неподходящем настроении, чтобы пы-

таться расшифровать сленг 2110 года. Обхватив ладонями голову, он сказал:

— У меня не было денег. Зачем они это сделали?

— Брось ты, — сказал мужчина. — Зачем они сделали? Им нужно твое тело, понял?

— Мое тело?

— Оно самое. Для носителя.

Тело-носитель, подумал Блейн, такое же, в котором он сам сейчас находится. Ну, конечно, естественно. Это очевидно, если только призадуматься. В этом веке требуется запас тел-носителей для разнообразных целей. Но каким образом раздобыть тело-носитель? На деревьях они не растут, и из земли их не выкопаешь. Большинство людей не пойдет по доброй воле на продажу собственных тел, жизнь так бессмысленна при их отсутствии. Каким же образом пополнять, запас?

Очень просто. Находишь ротозея, подсыпаешь ему наркотик в стакан, прячешь его в укромном месте, отделяешь сознание и получаешь его тело.

Получалась интересная логическая цепочка, но Блейн был не в состоянии продолжать ее. Его голова, судя по всему, решила наконец взорваться.

Немного позже похмелье поутихло. Блейн сел

и обнаружил перед собой бумажную тарелку с бутербродом и чашку какого-то темного напитка.

— Ешь, не опасайся, — сказал ему мужчина. — Они о нас хорошо заботятся. Я слышал, что на черном рынке сейчас за тело дают четыре тысячи долларов.

— На черном рынке?

— Парень, да что с тобой? Проснись! Ты что, не знаешь, что имеется черный рынок, тел, точно такой же, как и открытый?

Блейн отпил из чашки темной жидкости, оказалось, что это кофе. Мужчина представился, звали его Рей Мелхилл, по профессии — механик-контролер с космолета «Бремен». Он был примерно одного возраста с Блейном, ладный, рыжеволосый, с курносым лицом и немного выступающими передними зубами. Даже в настоящем своем положении он не терял своего рода веселой уверенности человека, который знает — всегда что-то подвернется. У него была очень белая, покрытая веснушками кожа, не считая красного пятна на шее — результат старого лучевого ожога.

— Глупая голова, — сказал Мелхилл, — но мы три месяца сидели на астероидной транзитной линии, и я захотел повеселиться. И все было бы

отлично, если бы я держался с парнями, но мы как-то разделились. Вот и оказался в какой-то собачьей конуре с подозрительном девчонкой. Она добавила мне капель в стакан, и я очутился здесь.

Мелхилл откинулся назад, сцепив руки на затылке.

— И это случилось именно со мной! Кто как не я всегда говорил парням — держите ухо востро! Держитесь в куче, говорил я им! Ты знаешь, то, что я помру, не так уж меня расстраивает. Жалко, что эти паразиты загонят мое тело какому-то старому жирному маразматику, чтобы он еще пополз по земле лет пятьдесят. Вот что меня добивает, так это мысль об этом жирном старикашке в моем теле. О Боже!

Блейн мрачно кивнул.

— Такова моя печальная повесть, — сказал Мелхилл, снова приободрившись. — А что с тобой произошло?

— Моя повесть довольно длинная, — сказал Блейн, — и местами немного неправдоподобная. Рассказать?

— Конечно. Времени хватит, я надеюсь.

— Отлично. Начинается она в 1958 году. Подожди, не перебивай. Я вел машину…

Закончив рассказ, Блейн откинулся на обивку стены и глубоко вздохнул.

— Ты мне веришь? — спросил он.

— Почему бы и нет? О путешествиях во времени уже давно говорят. Только они запрещены законом и очень много стоят. А ребята из РЕКСа ничем не погнушаются.

— И девицы тоже, — сказал Блейн, а Мелхилл усмехнулся.

Оба помолчали минутку, как старые приятели. Блейн спросил:

— Значит, они используют нас для тел-носителей?

— Такое дело.

— Когда?

— Когда пожалует клиент. Я тут уже неделю примерно. Любого из нас могут взять в любую секунду. А может, мы просидим еще неделю или две.

— И они просто сотрут нам сознание?

Мелхилл кивнул.

— Но ведь это убийство!

— Конечно, убийство, — согласился Мелхилл. — Но пока мы еще живы. Может быть, «голубые рубашки» нагрянут с облавой.

— Сомневаюсь.

— Я тоже. У тебя есть потусторонняя страховка? Может быть, хоть ты уцелеешь после смерти.

— Я атеист, — сказал Блейн — Я в эти штуки не верю.

— Я тоже атеист, но только жизнь после смерти — это реальный факт.

— Брось, — кисло сказал Блейн.

— Говорю тебе! Научный факт!

Блейн уставился на молодого космонавта.

— Рей, — сказал он, — как насчет того, чтобы проинструктировать меня. Расскажи вкратце обо всем, что случилось после 1958-го.

— Это трудный вопрос, — сказал Мелхилл, — и я парень не слишком начитанный.

— Дай мне хотя бы представление. Что это за жизнь после смерти? Перевоплощение и телоношение? Что тут у вас происходит?

Мелхилл прислонился к стене и глубоко вздохнул:

— Ладно, попробуем. 1958-й. Примерно в 1960-м уже послали корабль на Луну и высадились на Марсе лет на десять позднее. Потом была скоротечная война с русскими за пояс астероидов — только там, в космосе. Или это мы с китайцами воевали?

— Неважно, — сказал Блейн. — Ты про перево-

площение и потусторонний мир расскажи.

— Я попробую тебе рассказать, как нам все рассказывали в училище. Я проходил курс «Обзор психического выживания», но это было уже давно. Ну-ка, посмотрим. — Мелхилл нахмурился, сосредоточиваясь. — Цитирую: «С самых древних времен человек ощущал присутствие особого мира духов, невидимого глазу, и он подозревал, что сам присоединяется к этому миру после смерти тела». Но о раннем периоде ты все, наверное, сам знаешь. Древний Египет, китайцы, алхимики и так далее. Я сразу перейду к Райну. Он жил в твое время. Он исследовал психические феномены. Ты слышал о нем?

— Конечно, — сказал Блейн. — А что он открыл?

— Ничего, собственно, не открыл, но он заварил кашу. После него работой занялся Кралск, в Вильне, и ему удалось немного продвинуться вперед. Это было в 1987 году, когда «Пираты» впервые заняли мировое первенство. Примерно в 2000 году появился Вон Ледднер. Он обрисовал в общих чертах теорию послежизни, но доказательств у него не было. И вот тут мы приходим к профессору Майклу Ваннингу.

Ни кто иной как профессор Ваннинг поставил

это дело на прочную основу. Он доказал, что люди не умирают после смерти. Он вступил с ними в контакт, разговаривал с ними, записывал их голоса, и так далее. Представил стопроцентное научное доказательство жизни после смерти. Тут, конечно, начались споры, дебаты, вступила церковь. Многие не соглашались. Заголовки в газетах. Известный профессор Джеймс Арчер Флинн из Гарварда взялся доказать, что все это просто блеф. Они с Ваннингом спорили несколько лет.

— Ваннинг к этому времени уже состарился и решил сменить обстановку. Он запечатал документы в сейфе, устроил еще несколько тайников, разбросал в разных местах кодовые слова и пообещал вернуться, как обещал Гудини, но не вернулся. Потом…

— Прости, — прервал его Блейн — но если существует жизнь после смерти, то почему Гудини не вернулся?

— Не все сразу, пожалуйста, я объясню. Словом, Ваннинг покончил жизнь самоубийством, оставив длинное письмо с речью о бессмертии человеческого духа и неуклонном прогрессе человечества. Его потом часто перепечатывали в хрестоматиях. Позже обнаружили, кстати, что

написано оно призраком, но это уже другая история. Так, где я остановился?

— Он покончил самоубийством.

— Да. И будь я проклят, если он не вступил потом в контакт с профессором Флинном и не рассказал ему, как найти кодовые слова и прочие тайники. Это добило все дело. Жизнь после смерти стала фактом.

Мелхилл встал, потянулся и снова сел.

— Институт Ваннинга — продолжал он, — призывал всех не проявлять поспешности. Но напрасно. Последовавшие пятнадцать лет известны как Безумные Годы.

Мелхилл усмехнулся и облизнул пересохшие губы.

— Эх, если бы я жил в то времечко! Казалось, каждый решил, что может делать все, что угодно. «Будь ты дьявол или Бог, — пелось в популярной тогда песенке — в небе ждет тебя пирог». И каждому доставался кусочек пирога, праведному и грешному, плохому или хорошему. Убийца переселяется в послежизнь точно так же, как и архиепископ. Так возрадуйтесь жизни, друзья, наслаждайтесь плотью, пока она жива, духовности вам хватит и после смерти. Да-а, и они действительно не теряли времени. Анархия,

понимаешь. Появилась новая религия, называлась она «Осуществление». Они утверждали, что человек обязан перед самим собой испытать все, пока он находится в телесной оболочке, хорошее и плохое, честное и наоборот, потому что в послежизни ему придется только вспоминать, чем они занимались на Земле. Так живите, говорили они, живите, пока вы пребываете в этом мире, а то в послежизни окажетесь в бедняках. Удовлетворяйте всякое желание, исполняйте всякую прихоть, исследуйте самые темные свои глубины. Жизнь на всю катушку, смерть на полный ход. Это было сумасшествие. Некоторые фанатики объединились в клубы пыток и составляли целые энциклопедии мучений, коллекционировали пытки, как домохозяйка собирает рецепты. На каждом заседании такого клуба один из членов добровольно вызывался стать очередной жертвой, они убивали его самым извращенным и жестоким способом, какой только могли придумать. Они стремились испытать все удовольствия и все мучения. Предполагаю, им это удалось.

Мелхилл вытер вспотевший лоб и уже более спокойным тоном сказал:

— Я немного интересовался этим временем, Безумными Годами.

— Я заметил, — сказал Блейн.

— Это по-своему интересная вещь. Но потом неожиданно пришел конец. Институт Ваннинга все это время проводил эксперименты. Примерно в 2050-м, когда Безумные Годы были в самом расцвете, они объявили, что мир иной существует, сомнений нет, но не для всех.

Блейн сморгнул, но ничего не сказал.

— Это был удар. Ваннинговский институт заявил, что имеются доказательства того, что только один человек из миллиона попадает в послежизнь. Все остальные, миллионы жизней, исчезают, просто гаснут, как спички. Пуфф! И все. Никакого иного мира, вообще ничего.

— Почему? — спросил Блейн.

— Понимаешь, Том, я сам не все до конца понимаю, — сказал ему Мелхилл. — Если бы ты спросил что-нибудь о регуляции подачи топлива, я бы тебе действительно объяснил бы. Но психика — это не моя область. Поэтому постарайся не терять ход мыслей, пока я буду вспоминать.

Он энергично потер лоб.

— Значит, после смерти выживает, или не выживает, именно сознание. Люди тысячелетиями спорили о том, что такое сознание, как оно связано с телом и так далее. Мы еще не на все вопросы

получили ответы, но уже имеются некоторые рабочие определения. В наши дни сознание рассматривается как высокоорганизованная энергетическая сеть, которая генерируется самим телом, определяется телом и сама может оказывать влияние на тело. Уловил?

— Думаю, что да. Продолжай.

— Таким образом, сознание и тело взаимодействуют друг с другом. Но сознание может существовать и отдельно. Многие ученые считают, что такова следующая ступень эволюции. Через миллионы лет, говорят они, нам уже не понадобится тело, разве что для короткого инкубационного периода. Я лично не уверен, что эта чертова толпа проживет еще миллион лет. Черта с два она этого заслуживает.

— В этом я с тобой согласен, — сказал Блейн. — Но давай вернемся к послежизни.

— У нас имеется, значит, эта высокоорганизованная энергетическая паутина. Когда умирает тело, эта паутина отправляется в непосредственное существование, подобно вылетающей из кокона бабочке. Смерть — это просто процесс, освобождающий сознание от тела. Но этого не происходит из-за смертьевой травмы. Некоторые ученые считают, что травма смерти — это при-

родный механизм, извлекающий сознание из тела, но только работает он очень мощно и все портит. Смерть — это сильный психический шок, в большинстве случаев энергетическая сеть рвется, путается, ломается ее структура. Она уже не в состоянии восстановить себя, она растворяется, и теперь человек уже полностью мертв.

— Так вот почему Гудини не вернулся назад? — спросил Блейн.

— Да, и большинство других тоже, Варко. Многие люди как следует поработали головами, и на этом Безумные Годы завершились. Институт Ваннинга продолжал работу. Они изучали йогу и прочие вещи подобного же рода, но на научной основе. Понимаешь, у некоторых из этих восточных религий мысль была правильная. Укреплять сознание. Это и нужно было ученым: способ усилить энергетическую паутину так, чтобы она пережила момент смерти.

— И они нашли его?

— Еще бы! Примерно в это же время они переменяли название на корпорацию «МИР ИНОЙ».

Блейн кивнул.

— Я сегодня проходил мимо их здания. Эй, погоди! Ты сказал, что они нашли способ укреплять сознание? Тогда никто больше не умирает? Все

отправляются в послежизнь?

Мелхилл ядовито ухмыльнулся.

— Ну, ты и скажешь, Том! Ты думаешь, они делятся секретом бесплатно? Держи карман шире. Это сложный электрохимический процесс, парень, и они берут за него гонорар. И очень солидный гонорар.

— Значит, на небо переселяются только богачи, — сказал Блейн.

— А ты что думал? Что они пустят туда всех одной командой?

— Понятно, понятно, — сказал Блейн — Но есть ведь и другие способы, другие системы укрепления сознания? йога или дзен-буддизм?

— Они тоже годятся, — сказал Мелхилл. — Существует, по крайней мере, дюжина опробованных и разрешенных правительством домашних курсов психовыживания. Все дело в том, что уходит самое малое двадцать лет упорного труда, чтобы добиться результатов. Это не для простого человека. Нет уж, без машин тебе в послежизнь не пробраться.

— А машинами располагает только «МИР ИНОЙ»?

— Есть еще две организации, «АКАДЕМИЯ ПОСЛЕЖИЗНИ» и «НЕБЕСА, ЛТД.», но цены при-

мерно те же самые. Правительство начало работу над проектом послежизненной страховки, но нам это уже не поможет.

— Это точно, — сказал Блейн. Мечта, на мгновение, сияла перед его глазами ослепительная, как молния: освободиться от всех смертных страхов, получить твердую уверенность в существовании после смерти, в том, что процесс твоего развития и самовоплощения личности не прекратится со смертью тела, пока не достигнет собственных пределов, не стесняемый рамками хрупкого футляра из плоти, которым наградила тебя наследственность и случай.

Но этой мечте не суждено было сбыться. Желанию его сознания расти был положен предел. Будущее оставалось за порогом сегодняшнего дня.

— А что такое перевоплощение в тела-носители? — спросил он.

— Ты мог бы догадаться, — сказал Мелхилл. — Они пересаживают твое сознание в тело-носитель. Трансплант-операторы с удовольствием объяснят тебе, что переключение сознания — дело простое. Трансплант — это временное перемещение сознания, и оно не подразумевает разрушение старого хозяина тела. Носитель же

дается насовсем. Сначала стирают сознание хозяина. Потом наступает опасный момент, когда сознание — перевоплощенец пытается войти в тело-носитель. Иногда, видишь ли, сознание оказывается не в состоянии войти в носитель и разрушается. Послежизненная обработка не всегда срабатывает в условиях перевоплощения. И тогда — пуфф! — песенка спета.

Блейн кивнул, понимая теперь, почему Мэри Тори желала Рейли спокойно умереть. Ее совет был в его же интересах.

— А зачем человеку с послежизненной страховкой прибегать к перевоплощению? — спросил он.

— Потому что некоторые пожилые люди боятся умирать, — сказал Мелхилл — Они боятся иного мира, всего этого призрачного антуража. Они желают оставаться здесь, на Земле, где понимают что к чему. Поэтому они покупают тело-носитель на открытом рынке, если им удается найти подходящее. Если нет, они покупают его на черном рынке. Одно из наших тел, парень.

— Значит, на открытом рынке люди продают тела добровольно?

Мелхилл кивнул.

— Но кто же согласится продать тело?

— Какой-нибудь очень бедный человек, ясное дело. По закону он должен получать компенсацию в виде послежизненной страховки. Но фактически ему приходится брать то, что дадут.

— Нужно быть просто не в своем уме!

— Ты так думаешь? — спросил Мелхилл. — Сейчас, как и всегда, в мире полно необученных, больных, умирающих от голода людей. А если он хочет купить хлеб для своих детей? Единственное, что он может продать, — это тело. В твое время у них даже этого не было.

— Возможно, — сказал Блейн. — Но как бы плохо ни пришлось, я бы никогда не продал свое тело.

Мелхилл от всей души захохотал.

— Силен, парень! Том, да ведь они заберут его бесплатно!

Блейн не знал, что ему ответить.

Время внутри камеры с обитыми стенами тянулось медленно. Блейну и Мелхиллу приносили газеты и журналы. Их хорошо кормили, подавая еду в бумажной посуде. За ними неусыпно наблюдали, чтобы они не причинили вред своим дорогостоящим телам.

Их держали вместе, чтобы не было скучно. Люди в одиночных камерах иногда сходили с ума,

а безумие наносило непоправимый вред столь ценным мозговым клеткам, как было установлено. Им даже разрешали совершать упражнения, и под строгим наблюдением, чтобы сохранять тела в хорошей физической форме.

Блейн в эти дни почувствовал, что очень привязался к своему мощному коренастому телу, с которым он так скоро расстанется. Это отличное тело, решил он, таким телом можно гордиться. Конечно, оно не отличается грацией, но не стоит преувеличивать значение грации. В противовес этому недостатку, как подозревал он, это тело не было подвержено сенной лихорадке, от чего страдало его прежнее тело, и зубы у него были очень крепкие. В целом, с таким телом нелегко было разлучаться.

Однажды, когда они только что поели, часть обивки отошла в сторону. В комнату заглянул, охраняемый стальной решеткой, Карл Орк.

— Здорово, — сказал Орк. Он был все такой же высокий и жилистый, и одежда на нем сидела слишком свободно. — Как поживает мой бразильский корешок?

— Подонок ты, — сказал Блейн, всем своим существом ощущая, что не может, к сожалению, выразиться более сильно.

— Брейк[1], — сказал Орк. — Как тут у вас с едой? Хватает?

— Убирайся на свою подонскую ферму в подонской Аризоне!

— А у меня и вправду есть одна, — сказал Орк. — Я думаю пожить там до старости и заняться выращиванием пескорастений. Уверен, что знаю об Аризоне побольше коренных аризонцев. Но ранчо стоит денег, и послежизненная страховка стоит денег. И каждый добывает их как может.

— И стервятники добывают пищу как могут, — сказал Блейн. Орк глубоко вздохнул.

— Что поделаешь, дело есть дело, и оно не хуже, чем некоторые другие, если хорошенько подумать. Мы живем в грязном мире. Может быть, я с сожалением вспомню об этом, когда буду сидеть вечерком на крыльце моего маленького ранчо в пустыне.

— Ты до него не доживешь, — сказал Блейн.

— Не доживу?

— Нет. В один прекрасный день тебя поймают за руку, когда будешь добавлять капельки в виски кому-нибудь. И найдут тебя, Орк, в канаве с дыркой в голове. И будет тебе на том конец.

---

[1] notes: 1

Брейк — спорт. термин (бокс.) — прекращение ближнего боя.

— Конец моего тела, — поправил его Орк. — А душа моя отправится в путь в радостную послежизнь. Я уплатил денежки, сынок, и меня ждут на небесах!

— Ты этого не заслужил!

Орк ухмыльнулся, и даже Мелхилл не смог сдержать улыбку.

— Мой бедный бразильский друг, — сказал Орк. — Дело не в том, кто и что заслужил. Пора бы тебе это запомнить? Послежизнь — она не для слабых и застенчивых, пусть даже и самых достойных. Только у цепкого парня с долларами в кармане и с ушами востро, душа имеет шанс отправиться в новый путь.

— Я не верю, — сказал Блейн. — Это нечестно, несправедливо!

— Да ты идеалист, — сказал Орк, разглядывая Блейна, словно последнего в мире моа.

— Называй это как хочешь. Наверное, ты получишь свою послежизнь, Орк. Но я надеюсь, что в каком-нибудь уголке иного мира твоя душа будет гореть на вечном огне!

— Научных доказательств адского огня не существует, — сказал Орк — Но мы много чего не знаем о послежизни. Возможно, и я буду гореть. И может быть, там, в голубых небесах, есть фаб-

рика, на которой склеивают обратно расколотые души таких, как ты… Но не будем спорить. Мне очень жаль, но время истекло.

Орк быстро отошел в сторону. Забранная стальными прутьями решетка распахнулась, и в комнату вошло пять человек.

— Нет! — закричал Мелхилл.

Они окружили космонавта. Выказывая большой опыт, они уклонились от его ударов и схватили его за руки. Один из них вставил ему в рот кляп. Они потащили его из комнаты. В дверях показался нахмурившийся Орк.

— Отпустите его, — сказал он. Те освободили Мелхилла.

— Идиоты, вы не того взяли, — сказал им Орд- Вот этого нужно. — Он указал на Блейна.

Блейн в это время пытался подготовить себя к потере друга. Внезапная перемена в ходе событий захватила его врасплох. Охранники схватили его прежде, чем он успел шевельнуться.

— Извини, — сказал Орк — Но клиент указал именно такое сложение, как у тебя.

Блейн внезапно пришел в себя и попытался вырваться.

— Я тебя убью! — закричал он. — Клянусь, я тебя убью!

— Осторожно, не повредите его, — сказал Орк с каменным лицом.

В лицо Блейну сунули тряпку, он почувствовал тошнотворно сладкий запах. Хлороформ, подумал он. Последнее, что он помнил, это пепельное лицо Мелхилла, стоявшего в забранных решеткой дверях.

Первое, что сделал Томас Блейн, придя в сознание, — он убедился, что он по-прежнему Томас Блейн и занимает прежнее тело. Доказательство было, как говорится, «на лице». Значит, они еще не стерли его сознание.

Он лежал на диване, полностью одетый. Он встал и услышал, как кто-то подходит к двери снаружи.

Очевидно, они переоценили силу действия хлороформа! У него еще есть шанс!

Он быстро встал за дверь. Она распахнулась, и кто-то вошел в комнату. Блейн сделал шаг вперед и замахнулся. Он успел задержать удар. Но в руке еще оставалась изрядная инерция, когда его кулак угодил в красиво очерченный подбородок Мэри Тори.

Он отнес ее на диван. Через несколько минут она пришла в себя и открыла глаза.

— Блейн, — сказала она, — вы — идиот.

— Я не знал, что это вы, — сказал Блейн. Едва произнеся эти слова, он осознал, что это неправда. Он успел узнать Мэри Тори за долю секунды до того, как нанес удар, и его послушное, с быстрыми рефлексами тело было в состоянии остановить удар вовремя. Но на уровне подсознания им руководила ярость, неконтролируемая, едва осознанная ярость, которая хитро воспользовалась моментом, чтобы взять над Блейном верх, заставить его нанести удар этой холодной и равнодушной мисс Тори.

Это происшествие намекнуло на нечто, о чем Блейну не очень хотелось думать. Он сказал:

— Мисс Тори, кто заставил вас купить мое тело?

Она бросила на него уничтожающий взгляд.

— Я купила его для вас, поскольку сами вы явно были не в состоянии позаботиться о нем.

Значит, смерть ему не грозит. И толстый неопрятный старикашка не присвоит его тело, развеяв по ветру душу Блейна. Отлично! Он очень хотел жить. Но почему его спасла именно Мэри Тори?

— Я мог бы обойтись, если бы побольше знал об этом мире, — сказал он.

— Я как раз собиралась рассказать вам. Почему

вы не подождали?

— После того, что вы мне сказали?

— Я сожалею, что обошлась с вами несколько бесцеремонно, — сказала она. — Меня очень расстроило решение мистера Рейли отменить кампанию. Но неужели вы этого не могли понять? Если бы я была мужчиной…

— Вы не мужчина, — напомнил ей Блейн.

— Какая разница? Я подозреваю, что у вас несколько устаревшие взгляды на роль и положение женщины.

— Я не нахожу их старомодными, — сказал Блейн.

— Конечно. — Она потрогала подбородок, на котором уже распухал синяк. — Ну что же, будем считать, что мы квиты? Или вы намерены влепить мне еще одну затрещину?

— Одной достаточно, благодарю вас, — сказал Блейн. Она встала с дивана, слегка покачнувшись. Блейн на миг обнял ее одной рукой, чтобы помочь сохранить равновесие, и был ошеломлен. Ему представлялось, что ее спортивная фигура сделана из стали и проволоки. На самом же деле он почувствовал под рукой упругую и неожиданно мягкую плоть. Он стоял так близко, что видел выбившиеся из строгой прически волоски

и маленькую родинку почти у самых волос. В это мгновение Мэри Тори превратилась для него из абстракции в живого человека.

— Я могу стоять самостоятельно, — сказала она. Несколькими секундами спустя он отпустил ее.

— В данных обстоятельствах, — сказала она, пристально глядя на Блейна, — наши отношения должны оставаться на строго деловом уровне.

Чем дальше, тем удивительней! Она тоже вдруг начала смотреть на Блейна, как на живого человека, она почувствовала, что он мужчина, и это обеспокоило ее. Мысль доставила Блейну большое удовольствие. Не потому, как сказал он сам себе, что ему нравится Мэри Тори, или он, даже, вожделел к ней. Ему очень хотелось вывести ее из равновесия, оцарапать блестящую лакировку фасада, поколебать ее чертово самообладание.

— Конечно же, мисс Тори, — сказал он.

— Я рада, что вы так думаете, — сказала она. — Потому что, по правде говоря, вы — не мой тип.

— А какой тип вы предпочитаете?

— Мне больше нравятся высокие и худощавые мужчины, обладающие некоторой утонченностью, грацией движений.

— Но…

— Может быть, мы позавтракаем? — предло-

жила она весело. — Потом мистер Рейли хотел поговорить с вами. По-моему, он хочет вам что-то предложить.

Он последовал за ней из комнаты, кипя внутри от гнева. Неужели она над ним насмехается? Высокие, худощавые, утонченные мужчины! Проклятье, ведь он таким как раз и был раньше! И внутри своей мускулистой белокурой оболочки, подходившей больше борцу, он продолжал оставаться им, если только у нее были глаза, чтобы увидеть!

И кто кого вывел из равновесия? Когда они сели за столик в столовой для работников РЕКСа, Блейн неожиданно вспомнил:

— Мелхилл!

— Что?

— Рей Мелхилл, человек, с которым я сидел в камере! Послушайте, мисс Тори, не могли бы вы выкупить и его? Я верну деньги, как только смогу. Мы сидели в одной камере. Он чертовски славный парень.

Она посмотрела на него с любопытством.

— Я узнаю, что можно сделать.

Она покинула столик. Блейн ждал, потирая ладони и жалея, что не может добраться до горла Карла Орка. Мэри Тори вернулась через несколь-

ко минут.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Я нашла Орка. Мистер Мелхилл был продан через час после вас. Мне действительно очень жаль. Я не знала.

— Ничего, — сказал Блейн. — Наверное, неплохо было бы выпить чего-нибудь.

Мистер Рейли сидел очень прямо в огромном троноподобном кресле, почти теряясь в его мягкой глубине. Это был крошечный, лысый, паукоподобный старичок. Морщинистая кожа туго обтягивала череп, и когтеобразные пальцы рук, кости и сухожилия ясно обрисовывались под полупрозрачной пергаментной кожей и истонченной плотью, Блейну представилось, как вяло движется кровь мистера Рейли по дряблым, варикозным сосудам, угрожая каждую секунду прекратить обращение. Но мистер Реили держался уверенно, и глаза на обезьяньем личике сияли ясным умом.

— Ага, так вот вы какой, наш человек из прошлого! — сказал мистер Рейли. — Пожалуйста, садитесь, сэр. И вы тоже, мисс Тори. Я как раз обсуждал ваш вопрос с дедушкой, мистер Блейн.

Блейн оглянулся, словно ожидая обнаружить призрачный силуэт умершего пятьдесят лет

назад дедушки у себя за спиной. Но в богато украшенной комнате с высоким потолком не было и следа призрачного дедушки.

— Он уже ушел, — объяснил мистер Рейда. — Бедняге удается войти в эктаплазмовую форму лишь на небольшой промежуток времени. Но, тем не менее, он еще сто очков вперед даст другим призракам.

Наверное, в лице Блейна что-то изменилось, потому что Рейли спросил:

— Разве вы не верите в призраков, мистер Блейн?

— Боюсь, что не верю.

— Естественно. Я подозреваю, что для вас это слово имеет несколько иной оттенок значения. Звон цепей, скелеты и прочая чепуха. Но слова изменяют свое значение, и даже сама реальность изменяется по мере того, как человечество трансформирует природу.

— Я понимаю, — вежливо сказал Блейн.

— Вы думаете, я лицемерю, — сказал мистер Рейли добродушно. — Отнюдь. Подумайте над тем, каким образом слова изменяют значение. Вспомните, к чему только не лепили слово «атомный» писатели-фантасты в двадцатом веке: все эти атомные ружья и атомные звездолеты. Атом

для обычного человека ничего не значил — совершенно абсурдный термин, вот и все. Но лишь несколько лет спустя «атом» символизировал картину неотвратимой и совершенно реальной гибели для всех. Теперь ни один обыватель уже не мог игнорировать этого слова!

Мистер Рейли задумчиво улыбнулся.

— Слово «радиация» превратилось из скучного термина в источник раковых опухолей. «Космическая болезнь» в ваше время была лишь пустым абстрактным понятием. Но через пятьдесят лет она означала больницы, забитые корчащимися телами. Словам свойственно меняться, мистер Блейн, и их значениям тоже — от абстрактных и научных к реальным и повседневным. Так происходит всякий раз, когда практика догоняет теорию.

— А призраки?

— Аналогичный процесс. Вы просто старомодны, мистер Блейн! Вам нужно лишь изменить вкладываемое в слово значение.

— Это непросто, — сказал Блейн.

— Но необходимо. Вспомните, всегда существовало множество намеков на существование призраков. Прогноз их существования, другими словами, был весьма благоприятен. И когда

жизнь после смерти из мечты превратилась в реальность, призраки тоже стали повседневным фактом.

— Наверное, мне сначала нужно будет встретиться с одним из них сказал Блейн.

— Не сомневаюсь, что вам это удастся. Но к делу. Скажите, как вы себя чувствуете в нашей эпохе?

— Пока что не слишком хорошо, — казал Блейн. Мистер Рейли радостно захихикал.

— Охотники за телами не слишком располагают к себе, а? Но вам не следовало покидать здание, мистер Блейн. Это было не в ваших жизненных интересах и, конечно же, не в интересах компании.

— Прошу прощения, мистер Рейли, — сказала Мэри Тори. — Это была моя ошибка.

Рейли мельком глянул на нее, потом повернулся обратно к Блейну.

— Печальный инцидент, конечно. Вас следовало бы, говоря со всей откровенностью, предоставить вашей судьбе а 1958 году. По правде говоря, ваше присутствие здесь, мистер Блейн, нас несколько смущает.

— Очень сожалею.

— Мы с дедушкой пришли к согласию… несколько запоздалому, все же, — не использовать вас

для рекламы. Это решение следовало принять много ранее. Что сделано, того не исправить. Но против нашей воли, мы все еще можем получить рекламу. Возможно даже, что правительство возбудит юридическое преследование корпорации.

— Сэр, — сказала Мэри Тори, — юристы убеждены в нашей неуязвимости.

— Конечно, в тюрьму нас не посадят, — сказал мистер Рейли. — Но общественное мнение — не забывайте о нем! Наша репутация! РЕКС должен заботиться о своей незапятнанной репутации, мисс Тори. Слухи о скандале, намеки на неприятности с законодательством… Нет, мистер Блейн не может оставаться здесь, в 2110-м, как живое доказательство неверно принятого решения. Исходя из этого, сэр, я хочу сделать вам деловое предложение.

— Слушаю вас, — сказал Блейн.

— Предположим, РЕКС оплатит за вас послежизненную страховку, гарантирующую вам жизнь после смерти. Согласитесь ли вы покончить с собой?

Блейн быстро моргнул.

— Нет.

— Почему же? — спросил Рейли.

Блейну ответ казался очевидным. Какой жи-

вой человек согласится отдать свою жизнь? К несчастью, такие находились. Поэтому Блейн помолчал, разбираясь в собственных мыслях.

— Во-первых — сказал он. — Я не уверен, что после жизнь существует.

— Предположим, мы убедим вас, — сказал мистер Рейли. — Тогда вы покончите с собой?

— Нет!

— Очень недальновидно с вашей стороны, мистер Блейн! Взгляните на свое положение со стороны: этот век для вас чужой, враждебен вам, вам в нем плохо. Какую вы здесь найдете для себя работу? Вы ведь даже по улице не можете пройтись, не рискуя самой жизнью.

— Этого больше не случится со мной, — сказал Блейн — Я был неподготовлен.

— Случится, и не раз! Вы никогда не подготовитесь достаточно хорошо! Никогда. Вы сейчас в положении пещерного человека, брошенного в ваш же 1958-й. Он будет чувствовать себя достаточно уверенно, я думаю, опираясь на опыт обращения с мамонтами и саблезубыми тиграми. Возможно, какая-нибудь добрая душа и предупредит его насчет гангстеров. Но чем это ему поможет? Спасет ли это его от гибели под колесами автомобиля, от падения в шахту лиф-

та, от отравления газом из плиты, от смерти в электрической дуге на рельсах подземки? Его может разрезать на куски механической пилой, он может сломать себе шею в обыкновенной ванне. Нужно родиться среди этих вещей, чтобы жить среди них в безопасности. И даже в этом случае со многими людьми в наше время происходили несчастные случаи, стоило им только отвлечься на мгновение! И насколько легче будет споткнуться этому пещерному человеку?

— Вы преувеличиваете, — сказал Блейн, чувствуя, что лоб его покрылся легкой испариной.

— Вы думаете? Опасности леса — ничто по сравнению с опасностями города. А когда город превращается в сверхгород…

— Я не согласен на самоубийство, — сказал Блейн. — Я хочу попробовать. Оставим эту тему.

— Будьте же благоразумны! — сказал мистер Рейли раздраженно. — Покончите с собой сразу, и избавьте нас от множества хлопот. Я могу описать вам ваше будущее, если вы этого не сделаете. Возможно, благодаря чисто животной изворотливости и изобретательности вы протянете год. Или даже два. Это не имеет значения, в конце концов вы все равно покончите самоубийством. Вы — типичный самоубийца. Это написано у вас

на лбу — это ваша судьба, Блейн! Вы покончите с собой, со своим жалким существованием и с облегчением покинете измученную плоть, но послежизни для вас уже не будет!

— Вы с ума сошли! — воскликнул Блейн.

— Я в этом вопросе никогда не ошибаюсь, — спокойно сказал мистер Рейли — Я всегда опознаю типичного самоубийцу. И дедушка со мной согласен. Поэтому, если вы только согласитесь…

— Нет, — сказал Блейн. — Не соглашусь. Боюсь, вам придется нанять помощника.

— Это не в моих правилах, — сказал мистер Рейли. — Я не стану принуждать вас. Лучше приходите на мое перевоплощение сегодня днем. Познакомьтесь с послежизнью на деле. Возможно, тогда вы передумаете.

Блейн колебался, и старичок усмехнулся.

— Это совершенно безопасно, я вам обещаю. Может быть, вы боитесь, что я похищу у вас тело? Своего носителя я отобрал еще несколько месяцев назад. Купил на открытом рынке. Честно говоря, я не выбрал бы ваше тело. Я, видите ли, чувствовал бы себя неуютно в такой громадине.

Беседа балла окончена. Мари Тори вывела Блейна из комнаты.

Комната, где происходило перевоплощение,

была устроена как маленький зрительный зал. Ее часто использовали, как узнал Блейн, для лекций и обучающих программ работников среднего звена. Сегодня здесь присутствовали немногочисленные избранные зрители. Прибыли управляющие РЕКСа, пятеро среднего возраста мужчин, сидевших в последнем ряду и тихо разговаривавших между собой. Рядом сидел секретарь-регистратор. Блейн и Мэри Тори сидели впереди, как можно дальше от управляющих.

На возвышении сцены в лучах прожекторов стоял готовый к действию перевоплощающий аппарат. Два массивных кресла были снабжены привязными ремнями и многочисленными проводами. Между креслами стоял блестящий черный аппарат. Толстые кабели соединяли машину и кресло, отчего у Блейна возникало неприятное ощущение, что сейчас он станет свидетелем казни. Несколько техников склонились над машиной, делая последние приготовления. Рядом с ними стояли пожилой бородатый доктор и его краснолицый коллега.

Мистер Рейли вышел на сцену, кивнул присутствующим и опустился в одно из кресел. За ним последовал мужчина лет сорока, с испуганным, бледным, но с написанной на нем решимостью,

лицом. Это был телоноситель, нынешний владелец тела, которое вскоре перейдет к мистеру Рейли.

Носитель сел в другое кресло, бросил на собравшихся быстрый взгляд и начал рассматривать свои руки. Казалось, он смущен. Над верхней губой у него собрались крупные капли испарины, и пиджак под мышками потемнел. Он не взглянул на Рейли, и Рейли тоже не смотрел на него.

На сцену вышел еще один человек, лысый, важного вида, в темном костюме с воротничком церковного служащего и маленькой черной книжечкой в руках. Он начал шепотом разговаривать с обоими, сидящими в креслах.

— Кто это? — спросил Блейн.

— Отец Джеймс, — сказала Мэри Тори. — Он священник церкви послежизни.

— Что это за церковь?

— Это новая религия. Ты слышал о Безумных Годах? Так вот, в это время произошел серьезный спор среди деятелей религии…

Самым жгучим вопросом сороковых годов XXI века стал духовный статус послежизни. После того, как «МИР ИНОЙ, инкорпорейтид» объявила об основании научного иного мира, все стало еще хуже. Корпорация старалась изо всех сил избе-

жать столкновения с религией, но избежать его было непросто. Большинство церковников считало, что наука бесчестным образом оттяпала у них солидный кусок исконно церковной территории. «МИР ИНОЙ», хотела ли компания того или нет, стала провозгласителем новой научно-религиозной доктрины: «спасения достигнуть возможно не путем религиозных, этических и моральных мер, но с помощью обезличенной, стандартной научной процедуры».

Заседания синодов, совещания и конгрессы занимались этим жгучим вопросом. Некоторые группировки пришли к выводу, что недавно открытое научное существование после смерти не является ни в коем случае раем, спасением, нирваной и так далее, потому что не затрагивает душу.

Сознание, считали они, это не синоним души. И душа не является частью сознания. Допустим, наука открыла средства продлить существование какой-то части комплекса тела и сознания. Прекрасно, но это не затрагивает душу и определенно не означает бессмертия души или ее попадания в рай, нирвану или что-нибудь подобное. Душу нельзя спасти научно-техническим методом. И местоположение души после неизбежной смерти

сознания в научном ином мире будет определено традиционными религиозными, моральными и этическими ее заслугами.

— Ух ты! — сказал Блейн. — Кажется, я понял, в чем дело. Они пытались привести науку и религию к сосуществованию. Но не слишком ли тонко они размышляли для некоторой категории людей?

— Да, — сказала Мэри Тори, — хотя они и объяснили все это гораздо лучше меня, и подкрепляли рассуждения аналогиями всех видов. Но это была только одна группа церковников. Другие даже не пытались найти общую точку. Они просто объявили научную послежизнь грешным делом. А другая группировка разрешила противоречие, объявив просто, что душа является все же частью сознания и, таким образом, они присоединяются к ученым.

— Наверное, это и была церковь послежизни.

— Да. Они выделялись в отдельное течение. По их мнению, душа находится в сознании, и послежизнь является возрождением души после смерти, без всяких «если» и «но».

— Это вполне в духе времени, — сказал Блейн — Но мораль…

— По их мнению, это не освобождает человека

от моральных обязанностей. Послежизненцы утверждают, что нельзя заставить людей быть добродетельными путем системы духовного вознаграждения, а если и можно, то этого делать не следует. Они говорят, что мораль должна быть сильна сама по себе, как необходимая, во-первых, социальному организму общества, во-вторых, как полезная самому человеку.

Блейну показалось, что от морали требуют слишком многого.

— Наверное, это весьма популярная религия? — спросил он.

— Очень популярная, — ответила Мэри Тори.

Блейн хотел еще что-то спросить, но тут заговорил отец Джеймс.

— Уильям Фитсиммонс, — сказал священник телоносителю — ты пришел сюда по своей доброй воле, с целью прекратить свое существование в сием мире и продолжить его в мире духовном?

— Да, отец, — прошептал побледневший телоноситель.

— И соответствующие научные процедуры были произведены, дабы ты мог продолжить это существование в мире духа?

— Да, отец.

Отец Джеймс повернулся к Рейли.

— Кеннет Рейли, ты пришел сюда по своей доброй воле, с целью продолжить свое существование в этом мире в теле Уильяма Фитсиммонса?

— Да, отец, — сказал Рейли, весь сжавшийся и с напрягшимся лицом.

— И ты позаботился о том, чтобы Уильям Фитсиммонс получил доступ в послежизнь, и уплатил сумму денег наследникам Фитсиммонса, и уплатил государственный налог, установленный для операций подобного рода?

— Да, отец, — сказал Рейли.

— Поскольку все именно так, — сказал отец Джеймс, — дело это чисто, как перед лицом закона, так и религии. Не произойдет здесь лишения жизни, потому что сознание Уильяма Фитсиммонса продолжит существование в послежизни, а жизнь и пребывание личности Кеннета Рейли продолжится в земном мире. Посему, начинайте перевоплощение!

Блейну все это представлялось жуткой помесью обряда бракосочетания и казни. Улыбающийся священник отошел в сторону. Операторы прикрепили сидящих к креслам и присоединили электроды к их рукам, ногам и лбам. В зале воцарилась тишина, и управляющие РЕКСа в ожидании подались вперед в своих креслах.

— Начинайте, — сказал Рейли, глядя на Блейна и слегка улыбаясь.

Главный техник повернул диск на панели черной машины. Она громко загудела, и свет прожекторов померк. Оба сидящих в креслах конвульсивно вздрогнули, потом их тела обмякли.

— Они прикончили этого беднягу Фитсиммонса, — прошептал Блейн.

— Этот бедняга, — сказала Мэри Тори, — отлично знает, что делает. Ему тридцать семь лет, и в жизни он оказался полным неудачником. Он не мог удержаться ни на одной работе и прежде не имел даже шанса на послежизнь. Для него это была великолепная возможность. Кроме того, у него есть жена и пятеро детей, которых он был не в состоянии обеспечить. Сумма, которую заплатил мистер Рейли, позволит вдове дать детям приличное воспитание и образование.

— Уррра! — сказал Блейн. — Продается: один отец, в несколько подержанном теле, но в отличном состоянии. Купите!!! Какое самопожертвование!

— Вы нелепы, — сказала она. — Смотрите, они закончили.

Машину уже выключили и сняли с сидящих ремни. Операторы и врачи сгрудились вокруг

телоносителя, не обращая внимания на сморщенный труп Рейли.

— Пока еще ничего! — провозгласил бородатый доктор.

Блейн чувствовал, как все в зале с напряжением и некоторым страхом ждут продолжения. Медленно ползли секунды. Телоносителя тесным кольцом окружили врачи и техники.

— Все еще ничего! — крикнул пожилой врач, в голосе его появились истерические нотки.

— Что происходит? — спросил Блейн Мари Тори.

— Я вам уже говорила, что перевоплощение — сложный и опасный процесс. Сознание Рейли не смогло пока что войти в телоносителя. И времени у него остается мало.

— Почему?

— Потому что тело начинает умирать с той секунды, когда его покидает прежнее сознание. Необратимый процесс отмирания начинается в теле, если сознание не присутствует в нем, хотя бы в спящем состоянии. Сознание необходимо. Даже в бессознательном состоянии оно регулирует физиологические процессы. Если вообще нет сознания…

— Все еще ничего! — выкрикнул пожилой

врач.

— Я думаю, уже слишком поздно, — прошептала Мари Тори.

— Дрожь! — крикнул доктор. — Кажется, он вздрогнул!

Последовала долгая пауза.

— Кажется, он вошел! — крикнул пожилой врач. — Скорее, кислород, адреналин!

На лицо носителя опустили кислородную маску. В его руку вонзилась игла-шприц. Все столпились вокруг тело-носителя, который сейчас уже моргал глазами и содрогался в позывах рвоты.

— Он вошел! — Закричал пожилой доктор, убирая кислородную маску.

Управляющие, словно по указанию, поспешно покинули свои кресла и поднялись на сцену.

— Поздравляем, мистер Рейли!

— Отлично вы справились, сэр!

— Заставили же вы нас поволноваться, мистер Рейли!

Носитель уставился на них. Потом он вытер ладонью рот и сказал:

— Я не Рейли.

Пожилой доктор растолкал управляющих и склонился над телоносителем.

— Вы не Рейли? — спросил он. — Может быть, вы Фитсиммонс?

— Нет, — сказал носитель. — Я не Фитсиммонс, дурачок он чертов! И я не Рейли. Рейли пытался занять это тело, но я был проворнее. Я первым успел войти. Теперь это мое тело.

— Кто вы? — спросил доктор.

Носитель поддался. Управляющие отпрянули, и один из них быстро перекрестился.

— Тело было мертвым слишком долго, — сказала Мэри Тори.

Лицо носителя теперь сохраняло бледное, далекое подобие испуганного лица Уильяма Фитсиммонса. В нем не было ничего похожего на решимость Фитсиммонса, на капризность и веселое настроение Рейли. Оно напоминало лишь самого себя.

Лицо было смертельно-бледным, исключая черные точки щетины на подбородке и щеках. Губы были бескровные. Прядь черных волос словно приклеилась к холодному бледному лбу. Когда в теле был еще Фитсиммонс, черты лица составляли приятное гармоническое целое. Теперь же отдельные черты лица как бы огрубели и отделились друг от друга. Негармоничное белое лицо приобрело незавершенный вид, словно

сталь перед закалкой или глиняный кувшин перед обжигом.

У него был расслабленный, угрюмый вид из-за отсутствия мускульного тонуса и напряжения в лице. Бесстрастные, не сочетающиеся между собой черты просто существовали, ничего не говоря о скрывающейся за ними личности. Лицо казалось теперь не совсем человеческим. Вся человечность жила теперь лишь в больших, внимательных, немигающих глазах, как у Будды.

— Он превратился в зомби, — прошептала Мэри Тори, схватив Блейна за плечо.

— Вы кто? — спросил пожилой доктор.

— Не помню, — сказал зомби. — Не помню.

Он медленно повернулся и начал спускаться со сцены. Двое управляющих попытались преградить ему дорогу.

— Прочь с дороги, — сказал он. — Теперь это мое тело.

— Оставьте несчастного зомби в покое, — устало сказал пожилой врач.

Управляющие дали зомби пройти. Он дошагал до края сцены, спустился по ступенькам, повернулся и пошел к Блейну.

— Я тебя знаю! — сказал он.

— Что? Чего ты хочешь? — нервно спросил

Блейн.

— Не помню, — сказал зомби, пристально его разглядывая. — Как тебя зовут?

— Том Блейн.

Зомби покачал головой.

— Это мне ничего не говорит. Но я вспомню. Это ты, это точно. Что-то… Мое тело умирает, да? Очень плохо. Но я вспомню раньше, чем оно умрет. Ты и я, понимаешь, мы вместе… Блейн, неужели ты меня не помнишь?

— Нет! — закричал Блейн, отшатываясь от намека на какую-то общность с зомби, на саму идею какой-то его связи с этим умирающим организмом. Этого не могло быть! На какой общий секрет намекал этот похититель трупов, этот грязный узурпатор, что могло быть общего между ним и Блейном?

Ничего, сказал Блейн себе. Он знал себя, знал, что он такое и кем он был раньше. Ничего связывающего с этим зомби у него не было и не могло быть. Это существо сошло с ума или ошиблось.

— Ты кто? — спросил Блейн.

— Не знаю!

Зомби вскинул руки, словно человек, пойманный в сеть. И Блейну представилось, что должно чувствовать сознание, потерявшее имя, запу-

тавшееся, оказавшееся в ловушке умирающего тела зомби.

— Я тебя еще найду, — сказал Блейну зомби. — Ты мне нужен. Я тебя найду и вспомню все… о тебе и обо мне.

Зомби обернулся и зашагал по проходу прочь из зала. Блейн смотрел ему вслед, пока вдруг не почувствовал вес чьего-то тела на своем плече.

Мэри Тори потеряла сознание. Впервые она повела себя, как женщина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Главный оператор и бородатый доктор вели спор рядом с перевоплощающей машиной. За спиной у каждого уважительно выстроились ассистенты. В ход шли в основном технические термины, но Блейн уловил, что они пытаются определить причину провала перевоплощения. Каждый, похоже, считал, что вина лежит на его оппоненте.

Пожилой доктор настаивал на том, что машина, вероятно, была неправильно настроена, или произошел не скомпенсированный спад в энергопитании. Главный оператор клялся, что машина в идеальном порядке. Он был уверен, что просто Рейли не был физически пригоден к напряжению такой попытки.

Ни один не хотел уступать ни на шаг. Но, будучи благоразумными людьми, они вскоре пришли к компромиссному решению. Виной всему, решили они, безымянный дух, который отбил у Рейли право на тело Фитсиммонса, и занял его.

— Но кто это был? — спросил главный оператор. — Думаете, призрак?

— Возможно, — сказал доктор, — хотя призраку чертовски редко удается овладеть живым телом. Тем не менее, судя по ненормальной речи, он вполне мог быть призраком.

— Кем бы он ни был, — сказал оператор, — он занял носителя слишком поздно. Тело определенно превратилось в зомби.

— Совершенно верно, — сказал доктор. — Я готов подтвердить внешнюю исправность аппаратуры.

— Это вполне справедливо, — сказал главный оператор. — И я готов заверить готовность клиента к процедуре, если судить по его лицу и внешнему виду.

Они посмотрели друг на друга с полным взаимопониманием.

Управляющие организовали моментальную собственную конференцию, пытаясь определить, каковы будут у этого события немедленные последствия для структуры РЕКСа, и что следует объявить общественности, и следует ли дать всем служащим РЕКСа выходной день для посещения фамильной усыпальницы Рейли.

Старое тело Рейли, лежавшее в кресле, начало уже коченеть. На мертвых губах застыла ироническая отрешенная усмешка. Мари Тори пришла

в сознание.

— Пойдемте, — сказала она, направляясь к выходу из зала. Они быстро зашагали по длинным серым коридорам к выходу из здания. На улице она остановила каптер-такси и назвала водителю адрес.

— Куда мы летим? — спросил Блейн, когда каптер набрал высоту и, выйдя из виража, встал на курс.

— Ко мне домой. В РЕКС сейчас лучше не соваться, — это будет сумасшедший дом.

И она принялась поправлять прическу. Блейн откинулся на мягкую спинку сиденья и посмотрел вниз, на сверкающий город. С высоты полета он выглядел как изысканная миниатюра, многоцветная мозаика из сказок «Тысячи и одной нота». Но где-то там, внизу, по улицам и уровням брел сейчас зомби, пытаясь вспомнить… его, Блейна.

— Но почему меня? — вырвалось у Блейна. Мэра Тори посмотрела на него.

— Почему зомби показал на тебя? А почему бы и нет? Разве ты никогда не ошибался?

— Ошибался, естественно. Но с ошибками покончено.

Она покачала головой.

— Возможно, так бывало в твое время. А теперь, никто не умирает навсегда. Это один из главных недостатков послежизни. Ошибки зачастую не желают оставаться в мертвом прошлом. Очень часто они следуют за тобой по пятам.

— Это я понимаю, — сказал Блейн — Но я ничего такого не сделал, чтобы этот зомби…

Она равнодушно пожала плечами.

— В таком случае, ты лучше многих из нас.

Еще никогда она не казалась Блейну такой чужой. Каптер начал медленно снижаться. Блейн грустно размышлял над недостатками, которые всегда свойственны преимуществам.

В своем родном веке он был свидетелем того, как уничтожение многих заболеваний привело в некоторых районах мира к стремительному увеличению рождаемости, к голоду и бедствиям. Он видел, как открытие атомной энергии привело к угрозе атомной катастрофы. Каждое преимущество порождало свой собственный недостаток. Видимо, то же самое происходило и сейчас.

Гарантированная, научно обоснованная жизнь после смерти была, конечно, благом для человечества. Практика догнала теорию! Но недостатки… Произошло очевидное ослабление защитного барьера вокруг жизни в этом мире, образовалось

несколько трещин в дамбе земного существования. Умершие отказывались теперь лежать спокойно в своих могилах, они вмешивались в дела живущих. Кому от этого польза? Призраки, например, — теперь это естественное явление, логически вытекающее из законов природы. Но это слабое утешение, если вас преследует призрак.

В этом веке, думал Блейн, целый новый слой особого рода существования вторгся в жизнь человека на земле. Подобно тому, как зомби совершенно не к месту вторгся в жизнь Блейна.

Каптер-такси сел ка крышу жилого дома. Мэри Тори расплатилась с водителем и повела Блейна к своей квартире.

Квартира оказалась просторной, с приятным оттенком женского стиля и некоторым аристократическим талантом в характере меблировки. Здесь оказалось гораздо больше ярких цветов, чем мог предположить Блейн, исходя из невеселого характера мисс Тори. Наверное, ярко-желтые и алые тона являлись проявлением какого-то скрытого желания, компенсацией за ограничения, налагаемые ее строгой деловой жизнью. А возможно, такова была текущая мода. В квартире имелся весь набор домашней техники, которая

у Блейна ассоциировалась с будущим: саморегулирующее освещение и очистка воздуха, кресла с автоматически изменяющимися контурами сиденья, и бар на кнопочном управлении, изготовляющий хорошего качества мартини.

Мэри Тори ушла в одну из спален. Она вернулась уже в домашнем платье с высоким воротником и присела на кушетку напротив Блейна.

— Итак, Блейн, каковы ваши планы?

— Я думал попросить у вас взаймы.

— Конечно.

— В таком случае, я думаю найти комнату в отеле и начать поиски работы.

— Это будет нелегко, — сказала она. — Но я знаю некоторых людей, они могли бы…

— Нет, спасибо, — сказал Блейн. — Может, это звучит глупо, но я лучше сам поищу работу.

— Нет, это звучит совсем не глупо. Надеюсь, что вам повезет. Как насчет обеда?

— Превосходно. Вы умеете готовить?

— Я поворачиваю циферблаты, — сказала она. — Так, посмотрим. Не хотите ли попробовать настоящую марсианскую еду?

— Нет-нет, спасибо, — сказал Блейн — Марсианская еда на вкус приятна, но сыт от нее не будешь. Не найдется ли у вас бифштекса?

Мэри настроила автоповара, и тот позаботился обо всем остальном, отобрав в кладовой нужные продукты, распаковав, очистив, вымыв и приготовив, как было заказано. Кроме того, он послал заказ в магазин, чтобы пополнить запасы. Обед получился отличный, но Мэри, казалось, была несколько смущена. Она извинилась перед Блейном за полностью механизированный процесс приготовления. Ведь он прибыл из эпохи, когда женщины сами открывали консервные банки, и сами пробовали приготовляемые блюда, но у них ведь, наверное, было больше свободного времени. Когда они допили кофе, солнце уже село.

— Большое вам спасибо, мисс Тори, — сказал Блейн. — Теперь, если бы вы смогли одолжить мне денег, я отправился бы в отель.

Она взглянула на него с изумлением:

— Ночью?

— Да, я хочу найти комнату. Вы были очень добры, но я не хотел бы в дальнейшем…

— Ничего страшного, — сказала она. — Можете остаться здесь.

— Хорошо, — сказал Блейн.

Во рту у него стало вдруг сухо, и сердце забилось подозрительно быстро. Он знал, что в ее предложении нет ничего личного, но тело его,

похоже, отказывалось понимать. Оно реагировало с надеждой и даже ожиданием на слова антисептической, сдержанной мисс Тори.

Она показала ему его спальню и дала зеленую пижаму. Блейн закрыл за ней дверь, разделся и лег в постель. Свет погас, стоило лишь ему приказать вслух.

Немного спустя, как и ожидало его тело, Мэри Тори вошла в комнату. Она была в чем-то белом, и она легла рядом с Блейном.

Они лежали бок о бок и молчали. Мэри Тори пододвинулась ближе, и он положил руку ей под голову. Он сказал:

— Я думал, мой тип вас не привлекает.

— Не совсем так. Я сказала, что предпочитаю высоких, худощавых мужчин.

— Раньше я был высоким и худощавым.

— Я так и думала.

Они снова замолчали. Блейну стало немного не по себе, в нем росло раздражение. Что все это значит? Он ей понравился? Или это обычай эпохи, вроде гостеприимства эскимосов?

— Мисс Тори, — сказал он, — я подумал, что…

— О, помолчи же! — сказала она, внезапно поворачиваясь к нему. Глаза ее в полумраке комнаты казались огромными. — Неужели обо всем

нужно спрашивать, Том?

Некоторое время спустя она сказала сонно:

— В данных обстоятельствах, я думаю, ты можешь называть меня Мэри.

Утром Блейн принял душ, побрился и оделся. Мэри набрала для него завтрак на панели автоповара. Когда они позавтракали, она протянула ему небольшой конверт.

— Я смогу тебе одолжить больше, если понадобится, — сказала она, — Теперь насчет работы…

— Ты мне очень помогла, — сказал Блейн — Все остальное я хочу сделать сам.

— Хорошо. На конверте я написала свой адрес и номер телефона. Позвони, пожалуйста, как только найдешь комнату.

— Я позвоню, — сказал Блейн, пристально глядя на нее. Он не замечал даже намека на ту Мэри, что была с ним прошлой ночью. Перед ним мог стоять совсем другой человек. Но пока он был вполне удовлетворен нарочитостью ее сдержанности. Этого пока вполне достаточно. В дверях она тронула его за руку.

— Том, — сказала она. — Пожалуйста, будь осторожен. И позвони мне.

— Я позвоню, Мари, — сказал Блейн. Он отправился в город, веселый и отдохнувший,

намереваясь завоевать этот мир.

Первой его мыслью было пройти по конторам яхтовых конструкторских бюро. Но от этого он отказался, представив себе конструктора из 1806 года в конструкторском бюро 1958-го.

Этот странный посетитель из прошлого мог быть очень талантливым человеком. Но никакой талант не помог бы ему, если бы его спросили о метацентрическом анализе привального бруса, и о диаграммах обтекаемости, точках напряжения и о лучшем месте расположения сонара и радиолокатора. Какая компания согласится платить ему жалованье, пока он будет знакомиться с системами редукции, многослойной краской, испытаниями в бассейне, с системой теплообмена, с синтетическими тканями для парусов…

У него не будет ни одного шанса, решил Блейн. И он тоже не мог войти в конструкторское бюро, отстав от времени на 152 года, и попросить работу. Какую работу? Возможно, он мог бы подучиться и овладеть технологическими приемами 2110 года. Но этим он должен заниматься в нерабочее время. Нет, сейчас ему придется взять любую работу. Он подошел к газетному киоску и купил микрофильм свежего номера «Нью-Йорк Таймс» и устройство для чтения. Потом он отыс-

кал скамейку, уселся и нашел отдел объявлений. Он быстро пропустил объявления о найме квалифицированных работников, где ему не на что надеяться, и перешел к неквалифицированным. Он начал читать.

«В автокафе требуется наладчик. Базовые знания роботики».

«Чистильщик корпусов требуется на лайнер Мар-Колинга. Необходима положительная резус-реакция и укрепленная антиклаустофобия».

«Требуется инвентаризатор для вредной работы. Должен иметь основные знания по дженклингу. Еда за счет работодателя».

Блейну стало ясно, что даже для неквалифицированного труда в 2110 году он не годился. Перевернув страницу к разделу «Работа для подростков», он прочел:

«Требуется молодой человек, интересующийся слик-траговыми аппаратами. Хорошие перспективы. Должен иметь базовые математические знания и навык работы с хутаан-уравнениями».

«Нужен молодой человек для работы продавца на Венере. Жалованье плюс комиссионные. Должен иметь базовые знания французского, немецкого, русского и оуречского языков».

«Доставка, журналы и газеты. Эткол набирает

мальчиков. Должен уметь водить шпренинг. А также хорошо знать город».

Итак… он не годится даже в продавцы газет! Это была угнетающая мысль. Найти работу будет куда труднее, чем он думал. Неужели в этом городе никто не копает ямы и не разносит пакеты? Неужели всю грубую работу выполняют роботы, или даже для того, чтобы толкать вагонетки, требуется степень доктора наук? Что это за мир?

За ответом он обратился к первой странице «Таймс», настроил считывающий аппарат и ознакомился с новостями дня.

«Ведется строительство нового космодрома в Оксе, Новоюжный Марс».

«Как предполагают, полтергейст виновен в нескольких случаях пожаров в округе Чикаго. Ведутся попытки нагнать духа».

«Богатые залежи меди обнаружены в Сигма-Д секторе пояса астероидов».

«В Берлине усилили активность допцельгангеры».

«Проведены новые исследования населения осьминогов во впадине Миндано».

«В Спенсере, Алабама, толпа линчевала и сожгла двух местных зомби. Зачинщики находятся под следствием».

«Как заявил ведущий антрополог, архипелаг Туамото в Океании остается последним оплотом простых нравов двадцатого века».

«Ассоциация Атлантических морских пастухов начала очередную конференцию в Вальдорфе».

«Неудачная охота на вервольфа была произведена в Тироле, Австрия. Деревни в округе предупреждены о необходимости нести круглосуточное наблюдение за бестией».

«В палату представителей был подан проект о запрещении всех видов охоты и боев гладиаторов. Проект был забаллотирован».

«Берсеркер убил четырех жителей в нижней части „Сан-Диего“.

«Число жертв аварий геликоптеров достигло в этом году уровня одного миллиона».

Блейн отложил газету с еще более тяжким чувством. Призраки, доппельгангеры, вервольфы, полтергейсты… Ему не нравилось звучание этих мрачных, древних слов, которые в эти дни обозначали повседневные явления. Он уже повстречался с зомби. Ему больше не хотелось сталкиваться с другими опасными побочными эффектами послежизни.

Он снова пошел вдоль тротуара. Он миновал район театров. Афиши объявляли о гладиатор-

ских боях на Мэдисон. Сквер Гарден, плакаты рекламировали солидовизионные программы и сенсорошоу, сверкающие огни объявлений предлагали посетить сверхтоновые концерты и венерианскую пантомиму. С грустью припомнилось Блейну, что он тоже мог бы стать частью этой ослепительной страны сказок, если бы Рейли не изменил решения. Он мог бы оказаться на одной из афиш в качестве «Человека из Прошлого»...

Конечно же! Человек из Прошлого! Блейн внезапно осознал, насколько новое и необыкновенное несет он в себе качество. Корпорация РЕКС спасла его, жизнь лишь для того, чтобы это качество использовать. Но они передумали. Тогда что ему мешает самому использовать его? И кроме того, что еще ему остается? Зрелищный бизнес остается его единственной возможностью.

Он поспешил к гигантскому зданию, где помещались конторы разнообразных учреждений, и обнаружил, что в списке их имеется целых шесть театральных агентств. Он остановился на агентстве «Барнекс, Скофилд и Стайлз», сел в лифт, доставивший его на девятнадцатый этаж.

Он вошел в огромную приемную, стены которой украшали роскошные солидографии улыбающихся актрис, В дальнем конце комнаты

симпатичная секретарша вопросительно подняла бровки, увидев Блейна. Блейн подошел к ее столу.

— Я хотел бы поговорить с кем-нибудь по поводу моего номера, — сказал он.

— Мне очень жаль, — сказала она. — У нас нет вакансий.

— Это необыкновенный номер.

— Мне действительно очень жаль. Может быть, на следующей неделе…

— Послушайте, — сказал Блейн. — У меня действительно необыкновенный номер. Понимаете, я из прошлого.

— Даже если бы вы были призраком Скотта Мерриваля, — сказала секретарша, — вакансий нет. Зайдите через неделю.

Блейн повернулся, чтобы уйти. Коренастый мужчине промчался мимо него, на бегу кивнув секретарше.

— Доброе утро, мисс Тетчер.

— Доброе утро, мистер Барнекс.

— Барнекс! Один из агентов!

Блейн бросился вдогонку за мужчиной и поймал его за рукав.

— Мистер Барнекс, — сказал он. — У меня номер…

— У всех номера, — устало сказал Барнекс.

— Но это уникальный номер!

— У всех уникальные, — сказал Барнекс — Отпустите мой рукав. Загляните на той неделе.

— Я из прошлого! — воскликнул он, почувствовав себя вдруг дураком. Барнекс повернулся и уставился на него. У него был такой вид, словно он собирался вызвать полицию. Но Блейн бросился в атаку, пренебрегая опасностью.

— Клянусь вам, это правда! — сказал он. — У меня есть доказательство. Корпорация РЕКС выхватила меня из прошлого. Спросите у них!

— РЕКС? — переспросил Барнекс. — Ага, я что-то слышал об этой операции у Линди… Гмм. Зайдите-ка ко мне в кабинет. Мистер..?

— Блейн. Том Блейн. — Он вошел вслед за Барнексом в тесную комнатушку. — Вы думаете, я вам подойду? — спросил он.

— Возможно, — сказал Барнекс, подталкивая Блейна к стулу. — Посмотрим. Скажите, мистер Блейн, из какой вы эпохи?

— Из 1958 года. Я обладаю непосредственным знанием тридцатых, сороковых и пятидесятых годов. Некоторый сценический опыт у меня имеется — я играл в колледже, и одна моя знакомая актриса, профессионалка, даже говорила, что у

меня врожденный дар…

— 1958-й? Это в XX веке?

— Да, да.

Агент покачал головой:

— Очень плохо. Вот если бы вы были шведом из шестого века или японцем из седьмого, я мог бы вам кое-что найти. Можно было набрать еще пару человек из первого века Римской империи и для четвертого века — англосаксонского завоевания. Из ранних веков теперь, когда путешествия во времени объявили вне закона, очень трудно кого-нибудь найти. А из периода до нашей эры вообще ничего нет.

— А как с двадцатым веком? — спросил Блейн.

— Все заполнено.

— Заполнено?

— Конечно. Бен Терлер из 1953 года получает все возможные роли.

— Понимаю, — сказал Блейн, медленно поднимаясь со стула. — Тем не менее, спасибо, мистер Барнекс.

— Не за что, — сказал Барнекс. — Жаль, что ничем не могу помочь. Если бы вы были откуда-нибудь до XI века, я бы вас взял. Но в таком близлежащем периоде, как XIX и XX века, нет ничего интересного… Послушайте, почему бы

вам не сходить к Терлеру? Это маловероятно, но, может быть, ему нужен помощник или что-нибудь в этом роде?

Он нацарапал адрес на листке бумаги и вручил его Блейну.

Блейн взял листок, еще раз поблагодарил и вышел. Оказавшись на улице, он постоял несколько секунд, кляня свою несчастливую звезду. Единственное его уникальное качество было уже узурпировано неким Беном Терлером из 1953 года? Нет, действительно, подумал он, с этими путешествиями во времени могли быть и неосмотрительнее. Это просто несправедливо — забросить в будущее человека, а потом забыть о нем.

Ему стало интересно, что за человек был этот Терлер. Что ж, он это скоро узнает. Даже если Терлеру не нужен помощник, приятно будет поговорить с современником. К тому же, Терлер здесь уже давно, он может подсказать какое-нибудь занятие для человека из XX века в 2110 году.

Он помахал рукой пролетавшему гелитакси, сел в машину и назвал адрес Терлера. Через пятнадцать минут он уже был в доме, где жил Терлер, и нажимал на кнопку звонка.

Дверь открыл полнощекий, прилизанный,

весьма самодовольного вида мужчина в халате.

— Вы — фотограф? — спросил он. — Тогда вы слишком рано пришли.

Блейн покачал головой.

— Мистер Терлер, вы меня не знаете. Я из вашего столетия, из 1958 года.

— Вот как? — спросил Терлер голосом, в котором явственно слышалось подозрение.

— Это правда, — сказал Блейн — Меня вытащила сюда корпорация РЕКС. Можете проверить мои слова.

Терлер пожал плечами.

— Ну, хорошо, так что вы хотите?

— Я думал, может, вам понадобится помощник…

— Нет-нет, я не нуждаюсь в помощниках, — сказал Терлер, начиная закрывать дверь.

— Я так и думал, — сказал Блейн. — Вообще-то, я пришел просто поговорить с вами. В чужом веке чувствуешь себя довольно одиноко. Мне хотелось поговорить с кем-нибудь из родного столетия. Я думал, что вам, наверное, тоже будет приятно.

— Мне? О! — сказал Терлер, улыбаясь театральной улыбкой. То есть, поговорить о старом добром двадцатом, да? Я с удовольствием поболтаю с тобой, друг, как-нибудь потом. Старый добрый

Нью-Йорк! Воздушная кукуруза, красотки в парке, роллер-каток на Рокфеллер-плаза. Как я за всем этим скучаю! Но понимаешь, друг, я сейчас немного занят…

— Конечно, — сказал Блейн. — Как-нибудь в другой раз.

— Отлично! Это будет здорово! — сказал Терлер, улыбаясь еще шире. — Позвони моему секретарю, ладно, старик? Сам понимаешь, работа. Как-нибудь на днях мы здорово поболтаем. Наверное, тебе не помешает пара лишних долларов…

Блейн покачал головой.

— Тогда пока! — с сердечной теплотой сказал Терлер. — И звони поскорее, не забудь.

Блейн поспешил прочь из этого здания. И без того плохо, если у тебя отобрали уникальное качество, но еще хуже, если это сделал второсортный очковтиратель, хронологический самозванец, который и на сто лет не подходил к 1953 году. Роллер-каток на Рокфеллер-плаза!!? Даже без этой оплошности можно было догадаться — все в этом человеке кричало о подделке.

Как печально, что Блейн, очевидно, был единственным человеком в 2110 году, который мог уличить подмену.

В тот день Блейн приобрел смену белья и набор

бритвенных принадлежностей. Потом он нашел комнату в дешевом отеле на Пятой авеню. Всю следующую неделю он искал работу.

Он обошел рестораны, но оказалось, что люди-посудомойки канули в прошлое. В космопорту и речных доках всю тяжелую работу выполняли роботы. Один раз его временно взяли на должность инспектора упаковки пакетов, но затем отдел кадров фирмы, изучив его психо-профиль, индекс раздражительности и уровень внушаемости, отдал предпочтение коротышке с тупым взглядом из Квинса, у которого было мастерское звание по дизайну пакетов.

Блейн устало возвращался вечером в свой отель, когда вдруг в густой толпе мелькнуло знакомое лицо. Этого человека он узнал бы моментально и где угодно. Это был ладный рыжеволосый мужчина примерно одного с Блейном возраста, с курносым носом, слегка выдающимися зубами и небольшим красным пятном на шее. Он держался со своего рода бесшабашной уверенностью человека, которому всегда удавалось найти какой-нибудь выход из положения.

— Рей! — крикнул Блейн — Рей Мелхилл!! — Он протиснулся сквозь толпу и схватил мужчину за рукав. — Рей! Как тебе удалось вырваться?

Мужчина высвободил рукав и поправил пиджак.

— Я не Мелхилл — сказал он.

— Как? Ты уверен?

— Конечно, уверен, — сказал тот, возобновляя свой путь. Блейн загородил ему дорогу.

— Подождите минуту. Вы выглядите в точности как он, вплоть до радиационного ожога. Вы уверены, что вы не Рей Мелхилл, механик-контролер с космолета «Бремен»?

— Совершенно уверен, — холодно ответил человек — Вы меня с кем-то спутали, молодой человек.

Блейн не сводил взгляда с человека, который снова попытался уйти. Потом он бросился за ним, схватил за плечи и повернул рывком.

— Ах ты грязный ворюга, купил себе тело, подонок? — проревел он, замахиваясь кулаком.

Удар бросил человека, который был так похож на Рея Мелхилла, к стене здания. Он медленно сполз на тротуар. Блейн двинулся к нему, и прохожие быстро кинулись в разные стороны.

— Берсеркер! — закричала женщина, и кто-то подхватил крик. Блейн краем глаза заметил полицейского, пробирающегося сквозь толпу.

Голубые рубашки! Блейн нырнул в толпу. Он быстро завернул за угол, потом за другой, пере-

шел на шаг и оглянулся. Полицейского не было видно. Блейн снова направился к своему отелю.

Да, это было тело Мелхилла, но занимал его уже не он. На этот раз ему не удалось выкрутиться. Его тело продали какому-то старику, чье брюзгливое сознание носило ловкое тело Рея, словно плохо сидящий, не по возрасту несолидный костюм.

Теперь он знал наверняка, что его друг умер. Блейн в молчании выпил за память о нем в баре рядом с гостиницей, прежде чем вернулся в свой номер.

Когда он проходил мимо стола регистрации, его остановил дежурный клерк.

— Блейн? Для вас письмо. Минутку.

Он скрылся в конторе.

Блейн ждал, пытаясь определить, откуда он мог получить послание. От Мэри? Он еще не звонил ей и не собирался звонить, пока не найдет работу.

Клерк вернулся и протянул ему полоску бумаги. Там говорилось:

«Томаса Блейна ждет сообщение. Спиритический коммутатор, 2-ая улица, время: от девяти до пяти».

— Не понимаю, кто мог меня здесь отыскать? — спросил Блейн.

— У духов есть способы, — сказал клерк. — У меня тут был приятель, так его покойная теща отыскала его после трехкратной смены фамилий, Транспланта и полной трансформации внешности. Он прятался от нее в Абиссинии.

— Нет у меня никаких покойных тещ, — сказал Блейн.

— Нет? Кто же это хочет с вами связаться? — спросил клерк.

— Узнаю завтра и сообщу вам, — сказал Блейн. Но клерк не уловил сарказма. Он уже открыл свой заочный учебник по ремонту атомных двигателей. Блейн отправился наверх, в свой номер.

Отдел Спиритического коммутатора на двадцать третьей улице находился в сером каменном здании неподалеку от Третьей авеню. Над входом были выбиты слова на камне: «ПОСВЯЩАЕТСЯ СВОБОДНОЙ КОММУНИКАЦИИ ТЕХ, ЧТО ЖИВУТ НА ЗЕМЛЕ, И ТЕХ, ЧТО ЖИВУТ ВНЕ ЕЕ».

Блейн вошел в здание и изучил схему помещения. Здесь нашли место отделы Исходящих Посланий, Входящих Посланий, Переводы, Отдел Претензий, Экзорсизионная, Отдел Предложений, Просьб и Увещеваний. Он не был уверен, под какую попадет классификацию сам и что обозначают эти названия, и даже не совсем понимал,

чем занимается Спиритический коммутатор. Вместе со своим вызовом он пошел к справочной кабине.

— Это во Входящие Послания, — сказала ему спокойная седовласая служащая. — Прямо через холл, комната 32-А.

— Спасибо. — Блейн поколебался, потом сказал: — Можно задать вам вопрос?

— Конечно, — сказала женщина. — Слушаю вас.

— Понимаете… может, это и глупый вопрос, но что это за организация?

Седоволосая женщина улыбнулась.

— Это непростой вопрос. В философском смысле можно назвать спиритический коммутатор шагом вперед к великому единению, попыткой преодолеть дуализм тела и духа и дать замену…

— Нет, — сказал Блейн. — В буквальном смысле.

— Буквальном? Ну, как же. Спиритический коммутатор — это свободная от налогов, основанная на частные пожертвования организация, предназначенная служить переходным пунктом в коммуникации между нашим миром и пороговым уровнем послежизни. В некоторых случаях, конечно, людям не нужна наша помощь, они

могут общаться непосредственно со своими отбывшими близкими. Но, как правило, требуется усиление. Наш центр имеет соответствующую аппаратуру, которая делает голоса покойных слышимыми нашему уху. И мы выполняем другие услуги, такие как экзорсизм, передача увещеваний и претензий, и так далее, необходимость в которых возникает время от времени, когда плоть взаимодействует с духом.

Она тепло улыбнулась Блейну.

— Мне удалось что-нибудь прояснить для вас?

— Большое спасибо, — сказал Блейн и направился через холл к комнате номер 32-А.

Это была небольшая комната, с серыми стенами и громкоговорителями на стене. Блейн сел, ожидая, что будет дальше.

— Том Блейн? — послышался бестелесный возглас из громкоговорителя.

— Что? Кто это? — спросил Блейн, вскочив с кресла и бросаясь к двери,

— Том? Как у тебя дела, дружище?

Блейн, уже опустивший руку на ручку двери, вдруг узнал голос.

— Рей Мелхилл?!

— Точно! Я здесь, наверху, куда попадают после смерти эти толстосумы! Неплохо, а?

— Это еще слабо сказано. Но, Рей, каким образом? Я думал, что у тебя нет послежизненной страховки.

— У меня ее и не было. Сейчас я тебе все расскажу. Они пришли за мной примерно час спустя после того, как увели тебя. Я так разозлился, что чуть не сошел с ума. Я был зол, когда меня хлороформировали, когда стирали сознание. Я так и помер, злой.

— Что ты почувствовал в этот момент? — сказал Блейн.

— Это было как взрыв. Я распался на тысячу кусочков, стал большим, как Галактика, и эти кусочки рвались на кусочки еще мельче, и каждый из них был я.

— А что было дальше?

— Не знаю. Наверное, помогло, что я был такой злой. Я растянулся до предела, дальше было некуда, и все-таки это был все еще я, и потом я сжался обратно. С некоторыми это бывает. Я тебе ведь говорил, несколько человек из миллиона выживают после смерти без специальной обработки. Я оказался таким счастливчиком.

— Думаю, ты уже сам обо мне все знаешь, — сказал Блейн — Я пытался помочь тебе, но опоздал — тебя уже продали.

— Я знаю, — сказал Мелхилл. — Все равно, спасибо, Том. Да, еще одно спасибо, что ты врезал тому паразиту, который носит мое тело.

— Ты это видел?

— А как же, я не зевал, — сказал Мелхилл — Кстати, мне понравилась эта твоя Мэри. Симпатичная малютка.

— Спасибо, Рей, а как оно там, в послежизни?

— Не знаю.

— Ты не знаешь?

— Так я еще не попал в послежизнь, Том. Я на Пороге. Это предварительная стадия, вроде как мост между Землей и послежизнью. Это трудно описать. Что-то вроде серого пространства, с одной стороны — Земля, с другой — Послежизнь.

— А почему ты не переходишь? — спросил Блейн.

— Пока не спешу, — сказал Мелхилл. — Тут одностороннее движение. Если один раз перейдешь в послежизнь, назад уже не вернешься. Связи с Землей больше не будет.

Блейн обдумывал его слова одну минуту, потом спросил:

— Когда ты думаешь перейти, Рей?

— Точно не знаю. Я подумал, что пока останусь на Пороге и погляжу, как идут дела.

— У меня, ты хочешь сказать?

— Ну…

— Спасибо тебе большое, Рей, но не делай этого. Переходи в послежизнь. Я сам о себе позабочусь.

— Конечно, — сказал Мелхилл, — но я думаю, что еще немного погожу. Ведь ты тоже бы так поступил, правильно? Поэтому не спорь. Теперь слушай, ты ведь знаешь, что попал в неприятную историю?

Блейн кивнул.

— Ты имеешь в виду зомби?

— О нем я ничего не знаю, Том, ни кто он, ни что он хочет от тебя. Но хорошего здесь мало, и тебе лучше держаться от него подальше, если он вдруг вспомнит. Но я не это имел в виду.

— Как, это еще не все?

— Боюсь, что да. За тобой охотится призрак, Том.

Несмотря ни на что, Блейн засмеялся.

— Что тут смешного? — с негодованием спросил Мелхилл. — Ты думаешь, это шуточки?

— Думаю, что нет. Но так ли это серьезно?

— Боже мой, да ты полный невежда, — сказал Мелхилл — Ты что-нибудь знаешь о призраках? Что они такое и чего хотят?

— Расскажи мне.

— Так вот, у человека, который умер, есть три возможности. Первая — его сознание может раствориться, распасться, и это его конец. Вторая — его сознание переживет смертную травму, и он окажется в послежизни, на Пороге. Он станет духом. Эти два варианта тебе известны.

— Продолжай, — сказал Блейн.

— Тратой вариант таков: его сознание повреждено травмой, но не до конца уничтожено. Он пробирается все-таки на Порог. Но напряжение слишком велико для него. Он теряет разум. И вот это, мой друг, и есть призрак.

— Гмм — сказал Блейн. — Значит, призрак — это сознание, потерявшее разум в результате смертной травмы?

— Верно. Он безумен и он начинает охоту.

— Но почему?

— Призраки охотятся, — сказал Мелхилл — потому что их заполняет извращенная ненависть, злоба, страх и боль. Они не уходят в послежизнь. Они стараются проводить как можно больше времени на Земле, которая все-еще привлекает их внимание. Они стремятся напугать человека, ранить его, свести с ума. Охота — это самое античеловеческое деяние, которое им по силам, это само их безумие. Понимаешь, Том, с первых дней

человечества…

С первых дней человечества существовали призраки, но число их всегда оставалось небольшим. Лишь нескольким из миллионов удавалось пережить смерть, и лишь малый процент от этих выживших терял разум в процессе перехода и превращался в призраков.

Но немногочисленные эти представители рода призраков произвели колоссальное воздействие на человечество, которое всегда со страхом и благоговением относилось к смерти, напуганное холодным бесстрастием трупа, только что еще живого и теплого тела, потрясенное потусторонним юмором улыбки черепа скелета. Веками создававшийся образ Смерти казался полным бесконечного смысла, ее угрожающий перст указывал в небеса — царство духов. Поэтому каждый настоящий призрак вызывал слухи и страхи, соответствующие тысяче. В призраков превращались болотные огни, шорох портьер, качающиеся деревья, огни святого Эльма, и большеглазые совы, и скребущиеся за стенами крысы, и лисы в кустах — они тоже становились уликами призрачного присутствия. Фольклор развивался, и он создал ведьму с колдуном, демонов и дьяволов, суккубов и инкубов, вервольфов и вам-

пиров. Каждый призрак превращался в тысячу призраков, каждое сверхъестественное явление вызывало слухи о миллионах себе подобных.

Первые исследователи бесстрашно вторглись в этот лабиринт, пытаясь выяснить правду о сверхъестественных явлениях. Были разоблачены многочисленные надувательства, галлюцинации и просто ошибки восприятия. И были выделены несколько по-настоящему необъяснимых явлений, которые, будучи весьма интересными, не имели статистического значения.

Все традиции фольклора пошли прахом. Статистически призраков не существовало. Но при всем этом оставалось еще неуловимое нечто, которое отказывалось втискиваться в рамки классификаций. Этот факт игнорировался веками, факт существования этого нечто, который и давал основу для сказок об инкубах и суккубах. Пока, наконец-то, развитие научной теории не догнало фольклор, включило его в класс строгих научных фактов и придало ему респектабельность.

После открытия послежизни стало ясно, что иррациональность призраков объясняется существованием безумных сознаний в той туманной

пограничной области между Землей и Послежизнью. Виды потустороннего безумия могли быть классифицированы, подобно видам безумия у людей. Имелись тут и меланхолики, безутешно странствовавшие среди картин их великой страсти, шепчущие гебефреники, с их веселой чепухой, подсказываемой наугад и невпопад, идиоты и имбецилы, принимавшие обличие маленьких детей, шизофреники, представлявшие себя животными, прототипы вампиров и страшного снежного человека, оборотни волки, оборотни тигры, оборотни лисы, оборотни собаки. Имелись и обуреваемые тягой к разрушению полтергейсты, швырявшие камни и устраивавшие пожары, и даже напыщенные параноидальные типы, мнившие себя Люциферами, Вельзевулами, Израэлями или Азазеллами, духами Рождества, фуриями. Божественным Провидением и даже Смертью самой.

Охота проистекала из болезни сознания призраков. Они рыдали на старых сторожевых башнях, все эти немногочисленные призраки, на чьих нематериальных плечах покоился груз многовекового фольклора, смешивались с туманом вокруг виселиц, бормотали чепуху на сеансах спиритизма. Они пели, танцевали и плакали,

разговаривали к удовольствию доверчивых, пока научные исследователи не явились со своими холодными трезвыми вопросами. Тогда они в страхе отступили в область Порога, бежав от безжалостной атаки трезвого рассудка, опасаясь за свои иллюзии, в страхе быть вылеченными.

— Вот, значит, как все было, — сказал Мелхилл. — Остальное ты и сам знаешь достаточно неплохо. С тех пор, как появилась корпорация «МИР ИНОЙ», куда как больше людей выживает после смерти. И соответственно большее число сходит с ума в процессе перехода.

— Что увеличивает число призраков, — сделал вывод Блейн.

— Правильно. Один из них взял тебя на прицел, — сказал Мелхилл, его голос звучал все тише. — Поэтому берегись, Том. Мне уже пора.

— Какого рода этот призрак? — спросил Том. — Чей он? И почему ты уходишь?

— Пребывание на Земле требует уймы энергии — прошептал Мелхилл — Я уже почти на пределе. Надо перезарядиться. Ты еще меня слышишь?

— Да, продолжай.

— Я не знаю, когда он появится. И не знаю, чей он призрак. Я спрашивал, но он не сказал. Поэтому будь наготове.

— Я понял, — сказал Блейн, прижимаясь ухом к динамику громкоговорителя. — Рей! Я смогу еще с тобой поговорить?

— Наверное, — сказал Мелхилл, его уже почти не было слышно. — Том, я знаю, ты ищешь работу. Зайди к Эду Франчелу, 323, Вест, 19-я улица. Работа грязная, но платят хорошо. И гляди в оба.

— Рей! — крикнул Блейн. — Какой это призрак?

Ответа не было. Громкоговоритель молчал, и Блейн был один в серой комнате.

Номер 323 по 19-й улице, адрес которого дал ему Рей, оказался небольшим ветхим зданием из коричневого камня неподалеку от доков. Блейн взобрался по лестнице и нажал на кнопку входной двери, обозначенной табличкой «Эдвард Дж. Франчел, предприниматель». Дверь открыл крупный, лысеющий мужчина в рубашке без пиджака.

— Мистер Франчел? — спросил Блейн.

— Это я, — ответил лысеющий мужчина, с решительной, веселой улыбкой. — Прошу вас, сэр.

Он провел Блейна в комнату, где остро пахло вареной капустой. Передняя половина помещения была обставлена как кабинет, со столом, полным бумаг, пыльным шкафом-картотекой

и несколькими жесткими стульями. В глубине Блейн увидел мрачную гостиную. Где-то в недрах квартиры солидовизор ревел, воспроизводя дневную программу.

— Прошу прощения за беспорядок, — сказал Франчел, усаживая Блейна на стул. — Я никак не выберу время, чтобы перебраться в новый офис поближе к центру. Просто завалили меня заказами… Итак, сэр, чем могу быть вам полезен?

— Я ищу работу, — сказал Блейн.

— Проклятье, — чертыхнулся Франчел — Я думал, вы клиент. — Он повернулся в направлении ревущего солидовизора и заорал: — Алиса, выключи эту адскую машину!

Он подождал, пока сила звука немного не уменьшилась, потом повернулся к Блейну.

— Дружище, если дела вскорости не поправятся, мне придется снова вернуться в кабину самоубийц у Кони. Работу, значит, ищешь?

— Да. Рей Мелхилл посоветовал мне спросить у вас.

Франчел оживился.

— А как дела у Рея?

— Он умер.

— Ай-яй-яй — сказал Франчел. — Хороший был парень, немного сорвиголова только. Он работал

у меня пару раз, когда пилоты бастовали. Не желаете ли выпить?

Клеим кивнул. Франчел подошел к шкафу-картотеке и вытащил бутылку пшеничного виски. На этикетке было написано «СЕЛЕНИТКА». Он отыскал два небольших стаканчика и наполнил их с шиком бывалого человека.

— За покойного Рея, — сказал Франчел — Наверное, его «упаковали»?

— «Упаковали» и «доставили», — сказал Блейн — Я только что говорил с ним через Спиритический коммутатор.

— Ага, так ему удалось пробраться на Порог! — с восхищением заметил Франчел. — Дружище, чтобы нам так всегда везло. Значит, тебе нужна работа? Так, возможно, я смогу помочь. Ну-ка, встань.

Он обошел Блейна вокруг, потрогал бицепсы, провел пальцем по могучим мышцам плеч. Он остановился перед Блейном, кивнул сам себе, опустив глаза, потом стремительно ударил его в лицо. Правая рука Блейна мгновенно взлетела вверх, вовремя блокируя удар.

— Хорошее сложение, отличные рефлексы, — одобрил Франчел. — Думаю, ты подойдешь. С оружием умеешь обращаться?

— Не очень, — признался Блейн. Что за работу ему хотят предложить? — Только… со старинными видами. Винчестер, кольт.

— Серьезно? — спросил Франчел. — Ты знаешь, я всегда испытывал страсть к пулевому оружию. Но на охоте запрещено как лучевое, так и пулевое оружие. Что ты еще знаешь?

— Могу работать штыком, — сказал Блейн, представив, как хохотал бы его сержант — инструктор, услышав такую похвальбу.

— Умеешь? Выпады, парирование и все такое? Будь я проклят, а я-то считал, что искусство штыкового боя совсем забыто. Ты первый за пятнадцать лет. Парень, считай, что тебя приняли.

Франчел склонился над столом, нацарапал адрес на листке и протянул его Блейну.

— Приходи завтра по этому адресу на инструктаж. Ты получишь обычную для охотника плату — двести долларов плюс пятьдесят долларов за каждый рабочий день. Собственное оружие у тебя есть? Ладно, я подберу тебе винтовку, но ее стоимость будет вычтена из твоей платы. И я получаю десять процентов с общей суммы. Согласен?

— Ладно, — сказал Блейн — Вы не могли бы объяснить поподробнее, что это за охота?

— Нечего тут объяснять. Обыкновенная охота.

Но держи язык за зубами. Я не уверен, разрешено ли это еще законом. Хоть бы Конгресс наконец навел порядок с этим актом о самоубийстве и разрешенном убийстве. Полная неразбериха получается.

— Конечно, — согласился Блейн.

— Юридическую сторону вам, наверное, объяснят на инструктаже. Там будут остальные охотники, и Жертва расскажет вам все, что нужно. Передай от меня привет Рею, если будешь с ним еще говорить. Скажи, мне жаль, что его «упаковали».

— Я передам, — пообещал Блейн. Он решил не задавать больше вопросов, опасаясь, что его невежество будет стоить ему работы. Что бы это ни была за охота, его тело и он сам наверняка справятся с ней. А работа — любая работа — была ему сейчас необходима для самоуважения, а также для похудевшего бумажника.

Он поблагодарил Франчела и ушел. Вечером он заказал дорогой ужин, потом купил несколько журналов. Сознание того, что он нашел работу, поднимало настроение. Наконец-то он найдет себе место в этом веке!

Радость его была несколько омрачена, когда он мельком взглянул на стоявшего неподалеку

от отеля мужчину. Мужчина смотрел на Блейна. У него было белое лицо и безмятежные глаза Будды, и одежда висела на нем, как на огородном пугале. Это был зомби.

Блейн поспешил скрыться от греха подальше в отеле. В конце концов, смотреть никому ни на кого не возбраняется, даже зомби.

И тем не менее до самого утра его мучили кошмары. Рано утром на следующий день Блейн направился по 42-й авеню к автобусной остановке, чтобы не опоздать на инструктаж. Пока он ждал, на противоположной стороне улицы возник какой-то шум.

Прямо посреди заполненного прохожими тротуара остановился человек. Он бессмысленно смеялся. Люди начали сторониться его. Ему было лет пятьдесят, как решил Блейн, он носил твидовый солидный костюм, очки и был немного полноват. Он нес небольшой портфель и выглядел в точности как десять миллионов других деловых людей.

Внезапно он перестал смеяться. Он раскрыл молнию на портфеле и вытащил два длинных, слегка изогнутых кинжала. Портфель полетел в сторону, за ним последовали очки.

— Берсеркер! — закричал кто-то. Мужчина,

сверкая кинжалами, бросился на прохожих. Послышались вопли ужаса, толпа расступилась перед ним.

— Берсеркер, берсеркер!

— Вызовите полицию!

— Берегитесь, берсеркер!

Какой-то мужчина уже упал на тротуар, прижимая рукой рану на плече и ругаясь. Лицо берсеркера стало красным, изо рта брызгала слюна. Он еще глубже внедрился в густую толпу, и люди сбивали друг друга с ног, пытаясь убежать от него. Взвизгнула женщина, которую толкнули, и груз пакетов, что она несла, рассыпался по тротуару.

Берсеркер взмахнул зажатым в левой руке кинжалом, не попал в нее и бросился дальше.

Появились полицейские в голубой форме, шесть или восемь человек, в их руках блестел металл оружия. — Всем лечь! — закричал один из них — На землю! Всем лечь!

Движение остановилось. Люди на той стороне улицы, где бесчинствовал берсеркер, бросились на тротуар. На той стороне, где стоял Блейн, люди тоже опустились на землю.

Девочка с веснушками, лет двенадцати, потянула Блейна за руку.

— Мистер, ложитесь! Сейчас будут стрелять!

Блейн опустился на тротуар рядом с ней. Берсеркер повернулся и теперь мчался на полицейских, вопя и размахивая кинжалами.

Трое полицейских выстрелили одновременно, их пистолеты выбросили бледные желтоватые лучи, вспыхнувшие красным, когда они вошли в тело берсеркера. Он закричал, одежда на нем задымилась, он попытался убежать.

Луч ударил прямо в его спину. Он бросил оба кинжала в полицейских и рухнул на тротуар.

Рядом, шумя винтами, приземлился каптер скорой помощи, в него погрузили тело берсеркера и получивших ранение прохожих. Полицейские начали разгонять собравшуюся вокруг толпу.

— Ладно, ребята, расходитесь. Все кончилось. Расходитесь!

Толпа начала рассасываться. Блейн поднялся на ноге и отряхнулся.

— Что это было? — спросил он.

— Вот глупый, это же берсеркер, — сказала девочка с веснушками. — Ты что, не видел?

— Видел. И много здесь таких?

Она гордо кивнула.

— В Нью-Йорке берсеркеров больше, чем в любом другом городе в мире, кроме Манилы, там их

называют амоками. Но это то же самое. У нас их появляется примерно пятьдесят человек в год.

— Больше, — сказал прохожий. — Наверное, семьдесят или восемьдесят. Но этот был совсем уж вялый.

Небольшая толпа собралась вокруг Блейна и девочки. Они обсуждали нападение почти так же, как в родном веке Блейна обсуждали автомобильную катастрофу.

— Сколько он успел?

— Человек пять, и думаю, ни одного не убил.

— Да, времена не те, — сказала старушка. — Вот когда я была еще маленькой, их так просто было не остановить. Вот это были берсеркеры.

— Этот неудачное место выбрал, — сказала девочка с веснушками. — На 42-й полно «голубых рубашек». Не успел он начать, как его уже прокололи.

К ним подошел здоровенный полицейский.

— Ладно, ребята, кончайте. Потеха кончилась, проходите.

Толпа разошлась. Блейн сел в свой автобус. Почему, думал он, пятьдесят или даже больше человек в Нью-Йорке становятся берсеркерами? Чисто нервное напряжение? Безумная форма индивидуализма? Бессмысленное правонару-

шение?

Это ему тоже придется выяснить среди прочих загадочных вещей и явлений в мире 2110 года.

Указанный Блейну адрес привел его в фешенебельную квартиру в небоскребе на Парк-авеню. Лакей провел его в просторную комнату, где длинным рядом были установлены стулья. Места на них занимала дюжина громкоголосых, крепких, бывалого вида мужчин, небрежно одетых и слегка стесненно чувствовавших себя в таком роскошном окружении. Большинство из них знали друг друга.

— Эй, Отто! Опять решил поохотиться?

— Ага. Деньжата кончились.

— Я знал, что ты вернешься, старый пес. Привет, Тим!

— Привет, Бьорн. Это моя последняя охота.

— Ну да. До следующего раза, значит.

— Нет, я серьезно. Я покупаю глубоководную ферму в Северо-Атлантической впадине. Мне нужен последний взнос.

— Пропьешь ты свой взнос.

— Нет, на этот раз все.

— Эй, Тезей! Как твоя ударная рука?

— Неплохо, Чико. А у тебя?

— Ничего, малыш.

— А вот и Сэмми Джоунс, он как всегда последний.

— Но я не опоздал ведь?

— На десять минут. А где твой напарник?

— Слито? Помер. В охоте на Астуриаса.

— Сурово. Страховка была?

— Вряд ли.

В комнату вошел мужчина и объявил:

— Джентльмены! Прошу внимания!

Он вышел на середину комнаты и, уперев руки в бока, остановился перед шеренгой охотников. Это был среднего роста, мускулистый мужчина в брюках для верховой езды и рубашке с открытым воротом. У него были маленькие, тщательно подстриженные усики и пристальные голубые глаза, смотревшие с загорелого тонкого лица. Несколько секунд он рассматривал охотников, которые тем временем покашливали и переминались с ноги на ногу. Наконец он сказал:

— Доброе утро, джентльмены. Я — Чарльз Халд, ваш работодатель и Жертва. — Он подарил им холодную улыбку. — Сначала касательно легальности нашего предприятия. В самый последний момент возникла некоторая неопределенность. Мой адвокат тщательно ознакомился с вопросом и сейчас даст пояснения. Мистер Дженсен,

прошу!

Невысокий, нервного вида человек вошел в комнату, поправил очки на носу и прокашлялся.

— Да, мистер Халл. Джентльмены, что касается настоящего статуса охоты: в соответствии с пересмотром Акта о Самоубийстве от 2102 года, каждый человек, имеющий послежизненную страховку, имеет право выбирать любой способ смерти для себя, любое время и место, исключая чрезмерно жестокие и неестественные способы. Причина законности этого фундаментального «права на смерть» очевидна: суд не рассматривает физическую смерть тела, как смерть таковую, поскольку она не влечет гибель сознания. Учитывая эти обстоятельства, смерть тела имеет в глазах закона не большее значение, чем заноза в пальце на ноге. Тело, в соответствии с последним вердиктом Высшего Суда, рассматривается как придаток сознания, которое имеет право освободиться от него по своему усмотрению.

Во время объяснения Халл прохаживался по комнате быстрыми кошачьими шагами. Теперь он остановился и сказал:

— Благодарю вас, мистер Дженсен. Таким образом, вопрос о моем праве на самоубийство не вызывает сомнений. Также нет ничего проти-

возаконного в том, что я выбираю одного или нескольких лиц в качестве помощников, дабы они исполнили это право вместо меня. И ваши действия, таким образом, рассматриваются как законные в соответствии с параграфом о Разрешенном Убийстве из Акта о Самоубийстве. Все хорошо и прекрасно. Единственное сомнение вызывает последнее дополнение к этому Акту.

Он кивнул мистеру Дженсену.

— В дополнении говорится: человек имеет право избрать для себя смерть в любое время, в любом месте и любыми способами ее осуществить, если таковая не причиняет физического ущерба посторонним.

— Вот, — сказал Халл, — в чем вся загвоздка. Итак, охота является законным вариантом самоубийства. Время и место установлены. Вы, охотники, преследуете меня, Жертву, я убегаю. Вы ловите меня, убиваете. Отлично! За исключением…

Он повернулся к юристу.

— Мистер Дженсен, вы можете выйти. Я не хочу вас впутывать.

Когда адвокат вышел, Халд сказал:

— За исключением того, что я буду вооружен и попытаюсь убить кого-нибудь из вас. Или вас

всех. И это противозаконно.

Халл изящно опустился в кресло.

— Преступление, конечно, совершаю я, а не вы. Я нанял вас, чтобы вы меня убили. У вас не было даже понятия, что я попытаюсь защищаться. Это все фикция, конечно, но она спасет вас от соучастия в преступлении. Если я буду застигнут в тот момент, когда буду убивать одного из вас, я понесу суровое наказание. Но меня не застигнут. Один из вас убьет меня, и таким образом я буду вне досягаемости человеческих законов. Если же мне так не повезет, что я убью вас всех, тогда я совершу самоубийство старомодным способом, с помощью яда. Но это будет для меня большим разочарованием. Надеюсь, что вы этого не допустите. Есть вопросы?

Охотники переговаривались между собой:

— Экий разговорчивый паразит.

— Оставь, все Жертвы так говорят.

— Думает, что лучше нас, болтливая рожа.

— Посмотрим, как он запоет на кончике лезвия.

Халл холодно усмехнулся.

— Отлично. Я думаю, ситуация всем ясна. Так, теперь каждый пусть назовет свое оружие.

Один за другим охотники называли свое ору-

жие:

— Булава.

— Сеть и трезубец.

— Копье.

— Боло.

— Ятаган.

— Винтовка со штыком, — сказал Блейн, когда подошла его очередь.

— Меч.

— Алебарда.

— Сабля.

— Благодарю, джентльмены, — сказал Халд. — Я буду вооружен рапирой и, естественно, без лат. Мы встретимся в воскресенье, на рассвете, в моем поместье. Дворецкий вручит каждому указание, как туда добраться. Пусть боец со штыком останется. Все остальные свободны, до свидания.

Охотники покинули комнату. Халл сказал:

— Штык — необычное оружие. Где вы научились владеть?

Блейн поколебался, потом ответил:

— В армии, с 1943 по 1945 год.

— Вы из прошлого?

Блейн кивнул.

— Интересно, — заметил Халл без особых признаков заинтересованности. — Тогда, как мне

кажется, это ваша первая охота?

— Да.

— Мне кажется, что вы неглупый человек. Думаю, у вас были собственные причины, заставившие избрать такое небезопасное занятие и, к тому же, не очень уважаемое?

— Мне нужны деньги, — сказал Блейн — и я не мог найти другой работы.

— Естественно, — согласился Халл, словно он знал это с самого начала. — И вы решили пойти в охотники. Но это непростое занятие, и охотиться на этого зверя, на Человека, может не каждый. Требуются особые умения, и не последнее из них — это способность убивать. Вы считаете, что обладаете таким талантом?

— Я так думаю, — ответил Блейн, хотя на самом деле он над этом вопросом еще не задумывался.

— Интересно, — протянул Халл. — Несмотря на вашу воинственную внешность, вы не производите такого впечатления. А вдруг окажется, что вы не в состоянии убить меня? Вдруг вас охватят сомнения в самый решающий момент, когда сталь ударит о сталь?

— Посмотрим, — сказал Блейн.

Халл кивнул в знак согласия.

— Я тоже так думаю. Возможно, глубоко внутри

вас тлеет искра убийцы. Возможно, что нет. Это сомнение прибавит нашей игре остроты — хотя может оказаться, что у вас не будет времени ею насладиться.

— Это моя забота, — сказал Блейн, которому этот элегантный и многословный наниматель уже страшно надоел. — Можно задать вам вопрос?

— Считайте, что я весь к вашим услугам.

— Благодарю. Почему вы решили умереть?

Халл уставился на него, потом взорвался смехом.

— Теперь я действительно вижу, что вы из прошлого. Ну и вопрос!!!

— Вы можете ответить на него?

— Конечно, — сказал Халл.

Он откинулся на спинку кресла, и его глаза приняли задумчивое выражение человека, формулирующего мысль.

— Мне сорок три года, и жизнь для меня пуста. У меня есть состояние, и я не привык в чем-то себе отказывать. Я экспериментировал, сравнивал, смеялся, рыдал, любил, ненавидел, пил мед и вино — и я уже сыт всем, всем. Я испробовал все, что Земля могла мне предложить, и я предпочитаю теперь не повторяться. В дни моло-

дости мне представлялась наша зеленая планета, обегающая буйное желтое светило, как некая сокровищница, шкатулка наслаждений, неисчерпаемых в своем разнообразии и бесконечных в своем воздействии на мои неутолимые страсти. Но вот теперь я стал свидетелем конца новизны ощущений. И теперь я вижу, с каким самодовольством буржуа наша жирненькая Земля лениво обращается вокруг безвкусно-яркого солнца. И воображаемая бездонная сокровищница радостей земных кажется мне теперь раскрашенной детской коробкой для игрушек. Нервы слишком быстро притупляют чувствительность к любому наслаждению.

Халл бросил на Блейна взгляд, чтобы проверить, какой произвели его слова эффект, и продолжил:

— Скука простирается передо мною словно бесконечная безводная равнина… И я предпочитаю не мучиться скукой. Я делаю выбор, я двигаюсь дальше, я хочу испытать последнее великое приключение этого мира — Смерть. Я пройду в эти врата послежизни. Вы меня понимаете?

— Конечно, — сказал Блейн, которого позерство Халла раздражало, но в то же время производило некоторое впечатление. — Но к чему спешить?

Возможно, в жизни еще найдутся приятные вещи? А смерть назад уже не повернешь. Зачем ее торопить?

— Вот слова истинного оптимиста из XX века, — со смехом сказал Халд. — Жизнь — это серьезно, жизнь — это все. В ваши дни действительно приходилось считать, что жизнь серьезная вещь. Что же у вас еще оставалось? Кто из вас действительно верил в послежизнь?

— Это не меняет сущности моего вопроса, — сказал Блейн, ненавидя ту рациональную, осторожную, тяжеловесную позицию, которую ему пришлось принять.

— Наоборот! Перспективы жизни и смерти в наши дни изменились. Вместо прозаического совета Лонгфелло мы следуем прозаическому совету Ницше — умрите в нужное время! Разумные люди не цепляются за последнюю возможность жить, как утопающий за обломок шлюпки. Они знают, что жизнь их тела — это лишь малая доля человеческого существования. Почему бы им в таком случае не ускорить конец телесной фазы, если им так хочется? Почему бы этим способным ученикам не перескочить класс или два в этой школе? Только трусы, глупцы и тупицы цепляются за каждую секунду существования на Земле.

— Трусы, глупцы и тупицы, — повторил Блейн — И те невезучие, кому не по карману страховка корпорации «МИР ИНОЙ».

— Состояние и общественное положение имеют свои преимущества, — сказал Халл со слабой усмешкой, — и налагают свои обязанности. Одна из таких обязанностей — необходимость умереть в нужное время, пока ты не стал помехой своим собратьям и ужасом для себя самого. Но свершение смерти — это не привилегия отдельного класса или образа воспитания. Это благородная обязанность каждого человека, его рыцарский долг, величайшее событие в его жизни. И каким образом он проявит себя в этом деле — опасном и предпринимаемом в одиночку, — такова и будет его ценность как человека.

Голубые глаза Халла сверкали. Он сказал:

— Я не намерен встретить это решающее событие в мягкой постели. Я не желаю, чтобы скучная, глупая смерть пробралась ко мне в облачении сна. Я предпочитаю умереть… в бою!

Блейн не смог удержаться от того, чтобы кивнуть в знак согласия, и с сожалением вспомнил о своей прозаической смерти. Автомобильная авария! Как глупо и обычно! Каким странным, благородным, мрачным казался выбор Халла.

Претенциозно, конечно, но сама жизнь в бесконечной вселенной мертвой материи — это уже претенциозность. Халл напомнил ему древнего японского дворянина, спокойно нагибающегося, чтобы совершить церемонию харакири, чтобы подчеркнуть важность жизни в самом выборе смерти. Но харакири — это был пассивный восточный обычай, а Халл избрал чисто западный способ смерти — жестокий, деятельный, ликующий.

С одной стороны, это было восхитительно. С другой — глупо до раздражения, с точки зрения человека, выбирающего способ умереть.

— Но те охотники, которые погибнут в бою с вами, — они ведь еще не готовы умереть, и послежизнь им не светит.

Халл пожал плечами.

— Они сами выбрали этот опасный образ жизни. Как говорил Ницше, они избрали риск и опасность и играют в кости со смертью. Блейн, вы передумали?

— Нет.

— Тогда до встречи в воскресенье.

Блейн направился к двери, где взял у дворецкого листок с указаниями и, уже выходя, повернулся к Халлу:

— Кажется, вы упустили одну возможность.

— Какую именно? — спросил Халл.

— Вы не могли прийти раньше к этой мысли, я думаю, — сказал Блейн. — Вдруг все это — научно доказанная послежизнь, голоса мертвых, призраки — все это только гигантская мистификация, обман в целях наживы, устроенный корпорацией «МИР ИНОЙ»?

Халл застыл на месте. Когда он заговорил, в голосе его чувствовалась злость:

— Это совершенно невозможно. Только совершенно невежественному человеку могла прийти в голову такая мысль.

— Возможно, — сказал Блейн — Но представьте, в каких дураках вы окажетесь, если это действительно так! До свидания, мистер Халл.

Он ушел, радуясь, что хотя бы на минуту испортил настроение этому лощеному смазливому демагогу, и чувствуя одновременно печаль от того, что его собственная смерть была такой обыкновенной, рядовой, скучной.

На следующий день Блейн отправился в контору Франчела, где получил винтовку, штык, охотничью форму и рюкзак. Ему выдали половину платы авансом, с вычетом десяти процентов комиссионных, стоимости винтовки и прочих

принадлежностей. Деньги были весьма кстати, потому что у него оставалось к этому времени всего три доллара и мелочь.

Он зашел в Спиритический коммутатор, но от Мелхилла не было новых сообщений. Блейн вернулся в свой номер и до вечера практиковался в выпадах и отражениях.

Вечером он обнаружил, что мысль о предстоящей завтра охоте совсем не тешит его и даже вызывает тревогу и напряжение. Он направился в небольшой вестсайдский коктейль-бар, обставленный под типичный бар XX века. Здесь был устроен настоящий бар-стойка из темного полированного дерева, расставлены деревянные же стулья, сделаны кабинки, медные поручни, и на полу были насыпаны мокрые опилки. Он проскользнул в одну из кабинок и заказал пиво.

Мягко помаргивали традиционные неоновые светильники, и подлинный антикварный «музыкальный автомат» наигрывал сентиментальные мелодии Гленна Миллера и Бенни Гудмена. Блейн сидел ссутулившись над стаканом пива и задавал себе вопрос — кто он и что он.

Неужели это действительно он взялся за работу охотника, убийцы?

Что же тогда случилось с Томасом Блейном,

бывшим конструктором яхт, бывшим любителем стереозаписей классической музыки, бывшим читателем хороших книг, бывшим любителем хороших пьес? Что случилось с этим счастливым, тихим, ироничным, совсем не агрессивным человеком?

Нет, тот человек, находясь в своем бывшем изящном худощавом теле, никогда не взялся бы за ремесло убийцы! Не взялся бы?

Неужели тот привычный Блейн, о котором он теперь вздыхает, был покорен этим большим мускулистым, быстрым в реакциях телом борца, которое он получил? Было ли во всем виновато тело — со своей особой системой гормональных желез, воздействовавших на кровяной поток, со своим особенным мозгом, особенной нервной системой, своими сигналами и реакциями, — было ли это тело виновато в том, что его владелец встал на путь убийцы?

Блейн потер глаза и сказал себе, что он просто спит с открытыми глазами и снится ему всякая чепуха. Истина была простой: он погиб по вине не зависящих от него обстоятельств, был возрожден в будущем, и оказался пригодным лишь для работы охотника. Что и следовало доказать.

Но это разумное объяснение не удовлетвори-

ло его, и времени искать хитро уклоняющуюся правду у него больше не было.

Он больше не был отстраненным наблюдателем жизни в 2110 году. Он стал участником, актером, а не зрителем, и должен теперь играть. В необходимости действовать крылась особая прелесть, она рождала собственную минутную правду. Тормоза были выключены, и машина марки Блейн мчалась вниз по крутому склону горы Жизнь. Быть может, сейчас это последний момент, когда он может еще подумать, взвесить, оценить выбор…

Но было поздно. Какой-то человек скользнул на стул напротив Блейна, будто тень по лику мира. На Блейна смотрело белое и бесстрастное лицо зомби.

— Добрый вечер, — сказал зомби.

— Добрый вечер, — спокойно сказал Блейн. — Хотите выпить?

— Нет, спасибо. Мой организм плохо переносит стимуляцию.

— Мне очень жаль, — сказал Блейн. Зомби пожал плечами.

— У меня уже есть имя. Я решил называть себя Смит, пока не вспомню настоящее имя. Смит. Вам нравится?

— Хорошее имя — сказал Блейн.

— Спасибо. Я ходил к врачу, — сказал Смит. — Он сказал, что тело у меня совсем плохое. Нет жизненной энергии, нет сопротивляемости.

— И ничем нельзя помочь?

Смит покачал головой.

— Это уже не тело, это зомби. Я занял его слишком поздно. Доктор говорит, у меня осталось несколько месяцев, не больше.

— Очень плохо, — сказал Блейн, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, стоило ему взглянуть на зловещее, с неподвижными чертами, с серо-свинцовой кожей лицо Смита и его внимательные глаза Будды. Смит, расслабленно сидевший на стуле, выглядел ужасно неестественно в грубой рабочей одежде, он недавно побрился и от него сильно пахло лосьоном. Но в нем произошли перемены. Блейн уже мог заметить, что ранее мягкая кожа стала сухой, появились морщины вокруг глаз, носа и рта, складки на лбу, напоминавшие трещины в высохшей старой коже. И, как показалось Блейну, с резким запахом лосьона смешивался едва заметный запах распада.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Блейн.

— Не знаю.

— Тогда оставь меня в покое.

— Я не могу, — виновато сказал Смит.

— Ты хочешь меня убить? — Во рту у Блейна стало сухо.

— Не знаю! Не могу вспомнить! Убить тебя, защитить, покалечить, полюбить... я еще не знаю! Но я скоро вспомню, Блейн, я обещаю!

— Оставь меня в покое, — повторил Блейн, мускулы его напряглись.

— Не могу, — сказал Смит. — Разве ты не понимаешь? Я никого не знаю, кроме тебя. В буквальном смысле никого! Я не знаю этого мира, ни одного человека в нем, ни одного лица. У меня пропала память. Ты моя единственная зацепка, центр моего существования, единственный его смысл.

— Замолчи!

— Но это так! Ты думаешь, мне нравится таскать эту развалину по улицам? К чему мне жизнь без надежды на будущее и без памяти о прошлом? Смерть и то лучше! Жизнь — это вонючая, разлагающаяся плоть, а смерть — чистый дух! Я думал о смерти, мечтал о ней, о прекрасной бесплотной смерти! Одно меня останавливает. Это ты, Блейн. Лишь это заставляет меня тянуть лямку.

— Уйди отсюда, — сказал Блейн, горло ему сводила судорога тошноты.

— Ты — солнце, звезды, моя Земля, вся моя вселенная, моя жизнь, мои друзья, враги, любимые, убийцы, жена, дети, отец, муж…

Кулак Блейна ударил Смита в скулу. Зомби был отброшен на стенку кабины. Выражение его лица не изменилось, но на серой коже щеки появился большой багровый кровоподтек.

— Один — ноль, — пробормотал Смит. Рука Блейна, занесенная для второго удара, опустилась. Смит встал на ноги.

— Я ухожу! Будь осторожен, Блейн. Погоди умирать! Ты мне нужен. Скоро я вспомню и приду к тебе.

Вяло шевеля ногами, с кровоподтеками на неподвижном лице, Смит вышел из бара.

Блейн заказал двойное виски и долго сидел над рюмкой, пытаясь унять дрожь в руках.

За час до рассвета Блейн прибыл в поместье Халла на загородном автобусе. На нем была традиционная форма охотников: рубашка и брюки цвета хаки, ботинки на резиновой подошве и широкополая шляпа. На одном плече у него висел рюкзак, через второе он перекинул винтовку и штык в пластиковом чехле.

У ворот его встретил слуга и проводил к приземистому обширному особняку. Блейн узнал,

что поместье Халла состоит из девяноста акров лесистой местности в горах Андирондака, между Киином и Элизабеттауном. Здесь, рассказал ему слуга, совершил самоубийство отец Халла, в возрасте пятидесяти одного года, лишив при этом жизни шестерых охотников, прежде чем охотник с саблей не отсек ему голову. Какая славная смерть! А вот дядя Халла, с другой стороны, предпочел берсеркерствовать в своем любимом Сан-Франциско. Полицейские стреляли в него двенадцать раз, прежде, чем он упал, и он успел покончить с семью прохожими. В газетах много писали об этом подвиге, а полный отчет о деянии сохраняется в анналах семьи.

Это все из-за разницы в темпераментах, объяснял говорливый старый вассал. Одни люди, вроде дядюшки, имеют характер веселый, любят хорошую шутку и предпочитают умереть в толпе, привлекая к факту своей смерти определенное внимание. Другие, как нынешний молодой мистер Халл, более склонны к одиночеству и общению с природой.

Блейн вежливо кивал в ответ на интересный рассказ и был тем временем отведен в большую, просто обставленную комнату, где собирались прибывающие охотники. Они пили кофе и на-

водили последний глянец на остро отточенных лезвиях своего оружия. Сверкали голубое лезвие алебарды и серебристое лезвие меча, отблески играли на полированном наконечнике копья, и морозные искры мерцали на шипах дубинки и «утренней звезды». На первый взгляд Блекну все это напоминало сцену из времен средневековья. Но потом он решил, что больше это напоминает приготовления к съемке фильма.

— Бери себе стул, друг, — сказал ему алебардист. — Добро пожаловать в Добровольное общество защиты мясников, работников скотобоен и свободных убийц. Меня зовут Сэмми Джоунс, я — лучший алебардист в Америке и в Европе тоже, наверное.

Блейн сел, и его представили остальным охотникам. Здесь собрались представители полудюжины национальностей, хотя общим языком был английский.

Сэмми Джоунс был приземистым, черноволосым человеком с бычьей шеей, соответствующими плечами, одетым в заплатанную и выцветшую полотняную рубашку-хаки и такие же брюки. На его грубо вылепленном лице виднелось несколько старых охотничьих шрамов.

— Первая охота? — спросил он, бросив взгляд

на новенькую, выглаженную форму Блейна.

Блейн кивнул, снял с винтовки чехол и присоединил штык на место. Он проверил, как штык держится, укоротил ремень и снова отсоединил штык.

— Ты и вправду умеешь обращаться с этой штуковиной? — спросил Джоунс.

— Конечно, — сказал Блейн с уверенностью, которой на самом деле не чувствовал.

— Тогда хорошо. Парни вроде этого Халла чуют слабого брата. Они их и стараются в первую очередь повыбивать.

— Сколько обычно продолжается охота? — спросил Блейн.

— Да вот, — сказал Джоунс, — самая длинная, в которой я участвовал, продолжалась восемь дней. Это на Астуриаса, там погиб мой напарник Слито. Обычно хорошая команда может пригвоздить Жертву за день или два. Это зависит от того, как сильно он хочет умереть. Некоторые стараются тянуть как можно дольше. Прячутся по оврагам, по пещерам, собаки, и приходится лезть за ними, и каждую секунду рискуешь получить удар. Вот так и со Слито случилось. Но Халл вроде на такого не похож. Он думает умереть как большой герой, стальной, значит, человек. Будет, значит,

крутиться вокруг, чтобы побольше нашего брата продырявить этой своей железкой от вертела.

— Похоже, вы его не одобряете, — сказал Блейн. Джоунс удивленно поднял густые брови:

— А чего делать из смерти Бог знает что? А вот и сам наш великий герой пожаловал.

Халл вошел в комнату, облаченный в элегантную шелковую рубашку защитного цвета, на шее у него был свободно повязан белый шелковый платок. Он нес легкий рюкзак, и к одному плечу его была пристегнута тонкая, зловещего вида рапира.

— Доброе утро, джентльмены, — сказал он. — Оружие наточено, рюкзаки уложены, и шнурки крепко завязаны, так? Отлично!

Халл подошел к окну и отодвинул занавес.

— Взгляните на первый луч зари, славный предвестник нашего грозного владыки Солнца, что будет править погоней. Сейчас я вас покину. Слуга сообщит вам, когда истекут дарованные мне в качестве форы полчаса. Тогда можете начинать погоню и убить меня, как только сможете быстро. Если сможете! Территория поместья огорожена. Я буду оставаться в пределах этой ограды, тоже должны делать и вы.

Халл кивнул им и быстро вышел из комнаты

своей ловкой походкой.

— Боже, вот ненавижу этаких павлинов! — громко сказал Сэмми Джоунс, когда дверь затворилась. — И все они на один лад, все. Строят из себя этаких героев. Знали бы они, какими чертовскими дураками они выглядят для меня. Я-то побывал уже на двадцати восьми таких парадах.

— Зачем вы охотитесь? — спросил его Блейн. Сэмми Джоунс пожал плечами.

— У меня отец был алебардист, и научил меня этому делу. Больше я ничего не умею.

— Вы могли бы изучить какое-нибудь ремесло. — сказал Блейн.

— Наверное, мог бы. Да вот только мне нравится убивать таких джентльменов-аристократов. Я ненавижу каждого богатого подонка, с его страховкой, которая не по карману бедняку. Я убиваю их с удовольствием, и, если бы у меня были деньги, я сам бы платил за такую возможность.

— А Халлу нравится убивать бедняков, таких, как ты, — сказал Блейн. — Это грустный мир.

— Нет, просто честный, — сказал Сэмми Джоунс. — Ну-ка, встань, я как следует прилажу тебе рюкзак.

Покончив с этим, Сэмми Джоунс сказал:

— Слушай, Том, почему бы нам не держаться

вместе? Взаимовыручка, а?

— То есть, ты меня будешь оберегать, так получается? — сказал Блейн.

— Тут ничего такого нет, — сказал серьезно Джоунс — Каждая сложная профессия дается не сразу. Сначала нужно поучиться, потом попробовать самому. А кто тебя научит лучше меня?

— Спасибо, — ответил Блейн — Я постараюсь хорошо прикрывать свою сторону.

— Отлично, ты справишься. Теперь смотри. Халл фехтовальщик, а у них есть свои приемы, я тебе по дороге расскажу. Когда он…

В этот момент вошел слуга, в руке он держал старинный хронометр в фигурном корпусе. Когда фигурная стрелка дошла до 12, он резко поднял голову и обратился к охотникам.

— Джентльмены, — сказал он, — время форы истекло. Начинайте погоню.

Охотники всей толпой высыпали наружу, в туманное серое утро. Тезеус, следопыт, со своим трезубцем на плече, сразу обнаружил след. Он вел вверх по склону, к окутанным туманом горам.

Развернувшись цепью, охотники двинулись вверх по склону.

Скоро лучи только что вставшего солнца рассеяли туман. Тезей потерял след, когда они вышли

на голую гранитную площадку. Охотники еще больше растянулись ломаной цепью и продолжали медленный подъем.

В полдень человек с мечом заметил на ветке колючего кустарника клочок шелковой, защитного цвета ткани. Несколько минут спустя Тезей обнаружил во мху отпечаток подошвы. Следы вели вниз, в узкую, густо заросшую лесом долину. Охотники с энтузиазмом устремились вперед.

— Вот он! — закричал кто-то.

Блейн стремительно повернулся и увидел, как примерно в пятидесяти ярдах справа от него вперед вырвался человек с «утренней звездой». Это был самый молодой охотник, смуглый самоуверенный сицилиец. Оружие его состояло из толстой ясеневой рукояти, к которой была прикреплена цепь в фут длиной. На конце цепи качался тяжелый шипастый шар, «утренняя звезда». Он крутил цепь с шаром над головой и что-то громко пел.

Сэмми Джоунс и Блейн помчались в его направлении. Они увидели, как из кустов выскочил Халл с обнаженной рапирой в руке. Сицилиец прыгнул на него и нанес удар, который мог перебить дерево. Халл чуть присел и сделал выпад.

Человек с «утренней звездой» захрипел, острие

рапиры пронзило ему горло. Он упал. Халд упер-ся ногой ему в грудь, освободил рапиру и снова исчез среди подлеска.

— Я всегда говорил, что «утренняя звезда» ник-чемное оружие, — сказал Сэмми Джоунс. — Очень неудобное. Если сразу не попадешь, на второй удар времени не останется.

Сицилиец был мертв. Следы Халла, пробирав-шегося через подлесок, были хорошо видны. Они пустились в погоню, остальные охотники после-довали за ними, вместе с теми, что шли ранее на флангах.

Скоро они опять вышли на гранитную площад-ку, и след потерялся.

Они безуспешно искали Жертву до самого вече-ра. На закате они разбили лагерь на склоне горы, выставили дежурных и обсудили первый день охоты у маленького костра.

— Как ты думаешь, где он сейчас? — спросил Блейн.

— Да где угодно, по всему чертовому поместью — сказал Джоунс — Не забывай, он здесь каждое дерево знает. А мы здесь первый раз.

— Тогда он может прятаться от нас бесконечно долго.

— Если захочет. Но он ждет, чтобы его убили,

учти. Он жаждет героической, ослепительной смерти. Поэтому он будет стараться потрошить нас, пока его не прикончат.

Блейн взглянул через плечо на темный лес.

— А вдруг он стоит сейчас там и слушает?

— Я сомневаюсь, — сказал Джоунс. — Надеюсь, часовые не заснут.

Охотники переговаривались, тесно рассевшись у догоравшего костра. Блейну захотелось, чтобы скорее наступило утро. Темнота поменяла их ролями. Охотники теперь сами превратились в жертв, которым угрожал жестокий, аморальный самоубийца, стремившийся унести с собой как можно больше других жизней. С этой мыслью Блейн задремал.

Уже перед рассветом его разбудил крик. Схватив винтовку, он вскочил на ноги, всматриваясь в темноту. Послышался второй крик, на этот раз ближе, и среди деревьев кто-то пробежал. Потом чья-то рука подбросила листьев в погасший костер.

В свете внезапно вспыхнувшего желтого пламени Блейн увидел, что в лагерь возвращается, хромая, охотник с копьем. Копье он волочил по земле за собой, в двух местах на его теле кровоточили раны, но, похоже, не смертельные.

— Вот подонок, — всхлипнул копьеносец. — Вот вшивый подонок.

— Ничего, Чико — сказал один из охотников, разорвав рубашку копьеносца, чтобы обработать и забинтовать раны.

— Ты его достал?

— Успел убежать, — простонал копьеносец. — Я промазал.

Больше в лагере никто не спал.

Охотники начали поиск с первыми лучами зари, растянувшись редкой цепью, пытаясь отыскать следы Жертвы. Тезей нашел сломанную пуговицу, а потом полустершийся отпечаток ноги. Охотники снова изменили направление, устремившись вверх по узкому горному склону. Шедший во главе группы Отто вдруг закричал:

— Эй! Здесь! Я его вижу!

Тезей бросился к нему, за ним следовали Блейн и Джоунс. Они увидели, как пятится Халл, внимательно наблюдая за надвигавшимся на него Отто, который вращал над стриженой головой своим боло. Аргентинское лассо со свистом рассекало воздух, три металлических шарика на его конце слились в блестящий круг. Потом Отто пустил его.

Холл мгновенно бросился на землю. Боло

пронеслось в дюйме над его головой, обвилось вокруг ветки дерева и сломало ее. Холл, с торжествующей ухмылкой, бросился на безоружного охотника.

Но прежде, чем он успел добраться до него, подоспел Тезей, размахивая трезубцем. Они обменялись ударами. Потом Халл стремительно повернулся и бросился бежать.

Тезей сделал выпад. Жертва завыл от боли, но продолжал бежать.

— Ты ранил его? — спросил Джоунс Тезея.

— Ага, в мясистое место, — сказал Тезей — Должно быть, самое постыдное для него ранение.

Охотники, тяжело дыша, бросились бежать вверх по склону горы. Но Жертва опять скрылся.

Они кольцом охватили сужающийся конус горы и начали не спеша стягиваться к вершине. Время от времени шум и отпечатки подошв говорили, что Жертва не вырвалась из кольца и отступает выше. Когда конус стал еще уже, они сомкнули ряд, уменьшая шансы Холла проскользнуть между ними.

К вечеру деревья — пинии и ели — стали реже. За ними показалось нагромождение гранитных валунов, а еще дальше — сама вершина.

— Вот он! — вскрикнул Бьерн.

Едва он сказал это, как Халл предпринял атаку. Выпрыгнув из-за гранитной скалы, Халл бросился на старого Бьерна, вооруженного булавой. Его рапира шипя рассекала воздух, он пытался сразу покончить с охотником и вырваться из затягивающегося аркана ловушки.

Но Бьерн не спеша отступал, тщательно парируя удары рапиры булавой, которую он держал двумя руками, наподобие длинной дубинки. Халл свирепо выругался, кинулся в бешеную атаку и едва успел уклониться от удара булавы флегматичного охотника.

Старый Бьерн шагнул ближе — слишком рано! Рапира вонзилась в его грудь и отскочила назад, словно неуловимо мелькающий язык змеи. Бьерн выронил булаву, и тело его покатилось по склону.

Но охотники уже сжали кольцо. Халл снова отступил в лабиринт валунов.

Охотники надвигались. Блейн заметил, что солнце уже село почти, в воздухе повисли вечерние тени, протянувшись среди серых скал.

— Вечереет, — сказал он Джоунсу.

— Еще с полчаса будет светло, — сказал Джоунс, прищурившись на небо. — Надо скорее кончать его. В темноте он нас перебьет по одному.

Теперь они шли быстрее, осматривая закоулки между валунами.

— Он может скатить на нас камень, — сказал Блейн.

— Только не он, — возразил Джоунс — Он слишком гордый, сукин сын.

И тут из-за высокого валуна рядом с Блейном вышел Халл.

— Ну, давай, штык, — сказал он. Блейн, высоко державший винтовку, едва успел парировать удар. Лезвие рапиры проскрежетало по стволу винтовки, чуть-чуть не попав в шею Блейна. Автоматически он отбил выпад. Тут что-то заставило его зареветь во всю силу легких, сделать выпад, потом мощный рассекающий удар, направленный в живот противнику, сопровождаемый ударом приклада, который должен был бы вышибить Жертве мозги. В этот момент Блейн больше не был цивилизованным человеком, действующим по принуждению текущей необходимости, он превратился в примитивного зверя, преследующего исполнение своей единственной цели — убивать.

Жертва с грациозной легкостью уклонился от ударов. Блейн бросился на него, от ярости потеряв остатки боевых навыков. Неожиданно его

оттолкнул в сторону Сэмми Джоунс.

— Это для меня, — сказал Джоунс — Это все для меня. Халл, подходи. Попробуй пощекотать меня своим вертелом.

Халл, на лице которого ничего не отразилось, атаковал. Рапира сверкала. Джоунс стоял твердо, на полусогнутых ногах, слегка поворачивая в руках боевой топор. Халл сделал обманный выпад, потом ударил по-настоящему. Джоунс отбил удар с такой силой, что рапира согнулась, как ветка молодого дерева.

К месту схватки подошли остальные охотники. Они расселись на валунах поблизости, обмениваясь замечаниями о ходе дуэли и давая советы.

— Приколи его к скале, Сэмми!

— Нет, вниз его!

— Может, подсобить?

— Черта с два! — выкрикнул в ответ Джоунс.

— Гляди, чтобы он не ударил по пальцу, Сэмми!

— Спокойно! — ответил Джоунс.

Ярость Блейна утихла так же стремительно, как и возникла в нем, пока он наблюдал за дуэлью. Ему казалось, что топор будет неуклюжим оружием, потому что для удара требуется полный замах. Но Сэмми Джоунс крутил тяжелым

боевым топором, как дирижерской палочкой. Он не замахивался со всего плеча, а бил из любого положения, одним его весом и силой ударов заставляя Халла отступать к самому краю склона. Двух бойцов, как понял Блейн, нельзя было даже сравнивать. Халл был просто талантливым любителем, убийцей-дилетантом, в то время как Джоунс был опытным профессионалом. Это было то же самое, что выпустить злую домашнюю собачку против дикого тигра.

Вершина уже погрузилась в синие сумерки, и конец наступил быстро. Сэмми Джоунс парировал удар, быстро шагнул вперед и, описав кистью с топором полукруг, ударил снизу вверх. Лезвие глубоко вошло в левый бок Халла. С криком Халл полетел вниз по крутому склону, через несколько секунд донесся звук удара.

— Заметь, где он упал, — сказал Сэмми Джоунс.

— Он наверняка помер, — возразил охотник с саблей.

— Возможно. Но по правилам мы должны убедиться.

Спускаясь с горы, они нашли обезображенное безжизненное тело Халла. Отметив его положение, чтобы труп нашла погребальная команда, они пошли к особняку.

Охотники вернулись в город все вместе и бурно отпраздновали удачу. Во время вечеринки Джоунс предложил Блейну участвовать вместе с ним в следующем предприятии.

— Я держу на прицеле одно выгодное дело, — сказал он. — Один аристократ хочет устроить парочку гладиаторских боев. Тебе придется работать копьем, но это почти что штык. Я тебя по дороге потренирую. Потом будет по-настоящему большая охота в Маниле. Пять братьев решили самоубиться вместе. Они заказали пятьдесят охотников. Что ты на это скажешь, Том?

Блейн тщательно обдумывал предложение, прежде чем ответить. Жизнь охотника казалась наиболее подходящим для него занятием из тех, что он мог найти пока что в этом мире. Ему нравилась грубоватая компания таких людей, как Сэмми Джоунс, простые, естественные мысли, активная жизнь, возможность действовать, подавляющая сомнения.

С другой стороны, в этом было что-то бессмысленное. Скитаться по Земле в качестве наемного убийцы, современной улучшенной версии прежнего наемного головореза. В опасности ради опасности ему виделось что-то бесплодное, за этим не стояла настоящая цель, стремление.

Такие мысли могли бы не прийти ему в голову, если бы он действительно был тем, за кого выдавало его новое тело, но он был другим. Возникало явственное расхождение, и с ним приходилось считаться.

Кроме того, этот мир имел и другие проблемы, которые более соответствовали его индивидуальности. И он не мог отвернуться от них.

— Нет, Сэмми, извини, — сказал он.

— Ты делаешь ошибку, Том, — покачал головой Сэмми — Ты — прирожденный убийца. Ничего лучшего тебе не найти.

— Сейчас… может быть, — сказал Блейн — Я постараюсь выяснить, так ли это.

— Ладно, желаю удачи, — сказал Сэмми Джоунс. — И береги это тело. Тебе попался хороший экземпляр.

Блейн невольно моргнул.

— Разве заметно?

Джоунс усмехнулся.

— Я ведь не новорожденный, Том. И сразу могу сказать, что за человек сидит в носителе. Если бы ты родился в этом теле, то поехал бы охотиться со мной. А если твое сознание родилось в другом теле…

— То что?

— Не следовало бы тебе идти на охоту, Том, это во-первых. Это не клеится друг с другом. Лучше уж раз и навсегда выбери одну дорогу, Том.

— Спасибо, — сказал Блейн. Они пожали руки, и Блейн поехал в свой отель.

Он вошел в номер и, не раздеваясь, бросился на кровать. Когда он проснется, то позвонит Мэри. Но сначала нужно выспаться. Планы, проблемы, споры и даже сны пусть подождут. Он был измотан до предела. Он выключил свет. Через секунду он уже спал.

Спустя несколько часов он проснулся, чувствуя, что в номере произошло какое-то изменение. Было темно. Было тихо, так тихо, как не могло быть в Нью-Йорке.

Он сел в кровати и услышал, как что-то задвигалось в противоположном конце комнаты, возле умывальника.

Блейн протянул руку и дернул выключатель. В комнате никого не было. Вдруг, прямо на его глазах, эмалированная раковина умывальника поднялась в воздух. Она поднималась медленно, потом повисла без всякой опоры, как это ни казалось невозможным. В это же мгновение Блейн услышал тонкий прерывистый смех. Он сразу же

понял, что его настиг полтергейст.[2] Осторожно выбравшись из постели, он двинулся к выходу. Повисший в воздухе умывальник неожиданно полетел прямо ему в голову. Блейн пригнулся, и умывальник вдребезги разлетелся, ударившись о стену.

Теперь начал левитировать кувшин с водой, сопровождаемый двумя массивными стаканами. Отплясывай сумасшедший танец, они двигались в сторону Блейна.

Пользуясь подушкой, как щитом, он бросился к двери. Он повернул ручку, а рядом с дверью разбился стакан. Дверь не открывалась, ее держал полтергейст.

Кувшин больно ударил по его ребрам. Второй стакан зловеще описывал круги у головы Блейна, и потому пришлось отступить к двери.

Он вспомнил, что как раз за окном есть пожарная лестница. Но полтергейст пресек эту попытку, едва Блейн двинулся с места. Занавеси неожиданно вспыхнули. Одновременно загорелась подушка в его руках, и Блейн отшвырнул ее.

— Помогите! — закричал он. — Помогите!

Полтергейст загонял его в угол комнаты. С гро-

---

[2] notes: 2

Полтергейст — призрак, производящий шум и передвигающий предметы, по-древнегречески — «шумный призрак».

хотом поползла вперед кровать, блокируя путь к отступлению.

Медленно поднялся в воздух стул и замер, примеряясь к удару в голову Блейна.

И постоянно слышался тонкий, прерывистый смех, почему-то очень знакомый Блейну.

Кровать ползла на Блейна, он звал на помощь, от его мощного рева задрожали стекла в окне. Но ответом был лишь тонкий смешок полтергейста.

Неужели все люди в отеле оглохли? Почему никто не отвечает?

Потом он понял, что, до самой сути вещей, никто даже и не подумает прийти на помощь. Насилие стало в этом мире повседневным явлением, и смерть человека была его собственным делом. Полицию вызывать не будут. Уборщик наведет утром порядок в номере, и его сдадут кому-нибудь другому.

Добраться до двери он не мог. К тому же, она все равно не открывалась. Единственное, на что он мог рассчитывать, это перепрыгнуть через кровать и выскочить в окно. Если он прыгнет правильно, то попадет как раз на огражденную площадку пожарной лестницы снаружи. Если он прыгнет слишком сильно, то перелетит через поручни ограждения, а до земли останется еще

три этажа.

Стул двинул его в плечо, кровать грохоча надвигалась, намереваясь прижать Блейна к стене. Блейн быстро прикинул расстояние и угол толчка, подобрался и прыгнул в окно.

Прыжок был рассчитан верно, но он не учел новейших достижений науки. Оконное стекло выгнулось наружу, как лист резины, и тут же приняло первоначальную форму. Его отбросило на стену и, оглушенный, он рухнул на пол. Подняв голову, он увидел, как тяжелый комод, вихляя, ползет к нему, начиная уже крениться.

В тот момент, когда с силой безумца полтергейст толкнул комод на Блейна, дверь, о которой он позабыл, неожиданно распахнулась. В комнату вошел Смит — черты лица зомби были, как всегда, неподвижны — и плечом удержал падающий комод.

Блейн не стал задавать вопросов. Он поднялся на ноги и уцепился за край начавшей закрываться двери. С помощью Смита ему удалось снова распахнуть ее, и оба они выскочили в коридор. Из комнаты послышался вопль, полный бессильного гнева.

Смит быстро зашагал к лестнице, сжимая рукой кисть Блейна. Они спустились в холл отеля и

вышли на улицу. Лицо зомби было мертвенно-белым, не считая багрового кровоподтека от удара Блейна. Кровоподтек распух почти на половину лица, отчего оно напоминало гротескную пеструю маску Арлекина.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— В безопасное место.

Они достигли старинного входа в метро, которым давно не пользовались, и начали спускаться. Спустившись на один пролет, они оказались у небольшой железной двери в потрескавшейся бетонной стене. Смит открыл дверку и поманил Блейна за собой.

Блейн заколебался, и неожиданно уловил отзвук тонкого прерывистого смеха. Полтергейст преследовал его, подобно тому, как Эвмениды[3] некогда преследовали своих жертв на улицах древних Афин. Он может оставаться в солнечном верхнем мире, но его будет мучить безумный призрак. И он может сойти вниз вместе со Смитом, ступить сквозь железную дверь в темноту за нею, где в подземном мире его ждет совсем неопределенная судьба.

Истерический смех стал громче. Блейн больше

---

[3] notes: 3

Эвмениды (они же Эринии) — в древнегреческой мифологии богини мщения. Преследуя преступника, лишают его рассудка.

не колебался. Он перешагнул вслед за Смитом порог железной двери и закрыл ее за собой.

Полтергейст, пока что, решил их не преследовать. Они шли по туннелю, его освещали редкие голые лампы накаливания. Мимо тянулись старые трубы водопровода. Они миновали накренившийся древний состав поезда метро, повсюду валялись заржавевшие кабели, по-змеиному свернувшиеся кольцами. Воздух был влажный, и из-за тонкого слоя слизи под ногами идти приходилось осторожно.

— Куда мы идем? — спросил Блейн.

— Туда, где я смогу тебя защитить, — сказал Смит.

— Ты сможешь?

— У призраков тоже есть уязвимые стороны. Но для экзорсизма[4] необходимо установить истинную природу привидения.

— Значит, ты знаешь, кто меня преследует?

— Думаю, что да. Рассуждая логически, это может быть только один человек.

— Кто? Смит покачал головой.

— Лучше я пока не буду его называть. Не стоит привлекать его внимание, если его здесь пока

---

[4] notes: 4

Экзорсизм — процедура изгнания дьявола.

нет.

Они спустились по крошащимся сланцевым ступеням в обширное помещение и обогнули маленький пруд с черной водой, поверхность которой казалась твердой, как полированный агат. На другом берегу пруда имелся вход в новый коридор. Закрывая его, в проходе стоял человек.

Это был высокий крепкий негр, одетый в тряпье, вооруженный куском железной трубы. Взглянув на него повнимательнее, Блейн понял, что это зомби.

— Это мой друг, — сказал Смит. — Можно мне его провести?

— Ты уверен, что он не инспектор?

— Абсолютно уверен.

— Подожди здесь, — сказал негр. Он исчез в проходе.

— Где мы? — спросил Блейн.

— Под Нью-Йорком, в заброшенных туннелях метро, неиспользуемых каналах канализации, а некоторые проходы мы вырыли сами.

— Но зачем мы сюда пришли? — спросил Блейн.

— А куда же еще нам было идти? — с удивлением спросил в свою очередь зомби. — Это мой дом. Разве ты не знал? Мы — в нью-йоркской

колонии зомби.

Блейну показалось, что он мало что выиграл таким образом, но подумать времени у него не было. Вернулся негр. Вместе с ним пришел очень старый человек, опиравшийся на палку. Лицо его испещрила паутина из тысячи морщин и морщинок. Глаза едва виднелись из-под свисающих складок плоти, и даже губы были изрезаны морщинами.

— Это тот человек, о котором ты мне рассказывал? — спросил он.

— Да, сэр, — сказал Смит. — Это он.

Блейн, позволь мне представить тебя мистеру Кину, главе нашей колонии. Можно мне провести его, сэр?

— Да, можно, — сказал старик. — И я пойду с вами, пока.

Они двинулись по проходу. Мистер Кин тяжело опирался на руку негра.

— Как правило, — рассказывал мистер Кин, — в колонию разрешают входить только зомби. Остальных не пускают. Но уже несколько лет мне не приходилось говорить с обычным человеком, и я подумал, что могу узнать, что-нибудь ценное. Поэтому, по настойчивой просьбе Смита, я сделал для вас исключение из правил.

— Очень вам благодарен, — сказал Блейн, надеясь, что у него и в самом деле есть на то причины.

— Поймите меня сразу правильно. Я вовсе не прочь помочь вам. Но в первую очередь — и что важнее всего остального — я отвечаю за безопасность колонии, то есть одиннадцати сотен зомби, живущих под Нью-Йорком. Ради их блага обыкновенные люди не должны сюда попадать. Обособленность — это наша единственная надежда в невежественном мире. — Мистер Кин сделал паузу — Возможно, вы нам поможете, мистер Блейн.

— Каким образом?

— Тем, что будете слушать и вникать, а потом расскажете все, что узнаете, там, наверху. Просвещение — наша единственная надежда. Скажите, что вам известно о проблеме зомби?

— Очень мало.

— Я вам расскажу. Зомбизм, мистер Блейн, это болезнь, которая с древних времен была окружена ореолом предрассудков, подобно другим болезням, таким как эпилепсия, проказа, пляска святого Витта. Люди были склонны во всем видеть духов. Шизофрения, как вам известно, одно время приписывалась злым духам, дьяволам, а

страдающие гидроцефалией, водянкой головного мозга, считались блаженными. Аналогичные фантазии сопровождали и зомбизм.

Некоторое время они шли молча. Потом мистер Кин продолжил:

— Суеверия относительно зомби имеют в основном гаитянское происхождение, болезнь же эта распространена по всему свету, хотя и очень редка. Но суеверия и факт болезни безнадежно перепутались в сознании публики. Зомби, как суеверие, является частью гаитянского культа Бодуна: это человек, душу которого похитили силой магии. Тело зомби волшебник может использовать по своему усмотрению, может даже зарезать и продать как мясо на рынке. Если зомби попробует соль или увидит море, то он, как полагают, вспомнит, что он мертвый, и вернется в свою могилу. Все это совершенно не имеет реальной почвы.

— Суеверие появляется на почве болезни. Одно время она была очень редкой. Но в наши дни, с увеличением ментальной пересадки и перевоплощающих процедур, зомбизм стал более частым явлением. Болезнь эта возникает, когда сознание человека занимает тело, слишком долго остававшееся без хозяина. Тогда тело и сознание

не становятся единым комплексом, как у вас, например, мистер Блейн, нет. Они существуют как квази-независимые образования, сотрудничающие сложным и путаным образом. Возьмите типичный случай с вашим другом Смитом. Он может контролировать основные движения тела, но тончайшая координация ему не по силам. Голос его лишен тонкой модуляции, и его слух не воспринимает мельчайших различий в тоне. Лицо его неподвижно, потому что отсутствует или почти отсутствует контроль за мышцами мимики. Он носит свое тело, но по-настоящему частью его не является.

— И нельзя чем-то ему помочь? — спросил Блейн.

— В настоящее время… ничем.

— Мне очень жаль, — сказал Блейн, ощущая неловкость.

— Это не призыв к вашим чувствам, — объяснил Кин. — Это условия элементарного понятия о природе процесса. Я просто хочу, чтобы вы и все остальные знали, зомбизм — это не воплощение всех грехов, это болезнь, как свинка или рак, и ничего больше.

Мистер Кин прислонился к стенке прохода, переводя дыхание.

— Конечно, внешность у зомби неприятная. Он волочит ноги, его раны никогда не заживают, тело его быстро разрушается и умирает. Речь его похожа на бормотание идиота, он раскачивается, как пьяный, пялит глаза, как извращенец. Но разве это повод для того, чтобы делать его скопищем всех возможных грехов и преступлений на Земле, прокаженным отверженцем XXII века? Говорят, что якобы зомби нападают на людей. Но ведь тела зомби чрезвычайно уязвимы, и средний зомби не устоит против ребенка. Они говорят, что эта болезнь заразная, а ведь это, совершенно понятно, не так. Они утверждают, что все зомби — половые извращенцы, а на самом деле зомби вообще не испытывают полового влечения. Но люди не желают слушать, и зомби продолжают оставаться отщепенцами, годными только для петли линчевателя или сожжения на костре.

— А что же власти? — спросил Блейн. Мистер Кии горько усмехнулся.

— Они запирают нас, как безумцев, в соответствующих заведениях. Они, видите ли, желают уберечь нас. Но ведь зомби — умственно нормальные люди, и власти это знают! Вот мы, с их молчаливого согласия, и занимаем пока что эти заброшенные туннели и канализационные

линии.

— Нельзя ли было найти место получше? — спросил Блейн.

— Часто говоря, подземелье нас устраивает. Солнце вредно действует на нерегенерирующуюся кожу.

Они снова двинулись в путь.

— Чем я могу помочь? — спросил Блейн.

— Вы могли бы рассказать кому-нибудь о том, что узнали здесь. Написать об этом, возможно. От одного брошенного в пруд камня идут многие круги…

— Я сделаю, что смогу.

— Благодарю, — торжественно сказал мистер Кин. — Просвещение —единственная наша надежда. Просвещение и будущее. В будущем люди наверняка должны стать просвещеннее.

Будущее? Блейну вдруг стало не по себе. Потому что это и было будущее, в которое он перенесся из оптимистического, погруженного в мечты XX века. Будущее превратилось в теперь! Но обещанное просвещение так и не наступило, и люди остались преимущественно такими же, как всегда. На мгновение тяжесть двух столетий навалилась на Блейна. Он почувствовал себя старым, старше Кина, старше самого человечества

— потерянное существо внутри заимствованного тела, брошенное посреди неизвестного ему места.

— И вот, — сказал мистер Кин — мы достигли цели.

Блейн быстро замигал, и реальность снова приобрела четкие очертания. Темный проход кончился. Прямо перед ним к стене туннеля была прикреплена ржавая железная лестница, ведущая наверх, в темноту.

— Желаю удачи, — сказал мистер Кин. Он удалился, тяжело опираясь на руку негра. Блейн проводил его взглядом, потом повернулся к Смиту.

— Куда нам идти?

— Вверх по лестнице.

— Но куда она ведет?

Смит уже начал взбираться по ступенькам. Он остановился и посмотрел вниз на Блейна, свинцовые губы его растянулись в улыбке.

— Сейчас мы посетим твоего приятеля, Блейн. Мы направляемся в его могилу, в его гроб, и попросим, чтобы он больше тебя не преследовал. Заставим, может быть.

— Но кто он? — спросил Блейн. Смит только улыбнулся и продолжал подъем. Блейн полез

за ним.

Над проходом располагалась вентиляционная шахта, которая вела к другому проходу. Наконец они пришли к двери и вошли внутрь.

Они находились в большой, очень ярко освещенной комнате. На куполе-потолке имелась фреска, изображающая красивого, ясноглазого мужчину, взлетающего в туманные небеса в сопровождении группки ангелов. Блейн сразу узнал, кто позировал художнику.

— Рейли!

Смит кивнул.

— Мы внутри Дворца Смерти.

— Как ты узнал, что за мной охотится Рейли?

— Ты сам мог бы об этом догадаться. Только два человека, что были связаны с тобой, умерли недавно. Так как это не мог быть Рей Мелхилл, то оставался только Рейли.

— Но почему?

— Не знаю, — сказал Смит. — Возможно, Рейли сам тебе скажет.

Блейн взглянул на стены Дворца. Они были инкрустированы знаками крестов, полумесяцев, звезд, а также индийскими, африканскими, арабскими, китайскими и полинезийскими символами, означающими пожелание удачи. По всей

комнате были разбросаны пьедесталы со статуями древних богов. Среди дюжины прочих Блейн узнал Зевса, Аполлона, Дагона, Одина, Астарты. Перед каждой статуей имелся алтарь, на каждом алтаре лежал ограненный и отшлифованный драгоценный камень.

— Зачем все это? — спросил Блейн.

— Чтобы умилостивить богов.

— Но ведь жизнь после смерти — научный факт.

— Мистер Кин объяснил мне, что наука производит малое влияние на предрассудки, — ответил Смит — Рейли был вполне уверен, что попадет в послежизнь, но он не хотел рисковать. Кроме того, как говорит мистер Кин, очень богатые, так же, как и очень религиозные люди, не желают делить послежизнь с кем попало. Они думают, что с помощью соответствующих обрядов и символов они попадут в более привилегированную часть послежизни.

— А такая существует? — спросил Блейн.

— Никто не знает. Это их предположение.

Смит провел его к дверце, украшенной орнаментом из египетских и китайских иероглифов.

— Там, внутри, — тело Рейли, — сообщил он.

— И мы туда войдем?

— Да, так нужно.

Смит толкнул дверь. Блейн увидел обширную комнату с колоннами из белого мрамора. В центре ее стоял гроб из бронзы и золота, усыпанный драгоценными камнями. В ошеломляющем числе гроб окружали многообразные предметы: картины и скульптуры, музыкальные инструменты, барельефы, предметы, напоминающие стиральные машины, печки, холодильники, и даже целый вертолет. Были тут книги и одежда, и был накрыт стол для обильного банкета.

— Зачем все эти вещи? — спросил Блейн.

— Сущность этих вещей должна сопровождать владельца при переходе в послежизнь. Это старый обычай.

Первой реакцией Блейна была жалость. Научно гарантированная послежизнь, оказывается, не освободила человека от страха перед смертью. Наоборот, она только усилила неуверенность и подхлестнула желание вырвать кусок получше. Даже имея возможность жить после смерти, люди стремились обеспечить себе участок в этой жизни лучший, чем у других. Равенство — это прекрасно, никто не спорит, но личная инициатива превыше всего. Совершенное и беспрестанное уравнивание оставалось не более

приемлемой идеей в послежизни, чем она была на Земле. Желание превзойти ближнего заставляло людей вроде Рейли возводить себе гробницы, подобные пирамидам древнеегипетских фараонов, всю жизнь изводиться вопросом о смерти, стараясь во что бы то ни стало сохранить свое положение и состояние в мерещащейся впереди серой неизвестности.

Позор. Однако, подумал Блейн, не от того ли испытывает он жалость, что не верит в действенность методов, применяемых Рейли? Допустим, вы действительно могли бы повлиять на положение в послежизни в положительном смысле? В таком случае, не лучше ли всего истратить время жизни на Земле, добиваясь наилучшего положения в Вечности?

Предположение выглядело разумным, но Блейн отказывался в него верить. Это не могло быть единственной целью существования человека на Земле! Плохая или хорошая, честная или нет, жизнь сама по себе стоила того, чтобы ее прожить.

В гробовую комнату медленно вошел Смит, и Блейн прервал размышления. Зомби рассматривал маленький стул, покрытый узорами. Спокойно он пнул столик ногой и опрокинул его.

Потом он начал медленно топтать лежавшие до этого на столике какие-то церковные атрибуты.

— Что ты делаешь? — изумился Блейн.

— Ты хочешь, чтобы полтергейст отстал от тебя?

— Ну еще бы.

— Тогда у него должна быть на то причина, — объяснил Смит, свалив пинком на пол статую из черного дерева и принявшись обрабатывать ее ногами.

Блейну это показалось достаточно разумным. Даже безумный призрак должен знать, что рано или поздно он покинет Порог и переместится в Послежизнь. Когда он это сделает, то ему потребуется его имущество — в целости и сохранности. Отсюда вывод: клин клином вышибают, на преследование отвечают тем же.

И все же он чувствовал себя вандалом, когда приготовился продырявить кулаком полотно картины.

— Не надо, — раздался голос у него над головой. Блейн и Смит подняли головы. Над ними мерцало нечто вроде серебристого тумана. Из этого тумана раздался едва слышный голос:

— Пожалуйста, опусти полотно на место.

Блейн не опускал кулака.

— Это ты, Рейли?

— Да.

— Почему ты преследуешь меня?

— Потому что ты во всем виноват! Это все твоя вина! Ты убил меня своим черным сознанием убийцы! Да, ты, ты, чудовище из прошлого, ты, проклятый монстр!

— Я не виноват! — воскликнул Блейн.

— Виноват! Ты не человек! Все живое бежит от тебя, кроме дружка-мертвеца! Почему ты еще жив, а я нет?!!

Кулак Блейна двинулся к полотну картины. Голосок призрака взвизгнул:

— Не надо!

— Ты оставишь меня в покое? — спросил Блейн.

— Положи картину — взмолился Рейли. Блейн аккуратно положил полотно на место.

— Я оставлю тебя в покое, — сказал Рейли. — Почему бы и нет? Есть вещи, которых тебе видеть не дано, Блейн, но я их вижу. Твое время на Земле будет очень недолгим, очень, до боли недолгим. Те, кому ты веришь, предадут тебя. Ты умрешь, Блейн, и не через несколько лет, а скоро, раньше, чем ты можешь себе представить. Тебя предадут, и ты умрешь от собственной руки.

— Ты не в своем уме! — крикнул Блейн.

— Неужели? — захихикал Рейли. — Неужели? Неужели??

Серебристый туман исчез. Призрак Рейли покинул гробницу.

Смит вывел его сквозь двойные запутанные проходы обратно на улицу. Воздух снаружи был прохладен, и заря уже окрасила стены высоких домов в розовый цвет. Блейн начал благодарить его. Смит покачал головой;

— Не за что! В конце концов, ведь ты необходим мне, Блейн. Что бы я делал, если бы полтергейст тебя убил? Будь осторожен, береги себя. Без тебя у меня нет никакой надежды.

Зомби на мгновение с тревогой взглянул на Блейна, потом поспешил прочь. Блейн смотрел ему вслед. Не лучше ли было иметь дюжину врагов, чем Смита в качестве друга, подумал он.

Полчаса спустя он был в квартире Мэри Тори. Мэри, без грима на лице, в домашнем халате, сонно протерла глаза и провела его на кухню, где набрала для него шифр кофе, тостов и яичницы.

— Было бы неплохо, — сказала она, — чтобы ты отложил столь драматическое появление на более подходящий час. Шесть тридцать утра!

— Я постараюсь исправиться, — весело пообе-

щал Блейн.

— Ты говорил, что позвонишь. Что с тобой случилось?

— Ты волновалась?

— Ни капли. Так что же случилось?

Между двумя ломтиками тостов Блейн рассказал ей об охоте, о полтергейсте и изгнании зловредного духа. Она выслушала рассказ и сделала вывод:

— Итак, ты очень доволен собой и, я думаю, имеешь на это право. Но ты до сих пор так и не знаешь, чего от тебя хочет Смит, и даже, кто он такой.

— Не имею ни малейшего представления, — согласился Блейн. — Смит, впрочем, тоже. Если честно, то меня это нисколько не заботит.

— А что случится, когда он вспомнит?

— Тогда я и подумаю, что делать.

Мэри подняла брови, но ничего не сказала по этому поводу.

— Том, какие у тебя теперь планы?

— Хочу найти работу.

— Охоту?

— Нет. Глупо это или нет, но я думаю попробовать конструирование яхт. Потом я предполагаю заглядывать сюда в более подходящие часы, как

ты этого требуешь. Тебе это нравится?

— Непрактично. Хочешь хороший совет?

— Нет.

— И все же я тебе его даю. Том, уезжай из Нью-Йорка, как можно дальше. Уезжай на Фиджи или на Самоа.

— Зачем мне это?

Мэри беспокойно меряла кухню шагами.

— Ты просто не в состоянии понять этот мир.

— Я так не думаю.

— Том! Ты приобрел кое-какой опыт. Но это не значит, что ты полностью приспособился к нашей культуре. Тебя выхватили из прошлого, за тобой охотился призрак, ты сам участвовал в охоте. Но все это не больше, чем прогулка с гидом. Рейли был прав, ты будешь так же беспомощен в нашем веке, как пещерный человек в 1958 году.

— Это нелепое сравнение, и я решительно против.

— Ладно, пусть это будет китаец из четырнадцатого века. Допустим, этот китаец повстречался с гангстером, проехался на автобусе и посетил Кони-айленд. Можешь ли ты сказать, что он понял Америку XX века?

— Конечно, нет. Ты хочешь что-то сказать?

— Я хочу сказать, — продолжала она, — что

тебе здесь постоянно грозит опасность, а ты даже не в состоянии ощутить, откуда она исходит и насколько она серьезна. Возьми хоть этого Смита. Кроме того, наследники Рейли могут не слишком благосклонно отнестись к тебе из-за осквернения его гробницы, они могут что-то предпринять по этому поводу. А управляющие в РЕКСе до сих пор спорят, что с тобой надлежит сделать. Ты вмешался в события, нарушил их ход. Неужели ты не чувствуешь?

— Со Смитом я справлюсь — сказал Блейн — И к чертям наследников Рейли. А управляющие… что они могут мне сделать?

Она подошла к нему и обняла за шею.

— Том, — сказала она серьезно, — любой человек нашего времени, оказавшийся на твоем месте, бежал бы без оглядки!

Блейн тоже обнял ее на секунду, погладил блестящие волосы. Она заботилась о нем, она желала ему добра. Но он был не в состоянии слушать предостережения. Он пережил опасности охоты, он спустился сквозь железную дверцу в подземный мир и снова выбрался к свету дня. Теперь, сидя в кухне Мэри, он чувствовал себя умиротворенным и беззаботным. Опасность казалась ему чисто теоретическим вопросом, не

заслуживающим обсуждения в данный момент, и идея бежать из Нью-Йорка выглядела совершенно нелепой.

— Скажи, — спросил он весело, — то, что я нарушил ход событий… это относится и к тебе?

— Возможно, я потеряю работу, если ты это имеешь в виду.

— Я о другом.

— Тогда ты сам должен знать… Том, пожалуйста, уезжай из Нью-Йорка!

— Нет. И перестань паниковать.

— О, Боже, — вздохнула она, — мы говорим на одном языке, но мои слова до тебя не доходят. Сейчас я объясню тебе на примере. — Она задумалась на секунду. — Представь, у человека есть парусник.

— А ты сама ходишь под парусом? — спросил Блейн.

— Да, мне нравится. Том! Послушай меня! Представь, что у человека есть парусник, и он задумал отправиться на нем в плавание по океану…

— По морю жизни… — вставил Блейн.

— Не смешно, — сказала она очень серьезно. Сейчас она казалась ему весьма привлекательной. — Этот человек ничего не знает о парусниках. Ему кажется, что плавание проходит нормально,

все в порядке, все на месте. Он не подозревает об опасности. Потом парусник осматриваешь ты. И видишь, что в шпангоутах появились трещины, рудерпост источен червями, гнездо мачты прогнило, паруса истлели, килевые болты проржавели, и крепления вот-вот разойдутся.

— Откуда у тебя такие познания? — удивился Блейн.

— Я хожу на яхтах с детства. Ты выслушаешь меня наконец? Ты объясняешь этому человеку, что парусник его никуда не годится, первый же шквал отправит его на Дно.

— Как-нибудь мы поплаваем с тобой вместе, — сказал Блейн.

— Но этот человек, — упорно продолжала Мэри — ничего не знает о парусниках. Его судно кажется совершенно исправным. И к тому же, ты ни черта не можешь сказать ему определенно — что и когда случится. Может, посудина продержится еще месяц, может — неделю. Ты просто не можешь сказать точно. И ты сам сейчас находишься в точно такой же ситуации. Я не могу сказать, что именно произойдет. Я только и вижу, что ты в плаванье не годишься. Ты должен уехать отсюда.

Она смотрела на него с надеждой. Блейн кив-

нул и сказал:

— Хорошая выйдет из тебя команда.

— Так ты не уезжаешь, значит?

— Нет. Я всю ночь не спал. И сейчас я могу отправиться только в постель. Ты не желаешь присоединиться?

— Иди ты к черту!

— Ну, дорогая, пожалуйста! Где же твое снисхождение к бездомному скитальцу из прошлого?

— Я ухожу, — сказала Мэри — Постели себе сам. И лучше хорошенько подумай над тем, что я тебе сказала.

— Конечно, — согласился Блейн — Но к чему волноваться, если за мной присматриваешь ты?

— Смит тоже за тобой присматривает, — напомнила она. Она быстро его поцеловала и вышла из комнаты.

Блейн позавтракал и прилег поспать. Проснулся он уже ближе к вечеру. Мэри еще не вернулась, поэтому, уходя, он написал ей бодрую записку с указанием адреса его отеля.

В течение следующих нескольких дней он обошел большинство конструкторских бюро Нью-Йорка, занимающихся проектированием яхт, но без успеха. Его старая фирма «Матисон и Петерс» давно уже не существовала. В других

фирмах он был не нужен. Наконец в агентстве «Джекобсеновские яхты, лтд.» главный конструктор долго разговаривал с Блейном о ныне исчезнувших типах яхт. Блейн при этом выявил обширные познания в этой области и продемонстрировал свои весьма уже устаревшие навыки, после чего конструктор сказал ему:

— Мы получили несколько заказов на корпуса в старинном стиле. Могу вот что предложить вам. Мы возьмем вас ассистентом. Вы сможете чертить классические корпуса, оплата на комиссионном проценте, а тем временем подучитесь в современных системах, потому что ваши навыки, честно говоря, сильно устарели. Что вы на это скажете?

Должность ему предлагали низкую, это было понятно. Но с другой стороны, это была работа, постоянная работа с хорошими перспективами на повышение. Это означало, что он, наконец-то, получит прочное положение в мире 2110 года.

— Я согласен, — сказал Блейн — Спасибо.

В этот вечер, чтобы отпраздновать успех, он отправился в сенсориум и купил проигрыватель с несколькими записями. Он подумал, что может теперь позволить себе небольшую роскошь.

Сенсории были неотделимой частью 2110-го,

такими же вездесущими, как телевизоры в родном времени Блейна. Более сложные и мощные версии сенсориев использовались в театральных спектаклях, другие вариации применялись для рекламы и пропаганды. Это была — на настоящее время — самая мощная и технически чистая форма распространения «грез наяву», способная удовлетворять любой вкус.

Но у них имелись и категорические противники, порицавшие злокачественную тенденцию к полной пассивности зрителя. Их беспокоила предельная легкость, с которой человек ассимилировал в себе содержание сенсорозаписи. И действительно, не одна домохозяйка жила в ярком мире сенсорогрез, не один современный мистика навсегда включался в бесконечную череду фантастических образов.

Читая книгу или во время просмотра телепрограммы, указывали противники сенсориев, человек вынужден напрягаться до определенной степени, соучаствовать в действии. Но сенсории лишь погружали нас в ослепительную, до плотности реальную, коварно обволакивающую грезу и оставляли после себя разрушающую сознание мысль о том, что грезы куда интересней и желанней реальности. Этого позволить нельзя, даже

если бы это было правдой. Сенсории опасны! Конечно, в области сенсорозаписи были созданы некоторые подлинные произведения искусства (нельзя сбросить со счетов Веррехо, Джонстона и Телькина, и Микельсен тоже много обещает). Но это была капля в море. И если противопоставить им разрушающий эффект на психику, сдвиг общественного сознания в сторону пассивного потребления…

Следующее поколение, гремели критики, будет не в состоянии думать, читать и осмысленно действовать!

Это был серьезный аргумент. Но Блейн, имея за собой 152 года перспективы, помнил об аналогичных дискуссиях по, поводу радио, телевидения, комиксов и дешевых книг в бумажных обложках, выпускавшихся массовыми тиражами. Каждое нововведение, как представляется сразу, грозит разрушением культуры и неизбежно становится органическим элементом этой культуры, воплощением добрых старых дней, духом Золотого Века, которому грозит уничтожением следующее нововведение.

Сенсории, хорошо это или плохо, уже существовали. Блейн вошел в магазин, чтобы испытать их.

Осмотрев несколько моделей, он купил недорогой проигрыватель марки «БЕНДИКС». Потом, по рекомендации продавца, он выбрал три популярные записи и отправился в кабинку, чтобы проиграть их. Укрепив на лбу электроды, он включил первую сенсорозапись.

Это была историческая запись, романтический пересказ «Песни о Роланде», выполненная в низкоинтенсивной манере без переноса личности, что позволяло воспроизвести масштабные сцены битв. Греза началась.

…и Блейн оказался в проходе Ронсевалля, в то жаркое и роковое утро августа 778 года, он стоял среди арьергардной охраны Роланда, наблюдая, как основные силы армии Шарлеманя медленно уходят в сторону родной земли Франции. Усталые ветераны сутулились в седлах с высокими задними луками, скрипела кожа, шпоры позванивали о бронзовые стремена. Пахло сосной и потом, ветер доносил едва ощутимую горечь дыма с развалин Пампелоны, во рту был привкус начищенной маслом стали и сухой летней травы…

Блейн решил купить запись. Следующая греза оказалась высоконапряженным приключением на Венере; зритель полностью сливался с главным героем — невиновным, но преследуемым

человеком. Последняя запись оказалась переменной интенсивности версией «Войны и мира» с периодическими переключениями на слияние с личностью героев.

Когда он заплатил за покупки, продавец подмигнул ему и сказал:

— Может быть, вас интересует кое-что похлеще?

— Возможно, — сказал Блейн.

— Несколько групповых записей, — сказал продавец, — с полной индентификацией, вплоть до переключения сознания. Нет? Имеется подлинная запись — человек погибает в зыбучих песках. Убийцы сделали запись специально для интересующихся.

— Наверное, в другой раз, — отказался Блейн, направляясь к выходу.

— Кроме этого, — удержал его клерк, — у меня есть законным образом сделанная запись, но затем не пущенная в оборот. Несколько копий были тайно распространены, специально для коллекционеров. Возрождение человека из прошлого. Стопроцентная подлинность.

— В самом деле?

— Да, абсолютно уникальная запись. Эмоции переданы чисто, как звон колокола, напряжен-

ность — как лезвие бритвы. Мечта коллекционера, поверьте. Могу уже сейчас предсказать, что она станет классикой.

— Я бы хотел послушать, — мрачно сказал Блейн. Он взял запись без этикетки и вернулся в кабинку. Десять минут спустя он вышел оттуда, совершенно потрясенный, и купил запись за непомерно высокую цену. Это было все равно, что купить частичку самого себя.

Продавец и техники из РЕКСа не ошиблись. Это действительно была мечта коллекционера и скоро наверняка станет классической сенсорозаписью.

К сожалению, все имена были тщательно стерты, чтобы нельзя было установить источник записи. Блейн стал знаменитостью необычным, анонимным образом.

Блейн каждый день ходил на работу, где подметал полы в помещениях, освобождал корзинки от бумаг, надписывал адреса на конвертах и работал над корпусами старомодных яхт с оплатой на комиссионной основе.

По вечерам он изучал сложную науку яхтостроения XXII века. Немного спустя ему дали несколько более ответственных заданий — написать рекламные объявления. Он показал себя

весьма способным в этом деле и в скором был повышен до должности младшего конструктора. В его ведомстве оказалась большая часть связей «Джекобсеновских яхт, лтд.» и различных яхтостроительных верфей, работающих по их проектам.

Он продолжал учиться, но заказов на классические корпуса было мало. Со стандартными заказами справлялись братья Джекобсен, в то время как старый Эд Рихтер, известный под прозвищем Салемское Чудо, чертил уникальные гоночные суда и катамараны. Блейн взял на себя деловую переписку и рекламу, и на другое у него уже не оставалось времени.

Это была ответственная, необходимая работа. Но это было не конструирование яхт. Жизнь его в 2110 году окончательно принимала тот же ход, что и в 1958-м.

Блейн тщательно обдумал этот факт. С одной стороны, он был рад такому положению. Это, казалось, раз и навсегда разрешало конфликт между его сознанием и его телом. Сознание явно стало хозяином тела.

С другой стороны, ситуация не очень лестно свидетельствовала о качестве данного сознания. Вот человек, перенесенный на 152 года в буду-

щее, прошедший сквозь чудесное и ужасное и теперь опять работающий младшим конструктором, который занимается всем, чем угодно, кроме проектирования яхт. Неужели в его натуре была скрыта некая фатальная погрешность, невидимый дефект, приговоривший его к роли подчиненного вне зависимости от окружения?

Уныло представлял он, как его переносит на миллион лет назад, в эру пещерного человека. Несомненно, после периода привыкания, он стал бы младшим конструктором кремневых скребков. Но только не настоящим конструктором. В его обязанности входил бы учет ожерелий из ракушек, проверка качества сырья и связь с поставщиками, в то время как кто-то другой (возможно, неандертальский гений) делал бы настоящую работу.

Эта мысль угнетала его. Но, к счастью, на дело можно было смотреть и с другой стороны зрения. Его неизбежное возвращение на круги своя можно было принять за отличный пример внутренней слаженности, стабильности человека. Он знал, что он есть такое. Как бы ни изменялось его окружение, он оставался верен своей функции.

С этой точки зрения, он мог даже гордиться своим званием вечного младшего конструктора.

Он продолжал работать, колеблясь между этими двумя положениями. Раз или два он заходил к Мэри, но она, как правило, была занята в главном совете РЕКСа. Он переехал из отеля в небольшую, со вкусом обставленную квартирку. Он начинал чувствовать себя в Нью-Йорке как дома.

И, напоминал он себе, если он даже ничего больше не добился, то, по крайней мере, разрешил противоречие своего сознания и нового тела.

Но тело это не следовало столь легкомысленно сбрасывать со счетов. Блейн совершенно выпустил одну из проблем, связанную с владением таким сильным, красивым и своенравным телом, как у него.

Однажды конфликт разгорелся снова, еще в более острой форме.

Он закончил работу в обычное время и ждал на углу улицы автобус. Он заметил, что на него пристально смотрит какая-то женщина. Ей было примерно лет двадцать пять. Она была привлекательная, рыжеволосая, с полной грудью. Одета она была обычно. Лицо смелое и решительное, но в нем чувствовалась нотка грусти.

Блейн вспомнил, что он уже не раз видел ее до этого. Однажды они ехали вместе в геликобусе. В другой риз она вошла за ним в магазин, едва не

наступая на пятки. И несколько раз он встречал ее у здания, где помещалась его фирма.

Она следила за Блейном, по крайней мере, несколько недель. Но почему?

Он ждал, глядя на нее. Увидев, что он ее заметил, женщина немного поколебалась, потом сказала:

— Можно мне поговорить с вами одну минутку?

Голос у нее был низкий, приятный, но в нем чувствовалось сдержанное волнение.

— Пожалуйста, мистер Блейн, это очень важно!

Значит, она знала его имя.

— Конечно, — согласился Блейн — В чем дело?

— Давайте не здесь. Не могли бы мы… пойти куда-нибудь?

Блейн усмехнулся и покачал головой. Она, казалось, ничем ему не угрожала, но Орк тоже выглядел безобидно. Доверившись незнакомцу в этом мире, вы рисковали потерять или сознание, или тело, или то и другое сразу.

— Я вас не знаю, — сказал Блейн, — и не знаю, откуда вы проведали мое имя. Что бы вам ни требовалось, лучше говорите прямо сейчас.

— Мне совсем не следовало вас беспокоить, —

упавшим голосом сказала женщина, — но я не могла заставить себя, я должна была с вами поговорить. Мне иногда становится так одиноко, вы ведь понимаете меня?

— Одиноко? Еще бы, но почему вы хотели поговорить именно со мной?

Она посмотрела на него с печалью.

— Да, конечно, ведь вы не знаете.

— Нет, не знаю, — терпеливо сказал Блейн. — Так почему?

— Пойдемте все-таки куда-нибудь. Я не могу говорить на улице.

— Вам придется, — сказал Блейн, решивший, что это какая-то очень тонкая игра.

— Ну хорошо, — вздохнула женщина, явно смущенная. — Я следила за вами довольно долго, мистер Блейн. Я узнала ваше имя и где вы работаете. Я должна была поговорить с вами. Это все из-за этого вашего тела.

— Что?

— Вашего тела, — повторила она, не глядя на Блейна. — Понимаете, это было тело моего мужа, прежде чем он продал его корпорации РЕКС.

Блейн открыл рот, но не мог найти подходящего ответа.

Блейн и до этого знал, что его тело прежде жи-

ло в этом мире своей жизнью. Оно совершало поступки, принимало решения, любило, ненавидело, оставило свой индивидуальный отпечаток на системе общества и сплело свою собственную сложную паутину отношений с другими людьми. Он даже мог бы предположить, что тело было женато, как и большинство остальных тел. Но он предпочитал не думать об этом. Он позволил себе удобное заблуждение, будто бы все, что касалось прошлого владельца тела, благополучно кануло в небытие.

Его собственная встреча с похищенным телом Рея Мелхилла должна была показать ему, насколько наивно такое отношение. И теперь, хотел он того или нет, ему придется вернуться к этой мысли.

Они отправились домой к Блейну. Женщина, Алиса Кранч, несмело примостилась на краю кушетки и взяла предложенную Блейном сигарету.

— Понимаете, так получилось, — начала она, — что Фрэнк — это было имя моего мужа. Фрэнк Кранч, — что он был постоянно недоволен положением вещей. Понимаете? У него была хорошая работа охотника, но он все не мог успокоиться.

— Охотника?

— Да, он был копьеносцем в китайской охоте.

— Гммм, — сказал Блейн, снова задумываясь над тем, что заставило его пойти на ту охоту. Его собственные потребности или спящие рефлексы Кранча? Что за досада, опять возникла эта проблема тела и сознания, и именно в тот момент, когда он уже, казалось, так ловко ее разрешил.

— Но он вечно был недоволен, — продолжала Алиса Кранч. — Это стало его больным местом, ведь богачи-то постоянно отправлялись в послежизнь. А Фрэнк всю жизнь ненавидел то, что он сам умрет, как собака. Да.

— И я его не виню, — сказал Блейн.

Она пожала плечами.

— А что еще остается? У Фрэнка не было возможности скопить нужные деньги. И это его беспокоило. А потом его тяжело ранили, очень тяжело. Наверно, у вас еще есть этот шрам на плече?

Блейн кивнул.

— Ну вот, он после этого сильно изменился. Охотники обычно не думают о смерти, а Фрэнк начал думать. Он думал о ней все время. А потом он встретил эту худющую девицу из РЕКСа.

— Мэри Тори?

— Вот-вот, ее, — сказала Алиса. — Худющая такая девица, вся как гвоздь, холодная, как рыбина.

Не понимаю, что в ней Фрэнк нашел. Он, конечно, иногда позволял себе баловство, все охотники так делают. Это все из-за напряжения опасности. Но баловство и есть баловство. Они — Фрэнк и девица из РЕКСа — стали прямо не разлей вода. Я просто не понимала, что он в ней нашел. То есть она была такая худая и такая вся замороженная. Что-то в ней было, конечно, но вид у нее был такой, словно она и спит, не раздеваясь. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Блейн кивнул, ощущая укол памяти.

— Продолжайте.

— Да, о вкусах не спорят, ясно, но я думала, что знаю Франка. И оказалось, что я его знаю, потому что он с ней ничего не имел. Это было только деловое общение. Однажды он пришел и сказал мне:

«Малютка, я тебя покидаю. Отправляюсь прямо в небеса, как чертовы богачи. Для тебя это тоже будет приятная, наверное, перемена». Алиса вздохнула и вытерла слезы.

— Этот остолоп продал тело! РЕКС дал ему страховку и пожизненную пенсию для меня. И он так собой гордился, чертов дурачок. Ну вот, я посинела от крика, старалась переубедить его. Куда там, он собрался отведать пирога в небе, и точка.

По его мнению, настал его черед, и в следующей охоте его должны были достать. Вот он и отправился. Один раз он поговорил со мной с Порога.

— Он еще на Пороге? — спросил Блейн, чувствуя холодок в затылке.

— Он молчит уже больше года, — сказала Алиса — Думаю, он уже перешел в послежизнь. Подлец!

Несколько секунд она плакала, потом вытерла глаза маленьким платочком и траурно посмотрела на Блейна.

— Я не буду вас беспокоить. В конце концов он сам продал свое тело, и теперь оно целиком ваше. Я ничего не требую от вас. Но мне так одиноко, так тоскливо.

— Представляю, — пробормотал Блейн, подумав, что она совсем не в его вкусе. То есть, объективно говоря, она была достаточно привлекательной. Симпатичная, но несколько пышновата. Четкие, приятные черты лица, смелые и явно украшенные гримом. Волосы, хотя и не от рождения рыжие, были мягкими и красиво падали на плечи. Он представил, как женщина такого типа ругается с полицейским, упер ев руки в бедра, или торгуется на рынке, тянет рыбачий невод, танцует фламенко под гитару или пасет

коз на горном склоне, длинная юбка путается в ногах, шелестит на крутых бедрах, а крестьянская блуза натягивается на груди… Но она не была в его вкусе.

Тем не менее, напомнил он себе, Фрэнк Кранч находил ее вполне соответствующей его вкусам. А он носит тело Кранча.

— Почти все наши друзья были охотниками в китайской игре, — продолжала Алиса. — Они, конечно, заходили иногда после того, как Франк отбыл. Но вы ведь знаете охотников, у них одно на уме.

— Так ли это? — спросил Блейн.

— Да. Поэтому я вернулась из Пекина в Нью-Йорк, где родилась. И однажды увидела Франка, то есть, вас. Я чуть сознание не потеряла. То есть, я могла ожидать чего-то такого, и все же не так-то просто это, когда видишь вдруг мужа на улице.

— Я тоже так думаю, — сказал Блейн.

— Поэтому я ходила за вами и все такое прочее. Я не хотела беспокоить вас, но не могла успокоиться. И я подумала, интересно, что вы за человек… Понимаете, Фрэнк был такой… то есть, он и я… нам было так хорошо вместе, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Конечно, — сказал Блейн.

— Я уверена, что вы думаете, что я уродина!

— Вовсе нет! — возразил Блейн. Она посмотрела прямо ему в лицо, с одновременно траурным и кокетливым выражением. Блейн почувствовал, как старый шрам Кранча начал пульсировать.

Помни, сказал он себе, Кранча больше нет. Теперь есть только Блейн. Воля Блейна, поступки Блейна, вкус Блейна…

Разве не так?

Эту проблему нужно решить, подумал он, схватив ждущую Алису в объятия и целуя ее с неблейновским пылом…

Утром Алиса приготовила завтрак. Блейн сидел, глядя в окно, и невесело размышлял.

Прошлая ночь доказала ему, что Кранч продолжал оставаться королем в государстве под названием тело-сознание Кранча-Блейна. Вчера ночью он вел себя с свершенно не в своей манере. Он был груб, нетерпелив, зол, ненасытен. Он был именно таким, каким ни за что не хотел бы быть раньше, и вел себя со страстностью, граничащей с безумием.

Это не был Блейн. Это был Кранч, тело-победитель. Блейн всегда ценил деликатность, тонкость, понимание нюансов. Слишком даже ценил, возможно. Но это были его достоинства,

это были черты его индивидуальности. С ними он был Томасом Блейном. Без них он был меньше, чем ничего, слабая тень вечно побеждающего Кранча.

Уныло размышлял он о будущем. Он прекратит борьбу, станет тем, чего требовало новое тело: драчуном, забиякой, сладострастным мерзавцем. Может быть, со временем он привыкнет к этому, и ему даже понравится…

— Завтрак готов, — объявила Алиса. Они завтракали в молчании, и Алиса грустно трогала синяк на предплечье. Блейн наконец-то не выдержал.

— Послушай, — сказал он. — Мне очень жаль.

— О чем ты?

— Обо всем.

Она слабо улыбнулась. — Все в порядке. Это моя вина.

— Сомневаюсь. Передай мне масло, пожалуйста — попросил Блейн.

Она подала ему масло. Несколько минут они продолжали молчать. Потом Алиса сказала:

— Я была такая глупая.

— Почему?

— Я теперь понимаю, что гналась за миражами — сказала она. — Я думала, что вдруг снова

встречу Фрэнка. Думала, что это будет как будто с Франком.

— А было не так?

Она покачала головой.

— Нет, конечно, не так.

Блейн аккуратно поставил на стол чашку с кофе.

— Я думаю, что Кранч был грубее. Я предполагаю, что он бросал тебя о стенку как мяч. Может быть…

— Нет, нет! — вскрикнула она. — Никогда! Мистер Блейн, Франк был охотником, и жизнь у него была нелегкая. Но со мной он всегда был истинным джентльменом. Да, он знал, как себя вести.

— Знал?

— Конечно! Франк всегда был нежен со мной, мистер Блейн. Он был… деликатным, если вы понимаете, что я имею в виду. Он никогда, никогда не был груб. Честно говоря, он был совершенной противоположностью вам, мистер Блейн.

— Вот как? — сказал Блейн.

— Нет, с вами все в порядке, — с запоздалым сочувствием сказала она. — Вы только чуть-чуть слишком быстры, но я думаю, у каждого свои привычки.

— Думаю, что так, — сказал Блейн.

— Да, я тоже думаю, что так.

Они завершили завтрак в неловкой тишине. Алиса, освободившаяся от своей навязчивой идеи, тут же ушла, ничем не намекнув даже на возможность новой встречи. Блейн сидел в большом кресле, смотрел в окно и думал. Значит, он вел себя совсем не как Кранч! Печальная истина заключается в том, сказал он себе, что он действовал в соответствии со своим представлением о Кранче. Все это было чистым самовнушением. Поддавшись припадку истерии, он убедил себя, что сильный, грубой профессии мужчина обязательно отнесется к женщине, как к дикому медведю.

Он действовал по стереотипу. И он чувствовал бы себя еще глупее, если бы не был так рад возвращению Блейна целым и невредимым.

Он нахмурился, вспомнив слова Алисы о Мэри: «худющая словно гвоздь, холодная, как рыба». Еще один стереотип. Но в данный момент он едва ли мог порицать Алису.

Несколько дней спустя Блейн получил извещение о том, что в Спиритическом коммутаторе его ждет сообщение. Он отправился туда после работы, и его направили в ту же кабину, которой он пользовался в первый раз.

— Привет, Том! — сказал усиленный голос Мелхилла.

— Привет, Рей. Я уже думал, куда это ты пропал!?

— Я все еще на Пороге, — объяснил ему Мелхилл, — но долго я здесь больше не задержусь. Надо мне двигать дальше и взглянуть, что это за послежизнь. Она меня манит. Но снова хотел с тобой поговорить, Том. Мне кажется, ты должен остерегаться Мэри Тори.

— В самом деле, Рей…

— Послушай меня. Она все время торчит в РЕКСЕ. Я не знаю, что там происходит, у них конференц-зал экранирован от психического вторжения. Но что-то там назревает, что-то опасное для тебя, и она в самом центре…

— Буду держаться настороже, — пообещал Блейн.

— Том, пожалуйста, прими мой совет. Уезжай из Нью-Йорка. Уезжай поскорее, пока у тебя есть и тело, и сознание в нем.

— Я не уеду, — сказал Блейн.

— Упрямый ты осел, — с чувством сказал Рей Мелхилл. — Что за смысл иметь доброго ангела, если ты не слушаешь его советов?

— Я ценю твою помощь, — сказал Блейн. —

Честное слово. Но скажи мне правду… что я выиграю, если убегу?

— Ты немного дольше останешься в живых.

— Немного дольше? Неужели дела так плохи?

— Да, достаточно. Том, главное помни — не доверяй никому. Теперь я должен идти.

— Ты еще поговоришь со мной, Рей?

— Возможно, — сказал Мелхилл. — А может быть, и нет. Удачи, малыш.

Беседа окончилась. Блейн вернулся в свою квартиру.

Следующий день был суббота. Блейн встал поздно. Приготовил завтрак и позвонил Мари. Ее не было дома. Он решил оставшуюся часть дня ничего не делать, только проигрывать сенсорозаписи.

В этот день к нему пришли два посетителя. Первым была тихая, горбатая женщина в темной, простой до суровости, униформе. На ее армейского типа кепке выделялись слова: «СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ».

— Сэр, — сказала она, слегка задыхаясь, — я собираю пожертвования в пользу Старой Церкви, организации, которая стремится к распространению веры в эти беспутные и безбожные времена.

— Прошу прощения, — сказал Блейн и начал

закрывать дверь.

Но, по всей видимости, он был не первым, с кем старушка имела дело. Она втиснулась между дверью и косяком и продолжала:

— Мы живем, мой юный сэр, в век Вавилонского Зверя, в век разрушения души. Это век Сатаны, время его обманчивого триумфа. Но не дай провести себя! Господь всемогущий допустил все это ради проверки и испытания, дабы отделить семена от плевел. Бойся поддаться искушению! Бойся встать на тропу греха, что лежит перед тобой такая сверкающая и манящая!

Блейн дал ей доллар, чтобы только она замолчала. Старушка поблагодарила, но продолжала говорить:

— Опасайся, юный сэр, этой последней приманки Сатаны-фальшивого рая, который люди называют послежизнью! Ибо лучше западни не мог враг божий изобрести для мира людей, чем эту величайшую из иллюзий! Будто бы преисподняя стала раем! И люди поддаются обману лживого коварства и с радостью отправляются в лапы Сатаны!

— Благодарю вас, — сказал Блейн, пытаясь закрыть дверь.

— Помни мои слова! — воскликнула старуш-

ка, не спуская с Блейна взгляда остекленевших голубых глаз — Послежизнь — это грех! Бойся пророков адской послежизни!

— Спасибо! — крикнул ей Блейн и закрыл, наконец, дверь.

Он снова уселся в мягкое кресло и включил проигрыватель. Почти целый час он был поглощен «Бегством на Венере». Потом в дверь постучали.

Открыв дверь, Блейн увидел невысокого, хорошо одетого молодого человека с серьезным выражением на круглом лице.

— Мистер Томас Блейн? — спросил молодой человек.

— Это я.

— Мистер Блейн, меня зовут Чарльз Фаррел, я представитель корпорации «МИР ИНОЙ». Могу я поговорить с вами? Если сейчас вы не можете, мы могли бы договориться о встрече…

— Входите, — сказал Блейн, широко распахнув дверь пророку адской послежизни.

Пророк по имени Фаррел оказался деловым, мягких манер человеком с приятным тихим голосом. Первое, что он сделал, это вручил Блейну фирменный бланк корпорации, где удостоверялось, что Чарльз Фаррел был полномочным представителем корпорации «МИР ИНОЙ». В тек-

сте имелось скрупулезное описание внешности Фаррела, его подпись, три фотографии с печатями и набор отпечатков пальцев.

— А вот мои удостоверения личности, — сказал Фаррел, раскрывая бумажник и показывая Блейну права на вождение вертолета, библиотечную карточку, регистрационную карточку избирателя и удостоверение государственной благонадежности. На отдельном листке специальной бумаги Фаррел отпечатал узоры своих папиллярных линий и предъявил листок Блейну для сравнения с отпечатками пальцев на бланке.

— Это все необходимо? — спросил Блейн.

— Совершенно необходимо, — заверил его Фаррел — В прошлом имели место несколько печальных случаев. Бесчестные пройдохи часто выдают себя за представителей корпорации, посещая доверчивых и бедных людей. Они предлагают страховку по сниженным ценам и, получив деньги, бегут из города. Очень многие люди потеряли все, что имели, и ничего не получили взамен. Потому что у этих жуликов, даже если они представляют нелегальные компании-однодневки, нет ни необходимого дорогого оборудования, ни высококвалифицированных операторов, которые это оборудование могли бы

обслуживать.

— Я этого не знал, — сказал Блейн. — Может, вы присядете?

Фаррел сел на стул.

— Мы пытаемся с этим бороться. Но компании-однодневки быстро меняют места расположения, и их нелегко поймать на горячем. Поэтому лишь «МИР ИНОЙ» и еще две компании, имеющие одобренные правительственными экспертами машины, гарантируют то, что они предлагают, — жизнь после смерти.

— А как с различными системами психологической тренировки? — поинтересовался Блейн.

— Я специально ничего о них не упоминал, — сказал Фаррел. — Это совсем другая категория. Если вы обладаете терпением и решимостью, необходимыми для двадцати лет упорного труда над собой, то могу вас поздравить. Если нет, то вам требуется научный метод и его практическое приложение к вам лично. И здесь мы к вашим услугам.

— Я хотел бы узнать об этом поподробнее, — сказал Блейн. Мистер Фаррел поудобнее уселся на стуле.

— Наверное, вы, как и остальные люди, хотели бы знать, что есть жизнь? И что есть смерть? И

что такое сознание? Каким образом взаимодействуют сознание и тело? Зависят ли они друг от друга или нет? Или существует ли на самом деле душа? — мистер Фаррел улыбнулся. — Не на эти ли вопросы вы желали бы услышать у меня ответ?

Блейн кивнул. Фаррел продолжил.

— Так вот, я ничего не могу вам сказать. Мы просто ничего не знаем, не имеем ни малейшего понятия. Мы относим эти вопросы к области философии и религии, и корпорация «МИР ИНОЙ» не имеет намерения даже пробовать ответить на них. Нас интересуют результаты, а не размышления. Мы подходим к вопросу с чисто практических позиций. Нас не интересует, почему мы получаем именно такие результаты, и насколько они в порядке обыденного хода вещей. Дают ли они практический результат? Вот что нас интересует.

— Я думаю, мне все ясно, — сказал Блейн.

— Это очень важно. Теперь я должен прояснить для вас еще один вопрос. То, что мы предлагаем, не имеет ничего сходного с раем.

— Ничего?

— Абсолютно! Рай — это религиозное понятие, концепция, а мы никак не связаны с религией.

Наша послежизнь — это сознание, выжившее после смерти тела. Вот и все. И мы вовсе не утверждаем, что послежизнь — это рай, так же, как первые антропологи не могли утверждать, что будто бы найденные ими кости питекантропов являются останками Адама и Евы.

— До вас ко мне заходила старушка, — сказал Блейн. — Она утверждала, что послежизнь — это ад.

— Фанатичка, — с усмешкой сказал Фаррел. — Она всюду за мной следит. И, насколько мне известно, она совершенно права.

— Что же вам известно о послежизни?

— Не так уж много, — объяснил Фаррел — Наверняка известно только следующее: после смерти тела сознание помещается в область, называемую Порогом, существующую между Землей и послежизнью. Это, как мы предполагаем, своего рода подготовительная ступень послежизни. Попав туда, сознание может по своей воле перейти в послежизнь как таковую.

— Но что представляет из себя послежизнь?

— Мы не знаем. Можно только сказать, что это нематериальная область. Все остальное — чистые измышления. Некоторые считают, что сознание — это сущность человеческого тела, и поэтому

сущности прочих земных вещей могут быть перенесены вместе с ним в послежизнь. Возможно, это так и есть. Другие не согласны. Некоторые думают, что послежизнь — это место, где души ждут своей очереди, чтобы возродиться в других телах на иных планетах. Возможно, они правы. Другие предполагают, что послежизнь — это только первая ступень в неземной жизни человека, и имеется еще шесть, все более сложных, кульминирующих в своего рода нирвану. Быть может, они правы. Говорили также, что послежизнь — это обширное, туманное пространство, где вы будете вечно скитаться в одиночестве, в поисках, без надежды найти им конец. Мне попадались теории, доказывающие, что люди располагаются в послежизни по семейному признаку, другие утверждали, что они группируются по расовым признакам, по религиозному или социальному положению. Некоторые люди, как вы заметили, считают, что души попадают прямо в ад. Существуют приверженцы теории, утверждающей, что сознание совершенно исчезает, покидая Порог. И есть люди, обвиняющие корпорацию в обмане общественности. Последние научные работы уверяют, что в послежизни вы найдете все, что хотите: царство Божие, рай, Валгаллу,

зеленые лужайки, выбирайте, что нравится. Предсказывают, что в послежизни правят древние боги — скандинавские, гаитянские или из бельгийского Конго, в зависимости от того, чью теорию вы рассматриваете. Естественно, противная теория доказывает, что нет и не может там быть никаких богов. Мне попалась однажды английская книга, уверявшая, что в послежизни правят английские духи. А американская книга утверждала, что правят там американцы. Несколько лет назад появилась книга, доказывающая, что в послежизни царит анархия. Ведущий философ настаивает на том, что соревнование — это закон природы, и соответственно этот закон должен распространяться на послежизнь. И так далее. Можете взять на вооружение любую из этих теорий, мистер Блейн, или придумать свою.

— А что вы сами думаете? — спросил его Блейн.

— Я? Я придерживаюсь открытого взгляда, — ответил Фаррел. — Когда придет время, я отправлюсь туда и лично все узнаю.

— Мне это нравится, — сказал Блейн, — но, к сожалению, у меня нет возможности. Таких денег, что дерете с людей вы, у меня нет и не будет.

— Я знаю, — сказал Фаррел — Я ознакомился с

состоянием ваших финансов, прежде чем нанести визит.

— Тогда зачем…

— Каждый год, — прервал его Фаррел — распространяется определенное количество бесплатных послежизненных страховок. Часть финансируется корпорациями и различными фондами, часть — разыгрывается в лотерею. Я рад сообщить вам, мистер Блейн, что вы попали в число этих счастливцев, получивших бесплатную страховку.

— Я?

— Позвольте поздравить вас, — сказал Фаррел — Вам чрезвычайно повезло.

— Но кто подарил мне страховку?

— Текстильная компания «Майи-Фарбенгер».

— Никогда не слышал о них.

— Зато они слышали о вас. Дар сделан в честь вашего переноса из 1958 года. Вы принимаете его?

Блейн пристально смотрел на представителя корпорации «МИР ИНОЙ». Кажется, Фаррел говорит правду. Во всяком случае, эту историю легко проверить в самой корпорации. Неожиданный подарок судьбы вызвал у Блейна законные подозрения. Но мысль о возможности получить жизнь после смерти перевесила все возможные

сомнения, отбросила в сторону все возможные опасения. Осторожность никогда не мешает, но только не в тот момент, когда перед тобой открываются ворота послежизни.

— Что я должен сделать? — спросил он.

— Просто последовать со мной в здание корпорации, — сказал Фаррел — На необходимую процедуру уйдет всего лишь несколько часов. Бессмертие! Жизнь после смерти!

— Хорошо, — сказал Блейн. — Я принимаю подарок. Пойдемте!

Они немедленно покинули квартиру Блейна.

Гелитакси доставило их непосредственно в здание корпорации «МИР ИНОЙ». Фаррел провел Блейна в Приемный Отдел и вручил ксерокопию страховки Блейна заведующей. С Блейна сняли отпечатки пальцев и он предъявил свое охотничье удостоверение для доказательства идентичности личности. Женщина сверила все данные со списком лиц, назначенных на Прием. Окончательно удовлетворившись, она подписала необходимые бумаги.

Потом Фаррел отвел Блейна в примерочную, пожелал ему удачи и ушел.

В примерочной целая компания молодых операторов устроила Блейну настоящий экзамен.

Ряды калькуляторов трещали и щелкали, извергая рулоны бумажной ленты и потоки перфокарт. Зловещего вида аппараты булькали я попискивали, вспыхивали громадные красные огни, подмигивали Блейну и меняли цвет на янтарный. Самописцы чертили графики на листах клетчатой бумаги. И на фоне всей этой деятельности операторы вели оживленную профессиональную беседу.

— Забавная бета-реакция. Думаешь, можно сгладить пик?

— Конечно, просто понизим коэффициент побуждения.

— Не люблю я этого. Ослабляет сеть.

— А слишком уж понижать не нужно. Он и так перенесет травму.

— Возможно…. Как, там с фактором Хенлингера? Ничего нет.

— Это потому, что он в телоносителе. Потом появится.

— А у того, на прошлой неделе, так и не появился. Парень взлетел, как ракета.

— Во-первых, он был немного нестабильный.

Блейн встревожился:

— Эй! Что, эта штука может не сработать?

Операторы уставились на него, словно видели

в первый раз.

— Случай на случай не приходится, брат, — сказал один оператор.

— К каждому нужен особый подход.

— Это всякий раз проблема.

— Мне говорили, что процедура давно уже отработана, что ошибок не бывает, — сказал Блейн.

— Ясное дело, так они говорят клиентам, — скорбно заметил один из операторов. — Это одна реклама.

— Тут у нас каждый день бывают неполадки. До совершенства еще далеко.

— Но вы можете сказать, удалась ли процедура или нет? — тревожно спросил Блейн.

— Конечно. Если она удалась, ты остаешься жив-здоров. — Если нет — ты отсюда уже не выходишь.

— Она обычно удается, — ободряюще сказал оператор, — кроме случаев с К—З.

— Чертов К—З фактор, он все дело нам портит. А ну-ка, Джемисен, скажи нам, К—З он или нет?

— Я не уверен, — сказал Джемисен, сгорбившись над мигающими индикаторами своего пульта. — Тестирующая машина опять барахлит.

— А что такое К—З? — спросил Блейн.

— Если бы мы знали, — уныло сказал Джеми-

сен. — Наверняка известно только, что парни с К—З не выживают после смерти.

— Ни при каких обстоятельствах.

— Старик Фицрой считает, что это встроенный природой ограничивающий фактор.

— Но он не передается по наследству.

— Все равно, остается возможность, что он прячется в гене и проявляется через несколько поколений.

— А я — не К—З? — спросил Блейн, стараясь, чтобы голос его не дрожал.

— Кажется, нет, — спокойно сказал Джемисен — Он редко встречается. Сейчас проверю.

Блейн ждал, пока операторы обрабатывали свои данные, а Джемисен пытался определить на своей барахлившей машине, имеется ли у Блейна зловещий фактор К—З. Немного спустя Джемисен поднял голову.

— Так, по-моему, он не К—З. Хотя кто же может сказать наверняка? Все равно, давайте начинать. — А что теперь? — с беспокойством спросил Блейн. В руку ему вошла игла шприца. — Не беспокойся, — сказал оператор, — все будет отлично.

— Вы уверены, что я не К—З? — спросил Блейн. Оператор рассеянно кивнул. Блейн хотел задать

еще вопрос, но голова вдруг у него закружилась. Операторы подняли его, положили ка белый операционный стол.

Когда он пришел в себя, то лежал на удобной кушетке, играла успокаивающая музыка. Медсестра протянула ему стакан хереса, рядом с ней, сияя, стоял мистер Фаррел.

— Все в порядке? — спросил Блейн.

— Еще бы. Все прошло, как по нотам.

— Правда?

— Ошибки быть не может. Мистер Блейн, послежизнь вам обеспечена.

Блейн допил херес и встал, слегка покачиваясь.

— Жизнь после смерти мне обеспечена? Когда бы я ни умер? И отчего бы я ни умер?

— Именно так. Независимо от того, как и когда вы умрете, ваше сознание выживет после смерти тела. Как вы себя чувствуете?

— Не знаю, — сказал Блейн.

Лишь полчаса спустя, когда он вернулся домой, наступила первая реакция. Послежизнь принадлежит ему!!!

Его охватило внезапное бурное возбуждение. Теперь ему нечего бояться, теперь на все плевать! Он бессмертен! Его могут убить на месте, а он не

умрет вместе с телом!

Он словно опьянел от радости. Небрежно представил он, как бросается под колеса проезжающего грузовика. Какое это имеет значение, в самом деле? Теперь ему ничего не страшно! Можно пойти в берсеркеры, со смехом наводить ужас на толпу прохожих. Почему бы и нет? «Голубые рубашки» могут только убить его, не больше.

Это было совершенно неописуемое чувство. Талько теперь понял Блейн, с каким бременем жили люди до открытия послежизни. Он вспомнил об этом тяжелом, постоянном, бессознательном бремени, которое невидимо соизмерялось с каждым поступком и сопровождало каждое движение. Древний враг человечества, смерть, тень, что ползла по проходам и коридорам сознания человека словно отвратительный желудочный паразит, призрак, отравлявший дни и ночи своим преследованием, некто, притаившийся за углом, неясный силуэт в ночи за дверью, незримый гость на каждом пиру, незамечаемая фигура в каждом пейзаже, вечно присутствующая, вечно ждущая…

Ее больше нет.

С этого момента чудовищный груз, тяготивший ею сознание, был поднят. С чувством пьянящей

радости сознавал он, что страх смерти исчез, и он ощущал просто воздушную легкость. Смерть, главнейший враг, была побеждена!

Он вернулся в свою квартиру в состоянии высочайшей эйфории. Когда он открывал замок, он услышал звонок телефона.

— Говорит Блейн!

— Том! — Это была Мэри Тори. — Где ты был? Я целый день пытаюсь к тебе дозвониться!

— Я уходил, дорогая, — сказал Блейн. — А где же это ты была до сих пор?

— В РЕКСе — сказала она. — Я хотела узнать, что они задумали. Теперь слушай внимательно, у меня важная новость.

— У меня тоже есть для тебя важная новость, малышка, — сказал Блейн.

— Слушай меня! Сегодня к тебе придет человек. Он скажет, что он агент из корпорации «МИР ИНОЙ», и предложит тебе страховку. Не бери ее.

— Почему? Он не агент?

— Нет, он настоящий представитель корпорации, все честно. Но ты не должен соглашаться.

— Я уже согласился, — сказал Блейн.

— Ты что?...

— Он приходил несколько часов назад. Я принял страховку.

— Они уже обработали тебя?

— Да. Это все розыгрыш?

— Нет, — сказала Мэри — конечно, нет. Ох, Том, когда же ты, наконец-то, научишься не доверять предложениям незнакомых людей? Для страховки нашлось бы время потом… Том, Том!

— Что случилось? — спросил Блейн. — Это был подарок текстильной корпорации «Майи-Фарбенгер».

— Она полностью принадлежит РЕКСУ, — объяснила ему Мэри.

— А-а… Ну и что?

— Том, эту страховку тебе дали управляющие РЕКСа. Они использовали «Майи-Фарбенгер» как ширму, но страховку предоставил тебе именно РЕКС! Теперь ты понимаешь, что это значит?

— Нет. Будь так добра, перестань кричать и объясни, в чем дело.

— Том, это все раздел о Разрешенном Убийстве из Закона о Самоубийстве. Они хотят им воспользоваться.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о том разделе Закона о Самоубийстве, который делает законным изъятие телоносителя. РЕКС гарантировал выживание твоего сознания после смерти и ты принял страховку.

Теперь они могут законным путем забрать у тебя тело для любой своей цели. Оно принадлежит им. Они имеют право убить твое тело, Том!

— Убить меня?

— Да. И они, конечно, так и сделают. Правительство намерено начать дело против корпорации за нелегальную транспортировку тебя из прошлого. Если ты исчезнешь, исчезнет и причина для неприятностей. Теперь слушай. Ты должен уехать скорее из Нью-Йорка и, возможно, из страны вообще. Может, тогда они оставят тебя в покое. Я помогу тебе. Думаю, ты должен… Телефон замолчал.

Блейн несколько раз поднимал и опускал трубку, но не было слышно даже гудка. Линия явно была нарушена.

Эйфория, которой он был наполнен несколько минут назад, испарилась как дым. Пьянящее чувство свободы от страха смерти исчезло. Как он только подумал о берсеркеризме? Он хотел жить. Он хотел жить во плоти на той Земле, которую знал и любил. Существование в форме духа совсем не привлекало. И в ближайшем будущем не должно было привлечь. Он хотел жить среди вещей, которые можно потрогать, дышать полной грудью, есть и пить, чувствовать свое тело и тела

других людей.

Когда они попытаются убить его? Когда захотят, в любое время. Блейн быстро сунул в карман все имеющиеся деньги и поспешил к двери. Открыв ее, он посмотрел по сторонам. В коридоре было пусто.

Он выскочил за дверь, помчался по коридору и вдруг замер.

Из-за поворота как раз вышел человек. Он стоял посреди прохода, в руках у него был большой излучатель, направленный прямо в живот Тому Блейну. Это был Сэмми Джоунс.

— Ах, Том, Том, — вздохнул Джоунс. — Поверь, мне очень тебя жаль. Но дело есть дело.

Блейн стоял, словно парализованный, глядя, как ствол излучателя поднимается на уровень его груди.

— Почему именно ты? — с трудом выговорил он.

— А кто еще? — удивился Джоунс. — Разве я не лучший охотник в Западном полушарии и, наверное, в Европе тоже? РЕКС нанял нас всех, здесь, в районе Нью-Йорка. Но только на этот раз с пулевым и лучевым оружием. Мне очень жаль, Том.

— Но я тоже охотник, — сказал Блейн.

— Ты будешь не первым и не последним, парень. Такова наша игра. Не шевелись. Я все сделаю быстро.

— Я не хочу умирать! — вздохнул Блейн.

— Почему? У тебя ведь есть страховка.

— Меня обманули! Я хочу жить! Сэмми, не надо!

Лицо Сэмми Джоунса напряглось. Он тщательно прицелился, потом опустил излучатель.

— Я становлюсь слишком чувствительным, — сказал он. — Ладно, Том, давай, беги. У каждой Жертвы должна быть в начале фора. Так даже интересней. Но я даю тебе совсем немного.

— Спасибо, — крикнул Блейн, помчавшись вниз по ступенькам.

Он выскочил на улицу, но не знал, куда бежать. Но на раздумье времени не было. Скоро вечер, темнота поможет ему. Он выбрал направление и пошел.

Почти инстинктивно ноги несли его в городские трущобы.

Он шел мимо обветшалых многоэтажных домов, мимо дешевых салунов и ночных клубов, сунув руки в карманы, и пытался размышлять. Нужно придумать план. Охотники настигнут его через час или два, если он не придумает что-ни-

будь, не найдет способа бежать из Нью-Йорка.

Джоунс сказал ему, что за транспортом следят. На что же ему тогда надеяться? Он без оружия, беззащитный…

Что ж, этому горю он мог помочь. С пистолетом в руках положение будет не таким безнадежным. Даже очень. Как указывал Халл, охотник имел законное право стрелять в Жертву, но если Жертва стреляла в охотника, она подлежала аресту и суду.

Если он подстрелит охотника, полиции придется арестовать его! Дело запутается, усложнится, но он избежит немедленной опасности.

Он шел, пока не оказался рядом с ломбардом. В его витрине имелась богатая коллекция пулевого и лучевого оружия, ножей, кинжалов, мачете и так далее. Блейн вошел в лавку.

— Мне нужен пистолет, — сказал он усатому продавцу за прилавком.

— Пистолет. Ага. Какого типа? — спросил продавец.

— У вас есть лучевые пистолеты?

Человек за прилавком кивнул и наклонился к ящику. Он извлек блестящий большой пистолет с красивой медной отделкой.

— Вот, например, — сказал он, — отличная

модель. Это настоящий Сайде-Берн, иглолучевой пистолет для большой венерианской охоты. На расстоянии в пять сотен ярдов он проделывает дыру во всем, что ходит, ползает или летает. Вот здесь — селектор рассеивания. Можно дать широкий луч для работы на короткой дистанции или отрегулировать на игольную толщину для дальней стрельбы.

— Прекрасно, прекрасно, — сказал Блейн, доставая из кармана купюры.

— Вот эта кнопка, — продолжал ростовщик, — регулирует время разряда. Один щелчок увеличивает время на четверть секунды. Поставьте его на автомат, и будет работать, как коса. Батареи хватает на четыре часа, а в этой, что заряжена сейчас, осталось энергии на три часа работы. Кроме того, вы можете использовать пистолет в домашней мастерской. При помощи особых креплений и снизив мощность до минимума, вы сможете резать лучом пластик лучше, чем пилой. В другом режиме он может работать в качестве горелки. Специальные глушители можно приобрести…

— Я беру его, — перебил ростовщика Блейн. Ростовщик кивнул.

— Могу я взглянуть на ваше разрешение? Блейн

вытащил свою охотничью лицензию и показал продавцу. Тот кивнул и с тягостной медлительностью выписал чек.

— Вам завернуть?

— Не беспокойтесь. Я так понесу.

— Семьдесят пять долларов, — сказал ростовщик. Когда Блейн бросил на прилавок купюры, ростовщик сверился со списком на стене у себя за спиной.

— Стоп! — внезапно сказал он.

— Что?

— Я не могу продать вам оружие.

— Почему? — спросил Блейн. — Я показал вам лицензию.

— Но вы не сказали, что вы — Жертва. А у Жертв не должно быть оружия. Ваше имя передали в списке полчаса назад. Легально вы не купите оружия нигде в Нью-Йорке, мистер Блейн.

Ростовщик подтолкнул купюры обратно к Блейну. Тот попытался схватить пистолет, но ростовщик успел сделать это раньше и направил ствол на Блейна.

— Стоило бы уменьшить им хлопоты, — сказал он. — У тебя есть твоя чертова страховка, так чего тебе еще нужно?

Блейн стоял совершенно неподвижно. Ростов-

щик опустил пистолет.

— Но это не моя забота, — сказал он. — Охотники и так быстро тебя возьмут.

Он протянул руку под прилавок и нажал кнопку. Блейн повернулся и выбежал из лавки. Уже темнело. Но он обнаружил себя. Охотники скоро доберутся сюда.

Ему показалось, что кто-то зовет его. Он протискивался сквозь толпу, не оглядываясь назад, стараясь что-нибудь придумать. Он не мог умереть просто так. Не мог он перенестись через 152 года в будущее, чтобы быть пристреленным на глазах миллионной толпы — это было просто несправедливо.

Он заметил, что его догоняет ухмыляющийся человек. Это был Тезей, в руке он сжимал пистолет и выжидал удобного для выстрела момента.

Блейн помчался со всех ног, пробрался сквозь толпу и выскочил в боковую улицу. Он помчался по ней, вдруг замер.

В дальнем конце улицы, четко выделяясь на фоне освещенной стены, стоял человек. Одну руку человек упер в бедро, другую поднял в положении для стрельбы. Блейн заколебался, потом обернулся в сторону Тезея.

Маленький охотник выстрелил, опалив рукав

Блейна. Блейн кинулся к открытой двери, которую вдруг захлопнули у него перед носом. Второй выстрел прожег пиджак.

Словно во сне, следил он за приближающимися охотниками. Тезей был уже близко, второй охотник блокировал путь к бегству. Блейн побежал в сторону второго охотника, едва передвигая налившиеся свинцом ноги. Он бежал мимо решеток канализации, вентиляционных шахт метро, мимо опущенных на витрины железных штор и запертых входных дверей.

— Отойди, Тезей — крикнул второй охотник. — Я его достану!

— Давай, Хендрик! — крикнул в ответ Тезей и прижался к стене, чтобы избежать выстрела.

Второй охотник, до которого оставалось ярдов пятьдесят, прицелился и выстрелил. Блейн бросился на мостовую, и луч прошел над головой. Он откатился в сторону, пытаясь найти иллюзорную защиту за проемом двери. Луч прыгнул вслед за ним, опаляя бетон, обращая лужи у сточных решеток в пар.

Потом решетка вентиляции метро поддалась под тяжестью его тела.

Падая, он сообразил, что решетку, очевидно, повредил луч пистолета. Слепой случай! Но нужно

приземлиться на ноги. Он должен не потерять сознание, уползти с открытого места, использовать счастливый случай. Если он потеряет сознание, тело его будет лежать на дне открытой шахты и станет легкой жертвой для охотников наверху.

Он попытался перевернуться на лету. Слишком поздно. Он приземлился на плечи, и голова его сильно ударилась о железную опору. Но необходимость оставаться в сознании была так велика, что он заставил себя встать

Он должен был отойти подальше от шахты, в глубь переходов метро, где они не смогут его найти.

Но даже одного шага было для него достаточно. С кошмарной легкостью ноги под ним согнулись, он упал лицом вниз, перевернулся и увидел над собой зияющее отверстие шахты. Потом он потерял сознание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда он снова пришел в себя, то решил, что послежизнь ему не нравится. Было темно, воняло прогорклым маслом и плесенью. К тому же голова у него болела, а спину словно разломили на три части.

Может у духа болеть голова? Блейн пошевелился и обнаружил, что все еще обладает телом. По правде говоря, он его просто чувствовал. Нет, он явно находился не в послежизни.

— Полежи еще немного, — сказал голос из темноты.

— Кто это? — спросил Блейн.

— Смит.

— А, это ты. — Блейн сел и схватился за голову, в которой пульсировала боль. — Как тебе это удалось, Смит?

— Я чуть не опоздал, — сказал зомби. — Как только тебя объявили Жертвой, я поспешил к тебе на помощь. Несколько моих друзей согласились помочь, но ты двигался слишком быстро. Я звал тебя, когда ты вышел из ломбарда.

— Да, мне показалось, что я слышу имя, —

вспомнил Блейн.

— Если бы ты оглянулся, мы успели бы впустить тебя сюда вниз еще тогда. Но ты не обернулся, поэтому мы пошли за тобой. Несколько раз мы открывали решетки стоков и шахт, но трудно было угадать подходящий момент. Мы каждый раз немного опаздывали.

— Но не в последний раз, — сказал Блейн.

— Да, мне пришлось открыть решетку прямо под тобой. Мне очень жаль, что ты ушиб голову.

— Где я сейчас?

— Я оттащил тебя от главной линии, — сказал Смит. — Ты в боковом проходе. Охотники не найдут тебя здесь.

И снова Блейн не мог найти подходящих слов, чтобы поблагодарить Смита. И снова Смит не ждал благодарностей.

— Я сделал это не ради тебя, Блейн, а ради себя. Ты мне необходим.

— Ты вспомнил зачем?

— Пока нет, — сказал Смит.

Глаза Блейна, привыкшие к темноте, выхватили из нее очертания головы и плеч зомби.

— Что теперь? — спросил он.

— Теперь ты в безопасности. По подземным путям мы можем довести тебя до Нью-Джерси.

Дальше тебе придется пробираться самому. Но не думаю, что это будет особенно трудно.

— А чего мы теперь ждем?

— Мистера Кина. Мне требуется его разрешение, чтобы провести тебя по нашей территории.

Они ждали. Через несколько минут Блейн разглядел миниатюрный силуэт мистера Кина, который приближался, опираясь на руку негра.

— Очень вам сочувствую, — сказал мистер Кин, присаживаясь рядом с Блейном. — Очень сочувствую.

— Мистер Кин, — обратился к нему Смит, — если бы вы разрешили мне провести моего друга через старый Голландский туннель до Нью-Джерси…

— Мне действительно очень жаль, — сказал Кин, — но я не могу этого позволить.

Блейн огляделся по сторонам. Их окружала дюжина зомби.

— Я говорил с охотниками, — продолжал мистер Кин, — и дал им гарантию, что вы будете выпущены на поверхность через полчаса и не более того. Вам придется уйти, Блейн.

— Но почему?

— Мы просто не можем позволить себе оказать вам помощь, — объяснил мистер Кин. — Я и в

первый раз шел на риск, позволив вам осквернить гробницу Рейли. Но я сделал это ради Смита, поскольку его судьба каким-то образом связана с вашей. А Смит — один из моих подопечных. Но на этот раз вы требуете слишком много. Вы ведь знаете, что нас здесь только терпят.

— Я знаю, — сказал Блейн.

— Смит должен был учесть последствия. Когда он открыл для вас решетку, вниз повалили охотники. Они вас не нашли, но они знали, что вы где-то здесь, внизу. И они устроили обыск, Блейн, обыск! Десятки охотников, они заполнили наши коридоры, они толкали моих людей, угрожали, кричали в эти свои радиопередатчики. Явились также репортеры и даже зеваки. Некоторые охотники, помоложе, потеряли присутствие духа и начали стрелять в зомби.

— Мне очень жаль, — сказал Блейн.

— Это не ваша вина. Но Смит должен был подумать лучше. Наш подземный мир — это не суверенное королевство. Мы существуем только по снисхождению властей, нас терпят, но могли бы стереть с лица земли в любой момент. Поэтому я обратился к охотникам и репортерам.

— Что вы им сказали? — спросил Блейн.

— Я сказал, что решетка провалилась сама по

себе оттого, что проржавела. Что вы попали сюда случайно и где-то затаились. Я заверял, что зомби в этом деле не замешаны, что мы найдем вас и вернем на поверхность.

— Спасибо, — поблагодарил его Блейн. — И тебе, Смит, спасибо.

— Я старался, как мог, — сказал Смит. — Если ты умрешь, я тоже, наверное, умру. Если ты выживешь, я буду стараться вспомнить тебя.

— И если вспомнишь?

— Тогда я тебя найду, — сказал Смит. Блейн кивнул и начал подниматься по лестнице. Снаружи была глубокая ночь, на 79-й улице не было видно ни души. Блейн стоял рядом с выходом, осматриваясь и думая, что же теперь предпринимать.

— Блейн!

Кто-то звал его. Но это была не Мэри, как он ожидал. Это был мужской голос, знакомый голос — Сэмми Джоунс, кажется, или Тезей.

Он быстро повернулся к выходу из метро. Дверь была закрыта и надежно заперта изнутри,

— Том, Том, это я!

— Рей?

— Конечно! Говори потише. Охотники неподалеку. Подожди-ка.

Блейн ждал, присев у входа в заброшенную

линию метро, оглядываясь по сторонам. Нигде не было и намека на присутствие Мелхилла. Не было обычной эктоплазменной дымки, ничего, кроме голоса.

— Хорошо, — сказал Мелхилл. — Иди на запад. Быстро.

Блейн пошел, ощущая незримое присутствие парящего над ним Мелхилла.

— Рей, откуда ты здесь? — спросил он.

— Я успел в самый раз, — сказал Мелхилл — Этот старик Кин связался с твоей Мэри, и она нашла меня через Спиритический коммутатор. Погоди! Стой на месте.

Блейн нырнул за угол здания. На высоте крыши медленно проплыл вертолет.

— Охотники, — сообщил Мелхилл. — На тебя идет охота, большая охота, малыш. Объявлены награды даже за информацию о твоем местонахождении. Том, я сказал Мэри, что попытаюсь помочь. Не знаю, насколько меня хватит. Я быстро теряю энергию. После этого мне дорога прямо в послежизнь.

— Рей! Я даже не знаю, как…

— Брось. Слушай, я не могу говорить долго. Мэри договорилась с одним из друзей. У них есть план, и мне нужно только провести тебя к ним.

Стой!

Блейн спрятался за большим ящиком для писем. Едва тянулись секунды. Потом мимо пробежали три охотника с пистолетами в руках. Когда они повернули за угол, Блейн покинул убежище и пошел дальше.

— Ну и глаза у тебя, — сказал он Мелхиллу.

— Сверху хорошо видно, — согласился Мелхилл. — Быстро перейди эту улицу!

Блейн бросился бежать. В течение следующих пятнадцати минут, руководствуясь указаниями Мелхилла, он метался по лабиринту улиц, словно на поле боя, которым стал для него город.

— Вот она, — сказал наконец Мелхилл — Вот та дверь, номер 341. Мы добрались, Том! Еще увидимся. Осторожно…

В этот момент из-за угла вышли два человека, остановились и уставились на Блейна. Один из них сказал:

— Гляди-ка, это он!

— Кто он?

— Тот парень, за которого обещали награду. Эй, ты!

Они бросились к Блейну. Блейн, размахнувшись, быстро отправил одного мужчину в бессознательное состояние. Он стремительно

развернулся, приготовившись уложить второго, но Мелхилл уже овладел ситуацией.

Второй мужчина сгорбился, пытаясь защититься от левитировавшей над ним урны с мусором. Урна с сердитым звоном стукнула его по затылку и, перевернувшись, плотно села ему на голову по самые уши. Блейн шагнул вперед и довел дело до конца.

— Все отлично, — сказал Мелхилл, голос его был едва слышен. — Давно хотел себя попробовать в качестве призрака. Но это тяжеловато… Удачи, Том!

— Рей!

Блейн подождал, но ответа не было, и чувство присутствия Мелхилла исчезло.

Он больше не стал ждать, приблизился к двери с номером 341, открыл ее и вошел.

За дверью тянулся узкий коридор. В конце его была еще одна дверь. Блейн постучал.

— Входите, — сказали ему.

Он открыл дверь и вошел в тесную, грязную комнату с тяжелыми портьерами на окнах.

Блейн был уверен, что удивить его уже ничто не сможет. Но он был поражен, обнаружив, что на него с усмешкой смотрит Карл Орк, похититель тел. А рядом с ним сидел, тоже ухмыляясь,

маленький Джо, толкач от Трансплант-игры.

Блейн инстинктивно отшатнулся назад, к двери, но Орк успокаивающе поманил его. Похититель тел внешне совсем не изменился, был таким же высоким и жилистым, с вытянутым унылым лицом, загорелый, с прямым и честным взглядом прищуренных глаз. Одежда все так же неловко сидела на нем, словно он больше привык к джинсам, чем к модному костюму.

— А мы тебя ждем, сказал Орк — Ты, конечно же, помнишь Джо.

Блейн кивнул, он очень хорошо помнил хитроглазого коротышку, который отвлекал его внимание, пока Орк подсыпал ему наркотик в стакан.

— Счастлив снова увидеть вас, — приветствовал его Джо.

— Могу представить, — сказал Блейн, не делая попытку отойти от дверей.

— Входи и присаживайся, — предложил Орк. — Мы тебя не укусим, Том. Честное слово. Что было, то прошло.

— Ты попытался убить меня.

— Это мой бизнес, — со свойственной ему прямотой сказал Орк — Но сейчас мы играем за одну команду.

— Откуда мне знать?

— Еще ни один человек не ставил под сомнение мое честное слово. Когда я его по-настоящему даю, вот как сейчас. Мисс Тори наняла нас, чтобы мы спрятали тебя и вывезли из страны. Садись и обсудим наш план. Ты голоден?

Нехотя Блейн сел за стол. На нем лежали бутерброды и стояла бутылка красного вина. Он вдруг вспомнил, что не ел целый день. Он набросился на бутерброды, пока Орк покуривал тонкую сигару, а Джо, похоже, дремал.

— Знаешь, — сказал Орк, выпуская клуб голубого дыма, — я почти было решил не браться за это дело. Не потому, что мне мало предложили, наоборот, мисс Тори проявила немалую щедрость. Понимаешь, Том, это одна из самых больших охот на человека в нашем славном городе. Ты когда-нибудь видел что-то подобное, Джо?

— Никогда, — заверил Джо, быстро тряся головой. — Весь город стал прямо как липучка для мух.

— РЕКС взялся за тебя основательно, — сказал Орк. — Дана команда пристукнуть твое несчастное тело при первой же возможности. Конечно, когда против тебя такая организация, человеку не по себе. Но это настоящая проблема.

— Карл любит настоящие проблемы, — сообщил Джо.

— Да, сознаюсь, — согласился Орк — Особенно, если грозит неплохой заработок.

— Но куда мне бежать? — спросил Блейн. — Где РЕКС не сможет меня найти?

— Почти что некуда, — печально сказал Орк.

— Убежать с Земли? На Марс? Венеру?

— Это еще хуже. На планетах всегда несколько больших городов и поселков поменьше. Все друг друга знают. Новость о новичке разнесется повсюду за неделю. Кроме того, ты для этого дела не подходишь. Кроме китайцев на Марсе, в колониях все еще живут почти одни ученые и их семья и молодые практиканты. Ты сюда не вписываешься.

— Куда же тогда?

— Именно об этом я и спросил мисс Тори, — сказал Орк. — Мы рассмотрели несколько возможностей. Во-первых, можно превратить твое тело в зомби. Я мог бы это устроить. РЕКС никогда не додумается искать тебя среди зомби.

— Нет, лучше умереть, — сказал Блейн.

— Я тоже такого мнения, — согласился Орк — Поэтому ее мы отбросили. Подумали мы также и о небольшая ферме в Атлантике. Но жить на

дне морском может не каждый человек, требуется особый склад психики, и мы подумали, что тебе это тоже не подойдет. Ты бы не выдержал. Поэтому, после тщательного размышления, мы пришли к выводу, что лучше всего переправить тебя на Маркизы.

— Куда?

— На Маркизы. Это разбросанная группа небольших островов, относящаяся к Полинезии, примерно посреди Тихого океана. Неподалеку от Таити.

— Южные моря, — сказал Блейн.

— Правильно. Мы подумали, что там тебе будет лучше всего, совсем как дома. Мне говорили, что там все почти как в XX веке. И это важнее всего. РЕКС, возможно, оставит тебя в покое.

— Почему?

— Очевидная причина, Том. Почему они решили убить тебя? Во-первых, потому что они незаконным образом вытащили тебя из прошлого и теперь опасаются неприятностей с законом. Но, переехав на Маркизы, ты покидаешь сферу юрисдикции США. Нет тебя — нет причин для беспокойства. А то, что ты забрался так далеко, — это подтверждение твоей доброй воли по отношению к РЕКСу. Ведь если бы ты хотел на-

чать против них дело ты бы туда не уехал. Кроме того, Маркизы — это суверенная территория с тех пор, как оттуда ушли французы, поэтому РЕКСу придется получить специальное разрешение на охоту за тобой. А это, в целом, будет слишком обременительно для всех заинтересованных лиц. Правительство забудет это дело, и РЕКС, я думаю, тоже оставит тебя в покое.

— Это точно? — спросил Блейн.

— Нет, конечно. Я только строю догадки. Но предположение имеет смысл.

— Нельзя ли, договориться с РЕКСом заранее?

Орк покачал головой.

— Чтобы торговаться, Том, нужно иметь чем торговать. А до тех пор, пока ты в Нью-Йорке, для них легче и безопаснее просто убить тебя.

— Да, думаю, ты прав, — сказал Блейн. — Как же вы хотите перевезти меня?

Орк и Джо неловко взглянули друг на друга. Орк сказал:

— Понимаешь, в этом вся загвоздка. Почти не существует способа, чтобы вытащить тебя отсюда живым.

— Геликоптер или самолет?

— Их осматривают, и охотники наверняка ждут тебя там. Все наземные машины тоже не годятся.

— Грим? Переодевание?

— Возможно, это бы удалось в первые часы охоты. Теперь это невозможно, даже если бы мы устроили тебе полную пластическую операцию. Охотники уже вооружились детекторами личности. Они сразу тебя распознают.

— Значит, выхода нет? — спросил Блейн. Орк и Джо снова обменялись смущенными взглядами.

— Выход есть, но он может тебе не понравиться.

— Я хочу выжить. Что это за способ?

Орк помолчал, закуривая новую сигару.

— Мы думаем заморозить твое тело до почти абсолютного нуля, как для космического путешествия. Потом мы отправим его в контейнере с мороженой говядиной. Тело будет находиться в самой середине, и вряд ли его обнаружат.

— По-моему, это рискованно, — сказал Блейн.

— Не очень, — сказал Орк. Блейн нахмурился, чувствуя, что здесь что-то не так.

— А во время перевозки я буду без сознания?

— Нет, — сказал Орк после долгой паузы.

— Нет?

— Иначе ничего не получится, — объяснил Орк — Тебе и твоему телу придется разделиться на время. Вот именно этого, как я опасался, ты и

можешь испугаться.

— Проклятье, о чем ты говоришь?

Блейн вскочил на ноги.

— Спокойно, — сказал Орк — Садись, возьми сигару, налей вина. Дело вот в чем, Том. Мы не можем перевозить твое замороженное тело вместе с сознанием. Охотники ждут чего-то в этом духе. Представляешь, что будет, если они просканируют груз мороженой говядины и обнаружат в нем спящее сознание? Высоко, в небеса, и прощай музыка! Я ведь не пытаюсь надуть тебя, Том, пойми. Просто другого выхода нет.

— Что же тогда будет с моим сознанием? — спросил Блейн, снова садясь за стол.

— А вот тут, — сказал Орк — в игру включается Джо. Расскажи ему, Джо.

Джо нервно кивнул.

— Трансплант, мой друг, вот выход.

— Трансплант?

— Я тебе уже о нем рассказывал, — напомнил ему Джо, — в тот злосчастный вечер, когда мы познакомились. Помнишь? Трансплант, величайшее из развлечений, игра для бесконечного числа участников, встряска для пресыщенных нервов, тонизатор утомленных тел. У нас существует мировая сеть трансплантаторов, мистер Блейн.

То есть люди, которые любят переключаться на время, которые устали от своих тел. Мы включим вас в эту сеть.

— И таким образом вы думаете переправить мое сознание через всю страну?

— Вот именно! Из тела в тело, — объяснил Джо. — Поверьте, это в высшей степени увлекательно и одновременно может многому научить.

Блейн вскочил так быстро, что опрокинул стул.

— Черта с два! — крикнул он. — Я вам тогда уже говорил и еще раз говорю, что в вашу вшивую игру я не играю. Пусть лучше меня пристрелят на улице!

Он направился к двери.

— Я знаю, это немного пугает, но… — начал Джо.

— Нет!

— Проклятье, Блейн, ты наконец дашь человеку сказать? — не выдержал Орк.

— Хорошо, — сказал Блейн. — Пусть говорит.

Джо налил себе полстакана вина и выпил залпом.

— Мистер Блейн, — сказал он, — мне трудно будет объяснить это вам, выходцу из прошлого. Но попытайтесь вникнуть в то, что я говорю.

Блейн нехотя кивнул.

— Значит так. В наши дни Трансплант используется как сексуальное развлечение, именно так его рекламировал и я. Почему? Потому что люди не имеют понятия о других способах его применения, потому что наше консервативное правительство запрещает его. Но Трансплант — это далеко не простое развлечение. Это совершенно новый способ жизни! И нравится это вам и правительству или нет, но за Трансплантом будущее.

Глаза подпольного торговца сверкали. Блейн снова сел за стол.

— Человеческие отношения содержат два основных элемента, — наставительно говорил Джо. — Один из них — это вечная борьба человека за свободу: свободу веры, свободу печати и собраний, свободу выбирать правительство… свободу вообще! А второй элемент — это стремление правительства эту свободу у людей отнять.

Блейну это утверждение показалось слишком упрощенным взглядом на человеческие отношения. Но он продолжал слушать.

— Правительство, — говорил Джо, — делает это по нескольким причинам. Для безопасности, для личной выгоды, для удержания власти или

потому, что люди не готовы к пользованию этой свободой, как оно считает. Но конфликт остается тем же: человек стремится к свободе, правительство противостоит ему. Трансплант — это еще одна свобода, к которой тянется человек, и правительство считает, что это человеку не нужно.

— Свобода удовольствий? — насмешливо спросил Блейн.

— Нет! — воскликнул Джо. — Нет, это тоже имеет значение, но Трансплант создавался не для этого. Конечно, мы пропагандируем его именно таким образом — чтобы привлечь внимание. Потому что люди не воспринимают абстрактных идей, мистер Блейн, им не по вкусу сухая теория. Они хотят знать, что им даст свобода. Мы показываем им лишь малую часть этой свободы, а гораздо большую они открывают сами.

— Так что же может Трансплант? — спросил Блейн.

— Трансплант — с пылом сообщил ему Джо, — дает человеку возможность преодолеть ограничения, наложенные на его существование средой и наследственностью!

— Вот как?

— Да! Трансплант позволяет вам обменяться телами, знаниями, жизненным опытом с каждым,

кто этого пожелает. И многие охотно соглашаются. Человек — слишком беспокойное существо. Музыкант хочет стать на время инженером, рекламный агент — охотником, моряк — писателем. Но обычно человеку не хватает времени, чтобы испробовать более одного занятия за свою жизнь. Ведь нужно еще получить и развить необходимые умения и навыки. И даже если бы было время, остается слепой случай — талант, и это непреодолимая проблема. А с помощью Трансплант вы получаете врожденный талант, навыки, знания — все, что хотите. Подумайте об этом, мистер Блейн. Почему человек должен быть вынужден провести всю жизнь в одном теле, которое он не выбирал? Это все равно, что заставлять его жить с унаследованными болезнями и не пытаться излечить их. Человек должен иметь свободу выбора тела и талантов по своему вкусу и потребностям.

— Если ваш замысел осуществится до конца, — сказал Блейн, — вы получите толпу неврастеников, каждый день обменивающих тела.

— Именно такой довод был и приводится против введения каждой новой свободы. — Глаза Джо сверкали. — Вспомните историю — утверждалось, что человек не имеет права выбирать

религию, или что женщины недостаточно умны, чтобы иметь право голосовать, или что люди не могут выбирать своих представителей в правительство, потому что могут сделать неправильный выбор. Конечно, неврастеников вокруг хватает. Но много и таких людей, которые разумно пользуются свободами.

Джо понизил голос до доверительного шепота:

— Вы должны понять, мистер Блейн, что человек — это не его тело, потому что тело он получает из рук случая. Он не имеет отношения к профессиональным навыкам, потому что зачастую причиной их приобретения служит нужда. Человек не заключается в своих талантах — ведь он наследует их. И он не определяется своими болезнями, к которым может иметь расположенность, или окружающей обстановкой, формирующей его. В человеке все это содержится, но он сам — нечто большее. Он способен изменять окружение, лечить свои болезни, развивать назыки и — наконец-то! — выбирать тело и таланты. Это следующая ступень свободы, мистер Блейн! Она исторически неизбежна, что бы ни думали вы, я и правительство. Потому что человек должен обладать наибольшей возможной свободой!

Джо завершил свою страстную и несколько

непоследовательную речь. Его лицо покраснело, он тяжело дышал. Блейн смотрел на маленького продавца подпольных удовольствий совершенно новыми глазами. Это был, как осознал он, подлинный революционер 2110 года.

— Он прав, Том, — сказал Орк. — Трансплант разрешен в Швеции и на Цейлоне, и особого вреда общественной нравственности он пока что не нанес.

— Наступит время, — сказал Джо, наливая себе вина, — и весь мир обратится к Трансланту. Это неизбежно.

— Возможно, — сказал Орк. — А может, изобретут новую свободу, и она потеснит Трансплант. Во всяком случае, Том, ты теперь видишь, что у Трансланта имеется нравственное оправдание. И это единственный путь спасти твое тело. Что ты теперь скажешь?

— Ты тоже революционер? — спросил Блейн. Орк усмехнулся.

— Мог бы быть и революционером. Я вроде тех парней, что продавали винтовки повстанцам из Центральной Америки. Они работали ради выгоды, но на пользу социальных перемен.

— Ну, ну, — ядовито заметил Блейн. — А я до сих пор думал, что ты — обыкновенный преступник.

— Ладно, забудь, — добродушно сказал Орк. — Так ты согласен?

— Конечно. Я поражен, — сказал Блейн, — я и не думал, что окажусь в авангарде социальной революции.

Орк улыбнулся и сказал:

— Отлично. Надеюсь, все пройдет как надо, Том. Расстегни рукав. Начнем прямо сейчас.

Блейн закатал рукав на левой руке, а Орк достал из ящика стола шприц.

— Это — чтобы отключить тебя, — объяснил он. — Йога-генератор стоит в соседней комнате. Основную работу выполняет он. Когда ты придешь в сознание, ты окажешься у кого-то в гостях внутри сознания, а тело твое будет пока путешествовать внутри контейнера с мясом. Их соединят, как только это станет безопасным.

— Через сколько сознаний я перейду? — спросил Блейн. — И сколько времени это займет?

— Точно я не знаю. Но в каждом ты будешь находиться несколько минут, самое большее — полчаса. Мы будем двигать тебя с наибольшей возможной скоростью. Это ведь неполный Трансплант. Тело ты контролировать не будешь. Ты займешь лишь небольшой участок сознания, как наблюдатель. Поэтому сиди тихо и веди себя

прилично. Уяснил?

Блейн кивнул.

— А как работает эта машина?

— Как йога, — сказал Орк. — Генератор делает то же самое, что может настоящий йог. Он расслабляет каждый мускул твоего тела, фокусирует и успокаивает сознание, помогает сосредоточиться. Когда накапливается достаточный потенциал, можно начинать астральную проекцию. Это тоже делает машина. Она помогает освободиться от тела, что йог может сделать и без помощи аппарата. Она проецирует твое сознание в выбранного нами человека. Дальше все идет само собой. Твое сознание входит в хозяина, как ключ в замочную скважину.

— По-моему, это рискованно, — заметил Блейн. — А если я не войду?

— Ты войдешь, даже если не захочешь! Ты ведь слышал о демонах, овладевающих человеком? Про таких говорят, что они одержимы. Идея пронизывает весь мировой фольклор. Конечно, некоторые из таких одержимых были просто шизофрениками, а некоторые — откровенными обманщиками. Но известно несколько случаев настоящей спиритической одержимости. Контроль над сознанием человека брали другие

люди, знавшие этот фокус с освобождением от тела и проекцией в другой мозг. Раньше они это делали без помощи науки и преодолевая сопротивление хозяина тела. А к твоим услугам — йога-генератор и люди, готовые принять тебя. Так о чем волноваться?

— Ладно, — сказал Блейн. — А как там, на этих Маркизах?

— Великолепно, — заверил его Орк, вгоняя иглу в руку. — Тебе там понравится.

Блейн незаметно поплыл в туман забытья, думая о пальмах, о белой пене прибоя, коралловых рифах и темноглазых девушках, поклоняющихся каменному богу.

Не было ничего — ни ощущения перехода, ни чувства пробуждения. Внезапно, словно спроецированный на экран красочный слайд, к нему вернулось сознание. Как приведенная в действие марионетка, он начал двигаться.

Он был не совсем Блейном. Он также был Эдгаром Даерсеном. Или, скорее, он был Блейном внутри Даерсена, сегментом в сознании Даерсена, глядя на мир его глазами, имея его мысли, переживая все едва ощутимые ньюансы воспоминаний Даерсена, его страхов, надежд и желаний. И одновременно он продолжал оста-

ваться Блейном.

Даерсен-Блейн как раз пересек вспаханное поле и прислонился к деревянному забору, отдыхая. Он был фермером, старомодным фермером из южного Джерси, недоверчиво относящимся к машинам и поэтому обходившимся самым их минимумом. Ему было почти семьдесят, и здоровью его можно было еще позавидовать. Правда, в суставах уже ощущался артрит, который почти вылечил этот умник-врач в деревне, и спина иногда побаливала под дождем. Но он считал себя крепким стариком, поздоровее других, и намерен был протянуть еще лет двадцать.

Даерсен-Блейн направился в сторону своего коттеджа. Серую рабочую рубашку насквозь пропитал пот, и на потерявших форму джинсах тоже белели его высохшие пятна.

Вдалеке загавкала собака, и он увидел, что к нему приближается размытый желто-коричневый силуэт. (Очки? Нет, спасибо. Я и так неплохо обхожусь.)

— Эй, Чамп!

Собака обежала вокруг него, потом пошла рядом. В зубах у нее висело что-то серое, крыса, наверное, или кусок мяса. Даерсен-Блейн не мог разобрать. Он наклонился погладить Чампа по

голове… И опять не было никакого ощущения перехода или временного промежутка. Просто на экран спроецировали новый слайд, и новая марионетка пришла в движение.

Теперь он был Томпсоном-Блейном, девятнадцати лет, и он лежал, дремля, на разогретых шершавых досках палубы идущего под парусами скифа-одиночки. Одной загорелой рукой он сжимал румпель и управлял главным парусом. По правому борту лежал Восточный берег, а в смотровой иллюминатор виднелась Балтиморская гавань. Легкий летний бриз легко нес скиф, и весело журчала рассекаемая вода.

Томпсон-Блейн зашевелился, стараясь упереть босые ноги о мачту. Он только неделю назад вернулся домой после учебной программы на Марсе. Было очень интересно, особенно археологические и спелеологические работы. На пескофермах иногда становилось скучно, но ездить на уборочных машинах было одно удовольствие.

Теперь он вернулся домой для ускоренного двухгодичного курса в колледже. Потом он намеревался вернуться на Марс управляющим фермой. Таково было условие получения им стипендии. Но если он не захочет возвращаться, они не смогут его заставить. Возможно, он вернется, а

может, и нет. Девушки на Марсе — очень делового характера. Энергичные, выносливые и всегда любят покомандовать. Когда он полетит назад — если он полетит, — то только со своей женой. Конечно, там была Марсия, и такую девушку еще надо поискать. Но ведь ее кибуц перебрался к Северной полярной шапке, и она не ответила на три его последних письма. Нет, наверное, ничего в ней такого и не было.

— Эй, Сэнди!

Томпсон-Блейн поднял голову и увидел Эдди Дулитла, вышедшего покататься на своем «тистле». Он махнул рукой. Томпсон-Блейн лениво помахал в ответ. Эдди было всего семнадцать, он ни разу не покидал Земли и мечтал стать командиром космолайнера. Ха-ха! Как бы не так!

Солнце клонилось к горизонту, и Томпсон-Блейн был этому рад. Сегодня вечером у него свидание с Дженифер Хант. Они поедут на танцы в «Старзлинг» в Балтимор, отец разрешил взять его каптер. Вы бы видели, как Дженифер выросла за два года! И она умела взглянуть на парня так смело и застенчиво в одно и то же время. Неизвестно, что еще может случиться после танцев на заднем сиденье каптера. Может, и ничего. А может, может…

Томпсон-Блейн сел прямо и повернул румпель. Скиф лег на другой галс. Нужно возвращаться к причалу, потом домой, обедать, потом…

Удар хлыста пришелся по спине.

— А ну, за работу!

Пиггот-Блейн удвоил усилия, размахивая киркой и опуская ее на пыльное полотно дороги. Охранник стоял неподалеку, зажав под мышкой карабин, в правой руке он держал хлыст, хвост которого волочился по пыли. Пиггот-Блейн изучил каждую пору на глупом, худом лице охранника, каждый изгиб губ маленького напряженного рта, каждый взгляд выцветших глаз. Он знал все это так же хорошо, как собственное лицо.

Ладно, погоди, рыло, молча сказал он охраннику. Твое время скоро кончится. Погоди, только немного погоди.

Охранник прохаживался вдоль ряда работавших под жарким солнцем Миссисипи заключенных. Пиггот-Блейн попытался сплюнуть, но во рту не набралось слюны на плевок. Значит, мы живем в прекрасном современном мире, подумал он. С этими вашими космолетами, автоматическими фермами, с этим вашим прекрасным иным миром? Думаете, это все? Тогда спросите, как они строят дороги в графстве Квиллег, Северное

Миссисипи. Они вам не скажут, конечно, так вы лучше сами посмотрите. Потому что вот каков мир на самом деле!

Арни, работавший впереди, прошептал:

— Ты готов, Отис? Ты готов?

— Я-то готов, — прошептал Пиггот-Блейн. Его крепкие пальцы сомкнулись на пластиковой рукоятке кирки. — Я уже не просто готов, Арни.

— Тогда через секунду начинаем. Смотри на Джеффа.

Волосатая грудь Пиггота-Блейна вздымалась в ожидании. Он отбросил с глаз длинные каштановые волосы и взглянул на Джеффа, стоявшего через пять человек впереди него. Пиггот-Блейн ждал, плечи его горели от солнечных ожогов. На щиколотках виднелись зароговевшие шрамы от ножных кандалов, а на боках темнели полосы от ударов хлыста. Внутри у него жила яростная жажда. Но даже ведро воды не могло бы утолить этой жажды. Ничто не могло ее утолить, эту жажду, эту сумасшедшую жажду, которая и привела его сюда в конце концов после того, как он устроил поножовщину в Гейнсвильском единственном салуне и прикончил того старого индейца.

Джефф взмахнул рукой. Скованная цепью линия заключенных одновременно прыгнула

вперед. Пиггот-Блейн бросился на охранника с худым лицом, который уронил хлыст и пытался поднять карабин.

— Ах ты, рыло! — завопил Пиггот-Блейн и опустил кирку прямо на голову охранника.

— Взять ключи!

Пиггот-Блейн сорвал связку ключей с пояса мертвого охранника. Он услышал, как выстрелил карабин, как кто-то закричал в агонии. Встревожась, он обернулся…

Рамирец-Блейн вел свой каптер над техасской равниной, направляясь в Эль-Паса. Это был серьезный молодой человек, и все внимание он уделял направлению, выжимая из старого каптера все, что тот мог дать, чтобы успеть добраться до Эль-Паса прежде, чем закроется магазин Джонсона.

Он осторожно управлял неуклюжей старой мельницей, и лишь редкая случайная мысль мелькала в его сосредоточенном сознании, быстрая мысль о показаниях компаса, высотометра, о танцах в Гуанджуато на следующей неделе, о ценах на шкуры в Сьюдад Юарес.

Равнина под ним была испещрена желтыми и зелеными точками. Он взглянул на часы, потом на индикатор скорости.

Да, подумал Рамирец-Блейн, он успеет до закрытия магазина. И даже может остаться время на…

Тайлер-Блейн вытер губы рукавом и подобрал кусочком хлеба остатки жирной подливы на тарелке. Он рыгнул, оттолкнул стул от оконного стола и поднялся. С демонстративной небрежностью взял с полки в кладовой горшок и начал заполнять его остатками свинины, добавил овощей и большой кусок маисового хлеба.

— Эд — сказала жена, — что ты делаешь?

Он посмотрел на нее. Годы сильно состарили ее, она даже выглядела старше своих лет. Он отвел глаза, не ответив.

— Эд! Я спрашиваю тебя, Эд!

Тайлер-Блейн посмотрел на нее с раздражением, чувствуя, как заныла при звуке визгливого голоса старая язва. Самый визгливый голос в Калифорнии, — подумал он, и на ней он женился. Визгливый голос, остренький нос, острые колени и локти, совершенно плоская и бесплодна в придачу. Ноги — только чтобы передвигать тело, а не для удовольствия окружающих. Живот — для наполнения его пищей и ни для чего более. Из всех девушек Калифорнии он выбрал самую ядовитую, этакий болван, как всегда говаривал дядюшка Раф.

— Куда ты тащишь этот горшок с едой? — спросила она.

— Собаку покормить, — сказал Тайлер-Блейн, направляясь к двери.

— У нас нет собаки! Эд, не делай этого, я тебя прошу!

— А я сделаю, — сказал он, довольный, что ущемил ее.

— Пожалуйста, не сегодня. Пусть сам перебе-рется куда-нибудь подальше. Эд, послушай меня. Вдруг в городе узнают?

— Солнце уже село, — сказал Тайлер-Блейн, стоя в дверях со своим горшком.

— Люди могут подсматривать, — сказала она — Эд, если они узнают, они тебя повесят, ты ведь знаешь!

— Не только меня одного. На веревке и ты будешь смотреться первоклассно, — заметил Тайлер-Блейн, открывая дверь.

— Ты это назло мне делаешь — крикнула она.

Он затворил за собой дверь. Снаружи были поздние сумерки. Он стоял рядом с пустым курятником, оглядываясь по сторонам. Ближе всех к ним находился дом Фланнагана, примерно ярдов за сто от них. Но те в чужие дела не вмешиваются. Он подождал, проверяя, не забрел ли кто-то из

городских детишек к ним во двор. Потом зашагал, осторожно неся горшок с едой.

Подойдя к окраине жидкой рощицы, он поставил горшок на землю.

— Все в порядке, — позвал он тихо. — Можете выходить, дядя Раф.

Из кустов на четвереньках выполз человек. Лицо у него было свинцово-бледное, губы бескровные, глаза неподвижные, черты лица — грубые, словно железо перед закалкой или глиняный кувшин перед обжигом. Порез на шее начал гноиться, а сломанная толпой фанатиков правая нога висела, неподвижная и бесполезная.

— Спасибо, сынок, — сказал Раф, дядя Тайлер-Блейна, ставший зомби.

Зомби быстро опустошил горшок. Когда он кончил есть, Тайлер-Блейн спросил:

— Как ты себя чувствуешь, дядя Раф?

— Ничего не чувствую. Это старое тело уже почти отслужило свое. Еще пару дней, ну, может, неделя, и ты, наконец-то, освободишься.

— Я буду заботиться о вас столько, — сказал Тайлер-Блейн, — сколько будет нужно, дядя Раф. Если бы я мог взять вас в дом!

— Нет, — сказал зомби. — Тогда они узнают. Это опасно… Сынок, как поживает твоя карга?

— Как всегда, такая же уксусная, — вздохнул Тайлер-Блейн. Зомби издал нечто вроде смеха.

— Я тебя предупреждал, десять лет назад я тебя предупреждал: не женись на ней. Разве не так?

— Верно, предупреждали, дядя Раф. Вы один говорили дело. Эх, если бы я вас послушался.

— Да, если бы, сынок. Ну, ладно, полезу обратно.

— Вы уверены, что она сработает, дядя? — с тревогой спросил Тайлер-Блейн.

— Уверен.

— И думаете, что и умрете с уверенностью?

— Умру, мой мальчик. И отправлюсь на Порог, ты не волнуйся. И когда я там окажусь, то свое обещание исполню. Вот увидишь.

— Спасибо, дядя Раф.

— Я человек слова. Я устрою ей преследование, сынок, если только Владыка позволит мне войти на Порог. Сначала я посчитаюсь с толстым доктором, который мне это сделал. Потом пойдет твоя карга. Я буду преследовать ее, как безумный. Она у меня будет мчаться до самой границы штата!

— Спасибо, дядя Раф.

Зомби опять издал звук, напоминающий смешок, и на четвереньках заполз в кусты. Тайлер-Блейн на миг не сдержал дрожи, потом поднял

горшок и побрел к своей покосившейся лачуге.

Маринер-Блейн поправила завязку своего купальника, чтобы он лучше прилегал к молодому стройному телу. Она забросила за спину баллон с воздухом, взяла респиратор и пошла к шлюзу.

— Дженис?

— Да, мама, — отозвалась она с совершенно бесстрастным выражением лица.

— Куда ты направляешься?

— Просто поплавать, мамочка. Наверное, взгляну на новые сады на 12-м уровне.

— А ты не собираешься увидеться с Томом Льюином?

Неужели она догадалась? Маринер-Блейн поправила длинные черные волосы и сказала:

— Конечно, нет.

— Ну, ладно, — сказала ее мать, чуть заметно улыбаясь и явно не веря. — Постарайся не задерживаться. Ты ведь знаешь, как мы волнуемся.

Она быстро поцеловала маму и поспешила в воздушный шлюз. Мама знала, она уверена! И не остановила ее! Но почему она должна ее останавливать? Ведь ей уже семнадцать, она уже может делать все, что хочет. Дети в эти дни растут быстрее, чем их родители, но родители этого, похоже, не понимают. Они многого не по-

нимают. Им нравится просто сидеть и составлять планы новых плантаций. Развлечение для них — это немного классической музыки, бил-бод или рок-н-ролл. Они слушают и рассуждают, какими раскованными и выразительными были предки. А иногда они начинают листать здоровенные альбомы по искусству с бесконечными комиксами периода XX века и спорят об исчезнувшем искусстве сатиры.

Великолепный вечер для них означает поход в галерею, где они почтительно рассматривают коллекцию обложек «Сатердей Ивнинг Пост» времен «Великой Эры». Но ее весь этот длинноволосый бред мало трогает. Ей нравятся сенсории.

Маринер-Блейн надвинула маску, респиратор, надела ласты и повернула кран. Через несколько секунд шлюз наполнила вода. С нетерпением ждала она, пока давление уравняется с наружным. Потом автоматически открылся замок, и она выскочила наружу.

Ферма ее отца находилась на глубине ста футов, неподалеку от гигантского подводного хребта Гаваев. Она направилась в глубину, опускаясь в зеленые сумерки с каждым энергичным ударом ласт. Том будет ждать ее у коралловой пещеры.

Становилось темнее, Маринер-Блейн включила

фонарик и покрепче сжала загубник респиратора. Учитель говорил, что скоро подводные фермеры смогут выращивать собственные жабры. Возможно, это случится уже при жизни ее поколения. Как она будет выглядеть с жабрами? Загадочно, наверное, стройная и странная, как повелительница рыб…

Кроме того, их всегда можно будет прикрывать волосами.

Впереди, в желтом луче ее фонаря показались коралловые пещеры, лабиринт красных и розовых ветвей, где в глубине имелись уютные герметические кабинки, в которых можно чувствовать себя наедине. И она увидела Тома.

Ее вдруг охватила неуверенность. Боже, вдруг будет ребенок? Том уверял ее, что это не страшно, но ведь ему только девятнадцать. Правильно ли она поступает? Они много об этом говорили, и она поразила его своей откровенностью. Но говорить — это одно, а делать — совсем другое. Что подумает Том, если она скажет «нет»? Нельзя ли обратить все в шутку, будто бы она дразнила его?

Большой и золотистый в свете фонаря, рядом с ней плыл Том. Он поздоровался с ней на языке пальцев. Мимо проплыла рыба-собака, потом

маленькая акула.

Что она делает? Пещеры были уже совсем близко. Том улыбнулся, и она почувствовала, как тает ее сердце…

Элита-Блейн сел прямо, подумав, что он, видимо, задремал. Он находился на палубе небольшого судна, сидел, закутавшись в одеяла. Кораблик подбрасывало на волнах, но небо было ясным, сияло ослепительное солнце, и попутный ветер уносил дым от выхлопа дизельного двигателя.

— Вам лучше, мистер Элгин?

Элгин-Блейн поднял глаза на невысокого бородатого мужчину в капитанской фуражке.

— Прекрасно, просто прекрасно, — сказал он. — Мы почти уже на месте, — сказал капитан. Элгин-Блейн кивнул, пытаясь восстановить ясность мыслей. Он напряг память и вспомнил, что когда-то был ниже ростом, очень мускулистым, с бочкообразной грудью, широкими плечами и несколько коротковатыми для такого геркулесовского сложения ногами, с большими мозолистыми ладонями. На плече был старый рваный шрам, память о несчастливом случае на охоте… Элгин и Блейн слились в одно целое. Потом неожиданно он понял, что находится в старом своем теле. Блейн — это его настоящая

фамилия, а Элгин — псевдоним, под которым отправили его в путь Орк и Джо.

Дальний путь завершен! Его сознание и тело снова вместе!

— Нам сказали, что вы не совсем здоровы, сэр, — сказал капитан. — Но вы были в коме так долго…

— Теперь все в порядке, — успокоил его Блейн. — Далеко ли до Маркиз?

— Нет. До острова Пуку Хива осталось всего несколько часов хода.

Капитан вернулся к штурвалу. И Блейн вспомнил тех людей, с которыми встречался в пути.

Он с уважением подумал о стойком и независимом старом Даерсене, который не спеша возвращался в свой коттедж, с надеждой вспомнил юного Сэнди Томпсона — пусть он все же вернется на Марс, ощутил жалость к исковерканной душе убийцы Пиггота, с удовольствием вспомнил встречу с серьезным и прямым Хуаном Рамирецом, почувствовал сожаление и презрение одновременно к скрытному и слабому Эду Тайлеру, пожелал всего лучшего для Дженис Маринер.

Все они остались в его памяти. И плохим, и хорошим, он всем им желал удачи. Теперь все они были его родственниками: дядюшками и

кузенами, с которыми он никогда больше не встретится, племянниками и племянницами, о судьбе которых он будет теперь вспоминать.

Как и во всех семьях, в ней было не без уродов, но это была его семья, и он никогда не сможет их позабыть.

— Показался Нуку Хива! — объявил капитан. На самом горизонте Блейн увидел черную точечку, увенчанную кучерявым облачком. Он энергично потер лоб, решив больше не думать о своей приемной семье. Перед ним стояли реальные проблемы. Скоро он прибудет к своему новому дому, и следовало многое обдумать.

Судно не спеша вошло в воды залива Таиохэ. Капитан, гордый сын здешних мест, добровольно ознакомил Блейна с основными сведениями о его новом доме.

Маркизские острова, объяснил он, состояли из двух больших групп островов, довольно гористых по своему рельефу. Некогда острова назывались Каннибаловыми, и обитатели их прославились способностью вырезать экипаж торгового судна или шхуны. Французы захватили острова в 1842 году и даровали им независимость в 1993-м. Куку Хива являлся самым большим островом и столицей архипелага. Его высочайшая вершина

Теметиу достигала четырех тысяч футов. Его портовый город, Таиохэ, мог похвастать населением в пять тысяч душ. Это было тихое, привольное место, как заверил капитан Блейна, и среди всех островов кипучих Южных морей считался тихой обителью. Потому что это было последнее прибежище неиспорченной Полинезии XX века.

Блейн кивал, почти не слушая, более увлеченный зрелищем темного горного склона перед собой, который местами украшали серебристые нити водопадов, и вслушивался в шум волн, разбивавшихся о гранит берегов острова.

Он решил, что ему здесь понравится. Скоро судно пришвартовалось к городской пристани, к Блейн сошел на берег, чтобы познакомиться с городом Таиохэ.

Он нашел там супермаркет и три кинотеатра, несколько рядов сельского типа домов, множество пальм на улицах, несколько небольших магазинов с зеркальными витринами, множество коктейль-баров, дюжину автомобилей, бензоколонку и светофор. Тротуары были заполнены прохожими в пестрых рубашках и выглаженных брюках. Все носили очки от солнца.

И это последнее пристанище простых нравов XX века Полинезии, подумал Блейн. Город из Фло-

риды, перенесенный на остров Южных морей!

Однако чего же еще он мог ожидать от 2110 года? Древняя Полинезия мертва вместе со старой веселой Англией и Францией времен Бурбонов. А Флорида XX века, как вспомнилось ему, совсем неплохое место.

Он отправился вдоль по Главной улице и обнаружил вывеску, извещавшую, что почтмейстер Альфред Грей был назначен представителем от корпорации «МИР ИНОЙ» на Маркизских островах. И немного дальше он оказался рядом с невысоким черным зданием. Надпись на стене свидетельствовала, что это и есть «Публичные Кабины для Самоубийц».

Так, язвительно усмехнулся про себя Блейн, современная цивилизация проникла даже сюда! Не успеешь оглянуться, как они оборудуют Спиритический коммутатор. И что мы тогда будем делать?

Он дошел до городской окраины. Когда он повернул в обратную сторону, к нему подбежал полный краснолицый мужчина.

— Мистер Элгин? Мистер Томас Элгин?

— Это я, — сказал Блейн с некоторым опасением.

— Ужасно извиняюсь, что пропустил вас на

пристани! — сказал краснолицый, промокая широкий, блестящий от испарины лоб пестрым платком. — Это целиком моя вина. Влияние местного образа жизни. Через некоторое время становится тяжело от него избавиться. Ах, я ведь не представился. Меня зовут Дэвис, я владелец местной верфи. Добро пожаловать в Таиохэ, мистер Элгин.

— Благодарю вас, мистер Дэвис, — сказал Блейн.

— Наоборот, это я хочу вас поблагодарить за то, что ответили на мое объявление, — сказал Дэвис — Мне уже давно нужен старший проектировщик. И честно говоря, я не ожидал, что привлеку внимание человека вашей квалификации.

— Гммм — сказал Блейн, пораженный и одновременно обрадованный тщательностью, с которой Орк организовал операцию переброски.

— Сейчас редко встретишь конструктора, хорошо знакомого со стилями XX века, — грустно признался Дэвис. — Потерянное искусство. Вы уже видели остров?

— Да, но очень поверхностно, — сказал Блейн.

— И думаете, вам здесь понравится? — с тревогой спросил Дэвис — Вы не представляете, как тяжело найти приличного конструктора в такой

дальней провинции, как у нас. Едва они попадают к нам, как тут же перебираются в большие города, вроде Папиити или Апиа. Я понимаю, там платят больше, и развлечения, и общество, и прочее. Но и у Таиохэ есть свое особое очарование.

— С меня хватит больших городов, — сказал с улыбкой Блейн. — Я не думаю менять место, мистер Дэвис.

— Отлично, отлично! — обрадовался Дэвис — На работу пока не спешите, мистер Элтон. Отдохните несколько дней, осмотритесь, побродите по острову. Это, знаете ли, последнее прибежище старой Полинезии. Вот ключи от вашего дома. Номер 1 по Теметиу-роуд, вот прямо туда, вверх по склону. Показать вам дорогу?

— Я найду, — сказал Блейн. — Большое вам спасибо, мистер Дэвис.

— Вам спасибо, мистер Элгин. Я загляну к вам завтра, когда вы немного устроитесь. Потом познакомлю кое с кем из местных жителей. Собственно говоря, жена мэра устраивает вечеринку в четверг. Или это в пятницу? В общем, я узнаю и сообщу вам.

Они пожали друг другу руки, и Блейн направился вверх по Теметиу-роуд к своему новому дому.

Это было небольшое, свежевыкрашенное бун-

гало. Из окон открывался живописный вид на три южных залива Пуку Хивы. Несколько минут Блейн любовался картиной, потом толкнул дверь. Она была не заперта, и он вошел.

— Ну наконец-то ты добрался сюда.

Блейн просто не мог поверить своим глазам.

— Мэри!

Она была такая же стройная, хорошенькая и сдержанная, как всегда. Но чувствовалось, что она волнуется. Она говорила быстро и старалась не встречаться с Блейном взглядом.

— Я решила, что лучше будет, если я лично все улажу на месте, — говорила она. — Я приехала два дня назад. Ты уже познакомился с мистером Дэвисом? Он такой милый человек, как мне кажется.

— Мэри…

— Я сказала ему, что я твоя невеста, — перебила она Блейна. — Надеюсь, ты не возражаешь, Том? Мне нужен был какой-то повод для приезда. Я сказала, что приехала раньше, чтобы сделать тебе сюрприз. Мистер Давис был очень доволен, конечно, он хочет, чтобы главный проектировщик остался здесь на большой срок. Ты не против, Том? Мы ведь всегда можем сказать, что разорвали помолвку и…

Блейн обнял ее и сказал:

— Я не хочу разрывать помолвку. Я люблю тебя, Мэри.

— Ох, Том, Том, я тоже люблю тебя! — Она на мгновение прижалась к нему изо всех сил, потом отступила на шаг. — Тогда мы поскорее организуем обручальную церемонию. Ты ведь понимаешь, они здесь старомодные и провинциальные, совсем из XX века, если ты понимаешь то, что я хочу сказать.

— Я думаю, что понимаю, — сказал Блейн. Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

Мэри настояла на том, чтобы она оставалась в отеле «Южные моря», пока они не поженятся. Блейн предложил скромный обряд в присутствии мирового судьи, но Мэри поразила его, решив устроить как можно более шумную церемонию, какую только позволяли условия Таиохэ. Она состоялась в воскресенье, в доме мэра.

Мистер Дэвис одолжил ему небольшой катер со своей верфи. На нем они отправились на рассвете в свадебный круиз на Таити.

Для Блейна все это было как сладкий сон. Они плыли по будто вырезанным из зеленого драгоценного камня волнам, видели желтую огромную луну, на четверть закрытую парусами катера.

Прямо из центра черного продолговатого облака встало солнце, достигло зенита и скатилось к закату, превратив море в чашу расплавленной меди. Они бросили якорь в лагуне Папиити и видели, как пылают в закатных лучах горы Муреа, еще более фантастические, чем горы Луны. И Блейн вспомнил тот день в Чезапик Бэй, когда он мечтал, лежа на досках причала. Ах, Раиатеа, и горы Муреа, попутный ветер в паруса…

Тогда от Таити его отделяли континент и океан и прочие препятствия. Но это было в другом веке.

Они отправились на Муреа, верхом на лошадях поднимались на ее склоны. Потом они вернулись к своему паруснику в заливе внизу и отплыли к островам Туамото.

Наконец, они вернулись в Таиохэ. Мари занялась домашним хозяйством, а Блейн начал работать на верфи.

Первую неделю они с тревогой ждали неприятностей, просматривали нью-йоркские газеты, ожидая, что предпримет РЕКС. Но корпорация хранила молчание, и они решили, что опасность миновала. И все же с облегчением узнали из газет два месяца спустя, что охота на Блейна отменена.

Работа на верфи была интересная и разнообразная. Катера, тендеры, кечи приходили на верфь с разнообразными повреждениями: с погнутыми осями или слетевшими винтами, с бортами, пробитыми подводными коварными выступами кораллов, с парусами, порванными внезапно налетевшим шквалом. Нужно было обслуживать и владельцев подводных аппаратов — фермеров с окрестных морских ферм, использовавших Таиохэ как базу снабжения. И нужно было строить новые суда — ялики, шлюпки, а иногда и шхуны.

Блейн искусно справлялся со всеми практическими деталями работы. Постепенно он начал давать рекламные объявления об услугах верфи в «Курьере Южных морей». Это привело к новым заботам, к увеличению переписки и более тесным связям с мелкими мастерскими на других островах. Этим тоже занялся Блейн.

Его работа в качестве главного проектировщика верфи стала напоминать его прошлые должности младшего конструктора яхт.

Но это больше не беспокоило. Теперь ему казалось очевидным, что природа предназначила его быть младшим конструктором яхт, не более и не менее. Это была его судьба, и он смирился с ней.

Жизнь приобрела приятный, устойчивый

характер. Верфь, белый домик на склоне живописной горы, кино по субботам и микрофильмы свежего выпуска «Санди Таймс», недолгие визиты на подводные фермы и на другие острова Маркизской группы, вечеринки у мэра и партия в покер в яхт-клубе, и луна, отражающаяся в зеркале Темуса Бич. Блейн начал уже подумывать, что жизнь его приняла окончательную и определенную форму.

Потом, почти через четыре месяца после их прибытия на остров, она снова круто изменила ход.

Однажды утром Блейн проснулся, как всегда позавтракал, поцеловал на прощание жену и отправился на верфь. Там его ждал грузный, с круглым днищем кеч, туамотуанское судно, которое неразумно пыталось пройти узкий проход под полными парусами и засело между двумя утесами влажного от пены гранита прежде, чем команда успела запустить двигатель. Шесть шпангоутов требовали замены, так же, как и несколько листов обшивки. Возможно, работу удастся сделать за неделю.

Блейн осматривал кеч, когда к нему подошел мистер Дэвис.

— Послушай, Том, — сказал хозяин верфи, —

тут какой-то человек искал тебя утром. Ты его видел?

— Нет, — сказал Блейн. — А кто это был?

— Приехал с континента, — нахмурившись, сказал Дэвис. — Прямо с утреннего парохода. Я сказал, что тебя еще нет, и он ответил, что пойдет к тебе домой.

— А как он выглядел? — спросил Блейн, чувствуя, как напрягаются мышцы живота. Дэвис нахмурился еще сильнее.

— Знаешь, это самое странное. Он был примерно твоего роста, худой и очень загорелый. У него большая борода и бакенбарды. Такое теперь редко увидишь. И от него воняло лосьоном для бритья.

— Очень странно, — сказал Блейн.

— Очень. Могу поклясться, борода у него не настоящая.

— Да?

— Она выглядела как поддельная. И все на нем вы глядело как бутафория. И он сильно хромал.

— Он назвал себя?

— Сказал, что его зовут Смит. Том, ты куда?

— Мне нужно домой, — сказал Блейн. — Я потом объясню.

Он быстро зашагал по направлению к дому.

Очевидно, Смит все-таки вспомнил, кто он такой и что их связывало. И в точности, как он и обещал, зомби нашел его.

Когда он рассказал о случившемся Мэри, она вытащила из шкафа их чемоданы и начала складывать вещи.

— Что ты делаешь? — спросил Блейн. — Собираю вещи.

— Я вижу. Но почему?

— Потому что мы уезжаем.

— О чем ты говоришь? Это же наш дом?

— Был, — сказала она. — Но больше его нет. И не будет, пока здесь этот чертов Смит. Том, это беда.

— Я сам понимаю, — сказал Блейн. — Но это еще не повод бежать без оглядки. Перестань ты возиться с чемоданами и послушай! Ну что он может мне сделать?

— Этого мы выяснять не будем, — сказала она. Она продолжала кидать вещи в чемоданы. Блейн схватил ее за руки.

— Успокойся, — сказал он. — Я от Смита бежать не стану.

— Но это единственный разумный выход, — сказала Мари. — Смит принес беду, но долго он не протянет. Еще несколько месяцев, а может, только недель, и он умрет. Он давно должен был

умереть, этот ужасный зомби. Том, давай уедем?

— Ты сошла с ума? — спросил Блейн. — Чего бы он от меня ни хотел, я с ним управлюсь.

— Я это не в первый раз слышу от тебя, — сказала Мари.

— Тогда было другое дело.

— Теперь тоже другое дело! Том, мы можем снова взять катер, мистер Дэвис поймет, и мы могли бы…

— Нет! Будь я проклят, если я от него убегу! Наверное, ты забыла, Мэри, что Смит спас мне жизнь.

— Но зачем он ее спас? — всхлипнула она. — Том, я умоляю тебя! Ты не должен видеть его, если он вспомнил!

— Погоди! — медленно сказал Блейн. — Ты что-то знаешь? И скрываешь от меня?

Она мгновенно успокоилась.

— Конечно, нет.

— Мэри, ты мне правду говоришь?

— Конечно, дорогой. Но я боюсь Смита. Пожалуйста, Том, сделай мне приятное, давай уедем.

— Никуда я отсюда не уеду, — сказал Блейн. — Это мой дом. И все.

Мэри внезапно села, словно выбившись из сил.

— Хорошо, мой дорогой. Делай так, как счита-

ешь нужным.

— Вот это уже другой разговор, — сказал Блейн. — Все будет в порядке.

— Конечно — подтвердила Мэри. Блейн поставил чемоданы обратно в шкаф и разложил вещи по местам. Физически он был спокоен. Но в воспоминаниях он снова опускался в подземный лабиринт зомби, снова открывал украшенную орнаментами дверь, ведущую в мраморный зал Дворца Смерти, где стоял бронзово-золотой гроб. И снова слышал вопль Рейли, доносящийся из серебристой дымки:

«Есть вещи, которых тебе видеть не дано, Блейн, но я их вижу. Твое время на Земле будет очень недолгим. Те, кому веришь, предадут тебя, те, кого ты ненавидел, победят тебя. Ты умрешь, Блейн, и не через несколько лет, а скоро, раньше, чем ты можешь себе представить. Тебя предадут, и ты умрешь от собственной руки».

Этот безумный старикашка! Блейн чуть вздрогнул и посмотрел на Мэри. Она сидела с опущенными глазами, будто чего-то ждала. И он тоже решил ждать. Немного погодя в дверь тихо постучали.

— Входите, — пригласил Блейн непрошеного гостя.

Блейн сразу узнал Смита, несмотря на фальшивую бороду, бакенбарды и поддельный загар. Хромая, зомби вошел в комнату, внеся вместе с собой тяжелый запах разрушения, плохо скрываемый резким лосьоном для бритья.

— Прошу прощения за этот маскарад, — сказал Смит. — Я не надеялся обмануть вас или кого-либо еще. Просто мое лицо уже нельзя показывать людям.

— Ты проделал длинный путь, — сказал Блейн.

— Да, весьма долгий, — согласился Смит, — и нелегкий. Но я не стану утомлять вас рассказами. Я добрался сюда, вот что важно.

— Зачем ты приехал?

— Потому что я знаю теперь, кто я такой, — сказал Смит.

— И ты думаешь, что это касается меня?

— Да.

— Не могу представить, каким образом, — мрачно сказал Блейн. — Но расскажи нам тогда, в чем дело.

— Минуту, — вмешалась Мэри — Смит, с первого дня его в этом мире ты не давал ему ни минуты покоя. Неужели ты не можешь смириться с настоящим положением? Неужели ты не можешь просто тихо умереть?

— Сначала я должен ему сказать.

— Давай, говори, — сказал Блейн. Смит сказал:

— Меня зовут Джеймс Один Робинсон.

— Впервые слышу, — сказал Блейн, подумав минуту.

— Конечно, впервые.

— Мы не могли встретиться где-то в здании РЕКСа? Или еще до того?

— Могли.

— Значит, мы встречались?

— Да, но очень коротко.

— Ладно, Джеймс Один Робинсон, расскажи нам все. Когда и где это было?

— Наша встреча была очень короткой, — сказал Робинсон. — Мы увидели друг друга всего на долю секунды и больше не встречались. Это случилось поздней ночью в 1958 году на пустом шоссе, ты сидел в своей машине, а я в своей.

— Ты управлял машиной, с которой я столкнулся?

— Да. Но это было не совсем обычное столкновение.

— Не может быть! Это была совершенно случайная авария!

— Если это так, то мне здесь больше делать нечего, — сказал Робинсон. — Но, Блейн, я знаю,

что это не был только случай. Это было убийство. Спроси у своей жены.

Блейн посмотрел на Мэри, сидевшую в углу кушетки. Ее лицо стало бледным, как воск. Казалось, ее покинули все силы. Словно ее взгляд обратился вовнутрь, и увидела она там нечто не слишком приятное. Может быть, подумал Блейн, она действительно видит перед собой призрак давно похороненной вины, вызванный к жизни появлением Робинсона с фальшивой бородой.

Не спуская с нее глаз, Блейн начал по частям воссоздавать целое.

— Мэри, — сказал он, — в ту ночь, в 1958 году… Как вы узнали, что произойдет авария?

— Существуют статистические методы предсказаний, которыми мы пользуемся, валентные факторы… — Она вдруг замолчала.

— Или вы подстроили аварию? — спросил Блейн. — Неужели вы сами устроили несчастный случай, когда вам понадобилось вытащить меня в будущее для вашей рекламной кампании?

Мэри молчала. И Блейн напряг память, вспоминая последние секунды перед столкновением.

…Он ехал по прямому, пустынному шоссе, лучи фар отбрасывали темноту далеко вперед… Его автомобиль неожиданно свернул прямо на

приближающиеся фары встречной машины… Он изо всех сил налег на руль. Руль не проворачивался… Вдруг руль снова начал работать, и мотор завыл…

— Бог мой, да ведь вы устроили аварию! — закричал Блейн на жену. — Вы и ваша Энергетическая система, вы заставили мою машину свернуть на противоположную полосу! Смотри мне в глаза и отвечай! Это правда?

— Да! — сказала Мэри — Но мы не хотели убивать его. Робинсон просто оказался на пути. Мне очень жаль, что так вышло.

— Ты с самого начала знала, кто он такой, — сказал Блейн.

— Я подозревала.

— И ничего не сказала мне. — Блейн большими шагами мерял комнату — Мэри! Черт бы тебя набрал, ты меня убила!

— Нет, Том! Нет! Я вытащила тебя из 1958-го в наше время, я поместила тебя в новое тело. Но я не убивала тебя.

— Вы просто убили меня, — сказал Робинсон. С трудом Мэри подняла на него глаза.

— Боюсь, что я действительно несу ответственность за вашу смерть, мистер Робинсон, хотя и невольно. Ваше тело, очевидно, умерло одно-

временно с телом Тома. Энергетическая система РЕКСа вытащила вас в будущее с ним, и тут вы уже завладели телоносителем Рейли.

— Очень слабое утешение по сравнению с моим старым телом, — заметил Робинсон.

— Совершенно верно. Но чего же вы хотите? Чем я могу помочь? Послежизнь…

— Туда я не хочу, — сказал Робинсон. — Я и на Земле не успел пожить.

— Сколько тебе было лет? — спросил Блейн.

— Девятнадцать.

Блейн печально кивнул.

— Я еще не готов для послежизни, — сказал Робинсон. — Я хочу путешествовать, работать, смотреть и дышать. Я хочу узнать, что за человек из меня получится. Я хочу жить! У меня еще никогда не было женщины! Я готов променять бессмертие на десяток настоящих лет земной жизни.

Робинсон поколебался немного, потом сказал;

— Мне нужно тело. Хорошее человеческое тело, в котором я мог бы жить. Блейн, твоя жена убила мое старое тело.

— Ты хочешь мое взамен? — спросил Блейн.

— Если ты тоже считаешь, что это будет справедливо, — сказал Робинсон.

— Одну минуту! — воскликнула Мэри. Румянец вернулся на ее лицо. Признавшись, она, казалось, освободила себя от власти старой вины и снова была способна сражаться с жизнью.

— Робинсон, — сказала она, — этого ты от Тома требовать не можешь. Он не имеет отношения к твоей гибели. Это была моя вина, о чем я очень сожалею. Женское тело ведь вам не подходит, не так ли? И я бы вам свое не отдала все равно. Что было, то было! А теперь уходите!

Робинсон не обращал внимания на Мэри и продолжал смотреть на Блейна.

— Я с самого начала знал, что это ты. Даже когда я еще вообще не знал ничего об этом мире, я знал тебя. Я смотрел за тобой, Блейн, я спас тебе жизнь.

— Да, это так, — тихо сказал Блейн.

— Ну и что из этого? — закричала Мэри — Ну, спас он тебе жизнь. Это еще не значит, что она принадлежит ему. Если человеку спасают жизнь, он не обязан потом до смерти за это расплачиваться! Том, не слушай его!

— Я не имею ни средств, ни намерений принуждать мистера Блейна, — сказал Робинсон. — Блейн, ты можешь поступать по своему усмотрению, и я примирюсь с твоим решением. Но ты

будешь помнить все, не забывай.

Блейн посмотрел на зомби странным взглядом.

— Значит, это еще не все. Есть многое другое. Ведь так, Робинсон?

Робинсон кивнул, не спуская глаз с Блейна.

— Но как ты узнал? — спросил Блейн. — Как ты мог догадаться?

— Потому что я понял тебя. И именно ты придал моей жизни смысл. Я думал только о тебе. И чем больше я тебя узнавал, тем сильнее становилась моя уверенность.

— Может быть, — сказал Блейн.

— О Боже, о чем вы говорите? — воскликнула Мэри. — О чем еще? Что там может быть еще?

— Я должен подумать об этом, — сказал Блейн — Я должен вспомнить. Робинсон, пожалуйста, подожди минуту снаружи.

— Конечно, — согласился зомби, и сразу же вышел. Блейн жестом попросил Мэри молчать. Сев, он обхватил голову руками. Ему нужно вспомнить что-то такое, о чем он подсознательно стремился не думать. Теперь, раз и навсегда он должен решить этот вопрос.

В сознании его еще ясно звучали слова, что выкрикнул Рейли во Дворце Смерти: «Это все твоя

вина! Ты убил меня своим черным сознанием убийцы! Да, ты, ты — чудовище из прошлого, проклятый монстр! Все живое бежит от тебя, кроме дружка-мертвеца! Почему ты еще жив, убийца, а я нет?» Неужели Рейли тоже знал?

Он вспомнил слова Сэмми Джоунса, когда они разговаривали после охоты: «Том, ты прирожденный убийца. Ничего другого тебе не остается». Неужели Сэмми угадал?

И теперь самое главное. Самый значительный момент его жизни — мгновение смерти в ту ночь в 1958 году. Он ясно вспомнил…

…Внезапно, совершенно необъяснимым образом, руль снова заработал, но Блейн не использовал эту возможность. Его вдруг с силой удара молнии наполнило яростное возбуждение, он приветствовал надвигающийся удар, желал его и боли, и хруста костей, и смерти…

Блейн вздрогнул, когда ожил в памяти момент, о котором он не думал когда-либо вспоминать, момент, в который он мог еще избежать катастрофы, но предпочел совершить убийство. Он поднял голову и посмотрел на жену.

— Я убил его, — сказал он. — И Робинсон это знал. И теперь я тоже знаю.

Он тщательно объяснил все Мэри. Сначала она

не захотела поверить ему.

— Это было так давно, Том! Откуда ты можешь наверняка знать, что случилось на самом деле?

— Я уверен, — сказал Блейн. — Вряд ли человек может забыть мгновение своей смерти. И я помню свою смерть очень хорошо. Я умер именно таким образом.

— И все же, нельзя называть себя убийцей из-за одной секунды, одной доли секунды…

— А много ли времени требуется для того, чтобы выстрелить или ударить ножом? — спросил Блейн. — Это тоже доля секунды! На то, чтобы стать убийцей, больше и не требуется.

— Том, но у тебя ведь не было причины?

Блейн покачал головой.

— Да, я убил не ради мести или выгоды. Но я убийца другого типа. Это относительно редкий тип. Я — обыкновенный средний человек, у которого внутри имеется всего понемногу, в том числе и немного от убийцы. Я убил, потому что в тот момент у меня была возможность. Особая возможность, именно для меня, исключительное сочетание событий, настроений, мыслей, влажности, температуры воздуха и Бог знает, чего еще. Такое сочетание могло бы не возникнуть еще двести лет.

— Но ты не виноват! — сказала Мэри. — Этого бы не случилось, если бы Энергетическая система РЕКСа и я не создали для тебя это сочетание условий.

— Да. Но я ухватился за эту возможность, — сказал Блейн, — ухватился за нее и совершил хладнокровное убийство, просто так, для забавы, потому что был уверен в безнаказанности. Я убил…

— …Мы убили, — сказала Мари.

— Да.

— Ну хорошо, значит, мы с тобой убийцы, — спокойно сказала Мари. — Ну и ничего. Не сходи с ума, Том. Мы убили раз, убьем и второй.

— Никогда, — сказал Том Блейн.

— Но ему осталось почти что ничего! Клянусь тебе, Том, он не протянет и месяца. Один удар и все. Один толчок.

— Этого я не сделаю, — сказал Блейн.

— И не позволишь мне?

— Не позволю.

— Идиот! Тогда просто не делай ничего! Жди. Месяц, чуть больше — и ему конец. Ты можешь потерпеть месяц, Том.

— Еще одно убийство, — устало сказал Том.

— Том! Ты не отдашь ему свое тело! А как же

наша жизнь?

— Ты думаешь, все могло продолжаться по-старому после этого? — спросил Блейн. — Я бы не смог так жить. Хватит спорить. Не знаю, сделал бы я это, если бы не было страховки. Очень может быть, что нет. Но у меня есть послежизнь. И я хочу отправиться туда с уплаченными долгами. Если бы это была моя единственная жизнь, я бы держался за нее руками и ногами. Но есть и другая возможность! Ты это понимаешь?

— Да, понимаю, — упавшим голосом сказала Мэри.

— Честно говоря, мне даже любопытно взглянуть на мир иной. И еще…

— Что?

Плечи Мэри вздрагивали, и Блейн обнял ее. Он вспомнил разговор с Халлом, элегантным аристократом, Жертвой.

«Мы следуем наставлению Ницше, — говорил Халл, — умереть в нужный момент! Разумные люди не цепляются за жизнь, словно утопающий за обломок шлюпки. Они знают, что жизнь тела — лишь малая часть человеческого существования. Почему бы этим способным ученикам не перепрыгнуть сразу на класс или два вперед?»

Блейн вспомнил, какой атавистической, страш-

ной, странной и одновременно благородной показалась ему выбранная Халлом смерть. Позерство, конечно, но ведь и жизнь сама, в океане мертвой материи — она тоже претенциозна. Халл казался ему древним японским самураем, исполняющим обряд харакири, подчеркивая тем важность жизни в самом выборе смерти. И еще Халл сказал:

«Свершение смерти не является привилегией класса или воспитания. Это понятие каждого человека о благородстве, его рыцарское приключение. И каким образом он проявит себя в этом опасном предприятии и будет свидетельствовать о его ценности как человека». Мэри прервала его воспоминания.

— Что ты еще хотел сказать? — спросила она.

— Ох! — Блейн подумал одно мгновение. — Я хотел сказать, что некоторые обычаи XXII века произвели на меня впечатление, в частности, некоторые аристократические. — Он усмехнулся и поцеловал ее. — Но у меня, конечно, всегда был хороший вкус.

Блейн открыл дверь.

— Робинсон, — позвал он. — Пойдем к кабине для самоубийц. Я уступаю тебе тело.

— Другого от тебя я и не ожидал, Том, — сказал

зомби.

— Тогда пойдем.

Они не спеша отправились вниз по склону. Мэри несколько секунд смотрела им вслед из окна, потом сама покинула дом и пошла за ними. Они остановились у двери в кабину.

— Ты думаешь, что соединишься нормально? — спросил Блейн.

— В этом я уверен, — сказал Робинсон. — Том, я очень тебе благодарен. Я буду хорошо заботиться о твоем теле.

— Оно не совсем мое, — объяснил Блейн. — Раньше оно принадлежало парню по имени Кранч. Но я к нему тоже привязался. Тебе придется к нему привыкнуть. Главное, напоминай время от времени, кто хозяин. Иногда его тянет поохотиться.

— Думаю, что мне понравится это, — сказал Робинсон.

— Да, наверное. Ну что же, желаю удачи.

— И тебе удачи, Том.

Их догнала Мэри и на прощание поцеловала Блейна ледяными губами.

— Что будешь делать? — спросил Блейн. Она пожала плечами.

— Не знаю. Я сейчас ничего не соображаю…

Том, нужно ли это?

— Нужно — сказал Блейн.

Он еще раз взглянул на пальмы, в ветвях которых шелестел ветерок, на голубое пространство океана, на темный склон горы над ним, с серебристыми нитями водопадов. Потом он повернулся и вошел в кабину, и дверь за ним закрылась.

Внутри не было ни окон, ни мебели, кроме одного стула. Укрепленная на стене инструкция была очень простой. Вы просто садились на стул, поворачивали выключатель справа и быстро, безболезненно умирали, а тело ваше становилось свободным для следующего обитателя.

Блейн опустился на стул, убедился, что выключатель у него под рукой, потом облокотился о спинку и закрыл глаза.

Он снова подумал о своей первой смерти и пожалел, что она была такая неинтересная. Следовало бы на этот раз исправить ошибку и умереть вроде Халла, погибшего в сумерках на вершине холма от руки охотника. Почему бы ему не поступить так же? Почему не мог бы он встретить смерть, сражаясь с тайфуном, или в схватке с тигром, или взбираясь на Эверест? Нет, почему смерть его опять будет такой обычной, невыдающейся?

И, наконец, почему он так никогда и не занялся конструированием яхт?

Смерть в действии, как снова осознал Блейн, была не в его характере. Несомненно, что ему было предназначено умереть вот таким быстрым, обычными безболезненным способом. Вся его жизнь в этом веке указывала на это — слабый намек, когда умер Рейли, определенная уверенность во время посещения Дворца Смерти, неизбежная судьба, когда он поселился на Таиохэ.

Но жаловаться было не на что. Хотя он прожил в будущем меньше года, он получил самое ценное его изобретение — послежизнь! Он снова почувствовал то, что ощущал, покинув здание корпорации «МИР ИНОЙ» — освобождение от тягостного бремени страха смерти. Больше бояться нечего!

Теперь старинный враг побежден! И люди больше не умирают: они переходят в иной мир!

Но он выиграл даже больше, чем послежизнь. Он ухитрился втиснуть в этот год целую человеческую жизнь.

Он родился в белой комнате, с ослепительным светом, и над ним склонился бородатый доктор, и добродушная медсестра кормила его, пока он, встревоженный, прислушивался к непонятным

разговорам. Он рано вышел в самостоятельную жизнь, без знаний и опыта, глазел на чудеса Нью-Йорка, и позволил говорливому незнакомцу обмануть себя, и едва не расстался с телом и жизнью, пока более мудрые люди не спасли его и не успокоили боль. Облаченный в сильное, незнакомое тело, он снова окунулся в жизнь, и теперь уже как равный действовал вместе с вооруженными блестящим и звенящим оружием людьми в погоне за опасностью и честью. Он преодолел это заблуждение тоже и нашел более достойное занятие. Но некие мрачные предзнаменования, омрачавшие его жизнь с самого детства, наконец дали ядовитые плоды, и ему пришлось бежать из родной страны в самый дальний край планеты. Но по пути ему удалось обзавестись семьей. Как и у каждой семьи, у нее имелись свои семейные тайны, скелеты в шкафу, как говорится, и все же это была его семья. В расцвете зрелости он приехал в страну, которую полюбил, женился и совершил свадебное путешествие, увидел горы Муреа, пылающие в лучах заката. Свои последние месяцы склона жизни он провел в тихом, полезном труде и воспоминаниях об увиденных чудесах. И он прожил их, уважаемый и почитаемый всеми.

И этого было достаточно, Блейн повернул выключатель.

— Где я? Кто я? Что я такое? — Ответа не было. — Я вспомнил. Я — Томас Блейн, и я только что умер. Сейчас я на Пороге, совершенно реальном и не поддающемся описанию месте. Я ощущаю Землю. И впереди я чувствую послежизнь.

— Том…

— Мэри!

— Да, это я.

— Но как ты… Я не думал…

— Что ж, возможно, в каком-то отношении я не была хорошей женой. Но я всегда была верной, и я сделала для тебя все, что могла, Том. Конечно же, я последовала за тобой.

— Мэри, ты не представляешь, как я счастлив.

— И я тоже.

— Пойдем дальше?

— Куда, Том?

— В послежизнь.

— Том, я боюсь. Не могли бы мы побыть немного здесь?

— Все будет хорошо. Пойдем.

— Ох, Том! Вдруг нас разлучат? Что это за место? Мне кажется, там нам будет плохо. Я боюсь, что там будет ужасно необычно, и призрачно, и

страшно.

— Мэри, не волнуйся. Я успел побывать на должности младшего конструктора яхт три раза в течение двух жизней. Это моя судьба! Она не может изменить мне и здесь.

— Хорошо. Я готова, Том. Идем.